

AIDA İMANQULİYEVA

MƏQALƏLƏR VƏ TƏRCÜMƏLƏR

**AZƏRBAYCAN MILLİ ELMLƏR AKADEMİYASI
AKAD.Z.M.BÜNYADOV ADINA ŞƏRQŞÜNASLIQ İNSTİTUTU**

AİDA İMANQULİYEVƏ

**MƏQALƏLƏR
VƏ
TƏRCÜMƏLƏR**

Bakı-2010

СТАТЬИ
(на русском языке)

**ОБЪЕДИНЕНИЕ «АР-РАБЫТА АЛ-КАЛЯМИЙЯ»
(«АССОЦИАЦИЯ ПЕРА») И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА
СОВРЕМЕННУЮ АРАБСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ**

Большое влияние на современную ново-арабскую литературу и культуру в целом оказало известное в истории под названием «Ассоциация пера» литературное объединение арабов-эмигрантов из Сирии и Ливана, плодотворно работавших в Америке в различных областях литературы.

Имена таких ее представителей, как Д.Х.Джубран, Михаил Нуайме, Илья Абу Мади широко известны в арабском мире. И не только в арабском.

Они высоко подняли знамя арабской культуры на Западе, рассеивая все лживые, пропагандистски искаженные сведения о Новом Свете, об американской «свободе», они в то же время познакомили западного читателя с арабским Востоком, сделали очень много для развития культурных связей между Западом и Арабскими странами.

Причины эмиграции арабов из Ливана и Сирии в Америку и другие западные страны подробно рассмотрены нами в статье «Об арабской литературе в эмиграции» и сводятся к следующему – гнет Османской империи, крайняя нищета страны, голод, преследование людей с прогрессивными взглядами, террор и к тому же притягательные идеи «западной свободы» и демократии.

Опубликованных работ специально по «Ассоциации пера» в нашей стране нет.

Нам представляется необходимым и интересным рассмотреть в настоящей статье деятельность «Ассоциации пера» и ее влияние на современную арабскую поэзию и прозу.

В Америке арабы-интеллигенты быстро сконцентрировались в различные организации, издательства, клубы. Вскоре появилась своя печать, которая стала рупором их стремлений и идей. Деятели культуры в эмиграции познакомили запад с историей и культурой арабов; появились такие личности, как Д.Х.Джубран, Амин ар-Рейхани, М.Нуайме, Илья Абу Мади.

В 1892 году в Америке вышла первая арабская газета. Доктор Н.Ар-били в Нью-Йорке выпустил первый номер еженедельной газеты под названием «Каукяб Америка» («Американская звезда»). Газета ставила целью познакомить арабов с жизнью Запада, с жизнью соотечественников-эмигрантов, а американского читателя с арабской жизнью. Вслед за этой вышли следующие эмигрантские газеты и журналы: «Djəridə əl-hudə» («Правильный путь», 1898, Филадельфия), «Al-Saih» («Путешественник», 1912, Нью-Йорк), «Al-Funun» («Искусство», 1912, Нью-Йорк), «Al-Aləm əs-Suri» («Сирийский мир», 1926, Нью-Йорк) и др.

В начале XX века существовало одновременно не менее 50-ти периодических изданий в разных частях Америки. В этих периодических изданиях литераторы-эмигранты стремились показать всем арабам истинное лицо Запада, рассказать о тех трудностях, которые ожидают иностранца в Новом свете. Но очень тяжелое материальное положение впоследствии привело в закрытию многих газет и журналов.

Писатели-эмигранты понимали необходимость создания организации, которая сможет объединить их в единую целеустремленную силу для служения интересам арабской литературы и языка, для превращения литературы в активную общественную силу, тесно связанную с жизнью арабской нации.

28 апреля 1920 года писатели-арабы собрались у Д.Х.Джубрана и решили организовать свою творческую ассоциацию. Председателем стал Д.Х.Джубран. Они приняли следующий устав ассоциации:

1. Назвать ассоциацию «ар-Рабыта ал-Калямиийя» («Ассоциация пера»).
2. Избрать членами ассоциации: Джубран Халил Джубрана, Михаил Нуайме, Вильям Катисфлайс, Абд ал-Масих Хадлад, Надра Хадлад, Ильяс Аталлах, Насиб Арида, Рашид Аюуб.
3. Избрать председателем – Д.Х.Джубрана, советником – М.Нуайме.
4. Создать свой печатный орган.

Сам Д.Х.Джубран нарисовал эмблему для «Ассоциации». В центре круга раскрытая книга с надписью:

"الله كئوز تحت العرش مفتاحها السنة الشعراء"¹

¹ «Əl-Ədeb əl-məhdjər», əl-Kahira, 1959, стр. 45.

«Бог имеетклады под небом, ключи к которым являются языки поэтов». За книгой изображено солнце, а снизу чернильница с ручкой. Под кружком написано название ассоциации по-арабски красивым кудрийским письмом и по-английски. По-английски написан и адрес ассоциации.

Газета «ас-Саих», основанная в 1912 году Абд ал-Масих Хаддадом, стала печатным органом «Ассоциации пера».

" و "الصحاح" بوكتنا، ادارته مكة خطواتنا، و مثير افكارنا و عكنا قوافينا و مسرح مهزلنا".

«Газета «ас-Сәих», - пишет Нуайме, - является нашим рупором, ее редакция Меккой наших шагов, трибуной наших мыслей, Указом»³ наших стихов, сценой наших комедий». Это была социально-политическая и литературная газета. Выходила она два раза в неделю. Хотя «ас-Саих» не была чисто литературной газетой, как эмиграционный журнал «ял-Фунун»,⁴ но издатель ее А.М.Хаддад создал своим коллегам-литераторам все условия для плодотворной работы в литературном разделе газеты. Здесь публиковались труды членов ассоциации, переводились и издавались наиболее значительные произведения иностранных писателей. На страницах газеты «ас-Саих» члены ассоциации восстали против подражательства и традиционности, призывали отойти от старого, протоптанного пути в литературе, пропагандировали новую тематику, которая должна опираться на подлинную действительность. В газете также появлялись научно-критические статьи о тех или иных произведениях членов ассоциации пера.

В середине каждого года газета выпускалась особым номером в Виле аль-манаха под названием «ал-адд ал-мумтаз». В этих номерах выступали все члены ассоциации. Они не только писали статьи, рассказы, новеллы для таких номеров, но и активно участвовали от редактирования до выбора бумаги, в оформлении обложки, в распределении материалов по столбцам и т.д. В «ял-

адд ал-мумтаз» выступали также другие писатели-эмигранты. Выход этих номеров был важным событием на Арабском Востоке. Влиятельные арабские газеты писали о нем. Многие любители и знатоки литературы собирали эти издания. По этим комплектам проводились занятия во многих арабских школах.

Видный арабский журналист, доктор Ягуб Сарруф так оценивает деятельность газеты «ас-Саих»: «Газета сильно отличалась от других эмигрантских изданий своими прекрасными касыдами, глубоко содержательными рассказами, а также серьезными научно-критическими статьями».⁵

".... ليس كل ما سطر بمداد على قرطاس ادبا و لا كل من حرر مقالا او نظم قصيدة موزونة بالاديب فالاديب الذي نعتبره هو الاديب الذي يستمد غذاءه من تربة الحياة و نورها و هوانها.... و الاديب الذي نكرمه هو الاديب الذي خصن بريقة الحس و دقة الفكر و بعد النظر في موجات الحياة و تغلباتها و بمقدرة البيان.

ان هذه الروح الجديدة التي ترقى الى الخروج بادابنا في دور الجمود و التقليد الى دور الابتكار في جميل الاساليب و المعاني.... فهي امل اليوم و ركن الغد. كما ان الروح التي تحاول بكل قواها حصر الاداب و اللغة العربية ضمن دائرة تقليد القدماء في المعنى و المبنى هي في عرفنا سوس بنخر جسم ادابنا و لغتنا و ان لم تقاوم ستؤدي بها الى حبث لا نهوض و لا تجدد.

بيد اننا، اذا عملنا على تشييط الروح الادبية الجديدة. لا نقصد بذلك قطع كل علاقة مع الاقدمين. فيبينهم من خطاطل الشعراء و المفكرين من سبقي اثارهم مصدر الهام لتكتيرين غدا و بعد اللذ اننا لسنا نرى في تقليدهم سوى موت لادابنا. لذلك فالمحافظة على كيننا الادبي تضطرنا للانصراف عنهم الى حاجات يومنا و مطالبه تمدنا و حاجات يومنا ليست الحاجات امسنا...."

«Не все, что пишется карандашом на бумаге, является литературой, и не все, кто пишет статью или сочиняет размеренную касыду, является литератором. Литературой мы считаем ту литературу, которая получает свою пищу из почвы жизни, от ее света и воздуха. Литератор, которого мы уважаем» - это тот, который уделяет внимание тонкости чувства, точности мысли, предвидит колебания жизни, ее изменения и уделяет внимание красноречивости.

... Этот новый дух, который ведет нашу литературу к выходу от периода застоя и подражания к периоду открытия в красоте стиля и содержания, надежда сегодняшнего дня и основа завтрашнего дня. Тот дух, который со всей силой

² Михаил Нуайма. «Джубран Халил Джубран», Бейрут, 1934, стр. 170.

³ «Якз» (Указ) – название ярмарки недалеко от г. Мекки, где доисламские поэты соревновались, читая свои произведения.

⁴ «ял-Фунун» - эмиграционный литературный журнал, созданный в 1912 году в Нью-Йорке под руководством Насиб Ариды (выходил до 1916 года).

⁵ Mixail Nuayma. «Djubran Xalil Djubran», Beyrut, 1934, стр. 170.

старается ограничивать литературу и арабский язык в рамках подражания старым в содержании и стиле, по нашему признанию, является червью, который изъедает тело нашей литературы и языка. Если не сопротивляться ему, он доведет их до такого положения, где будет невозможным подъем и обновление.

... Однако, если мы помогаем активизированию нового литературного духа, этим мы не преследуем цели порвать все отношения со старым. Среди них есть такие выдающиеся поэты и мыслители, произведения которых остаются источником вдохновения многих и завтра, и послезавтра. Однако мы в подражании им видим только смерть нашей литературы. Поэтому сохранение нашего литературного существования вынуждает нас оставить их и перейти к нуждам нашего сегодняшнего дня и требованиям завтрашнего дня. Ведь нужды сегодняшнего дня не те же нужды вчерашнего дня».

В этих словах, произнесенных на учредительном собрании «Ассоциации пера».

Нуайме ясно и четко предопределил цели и мысли всех членов ассоциации. На собрании выступили и другие присутствующие. Они в своих выступлениях уделили значительное место проблемам современной арабской литературы.

Вышеуказанные слова Нуайме позволяют утверждать, что писателей «Ассоциации пера» в основном интересуют такие вопросы, как обновление современного арабского языка, обновление по форме и содержанию арабской поэзии и создание ново-арабской прозы. Вокруг этих проблем среди различных арабских эмигрантов шли серьезные споры. Особенно это сильно проявлялось в споре между эмигрантами-литераторами Южной Америки, с одной стороны, и членами «Ассоциации пера», с другой.

Будучи сторонниками обновления арабской поэзии, южно-американские писатели-эмигранты все же следовали традициям классической, арабской поэзии и литературным стилям Европы и Америки. Ал-Шаир ал-Карави, считавший язык Корана и «Nəhdj əl-Bələqa» лучшим образцом, писал:

" علموا القرآن والحديث ونهج البلاغة في كل مدارسكم وجاءتكم لتقوم
بالفصحى المنتكمتك وتتقوى ملكاتكم وبعلو نفسكم وتزخى صدوركم بالحكمة
وطروكم فساخر البيان " . تشرف⁶

«Обучайте Корану, Хадисе, книге «Nəhdj əl-Bələqa» в своих школах и университетах для того, чтобы вы привыкли к литературному языку и закрепились ваши эти привычки, чтобы возвышался ваш дух, наполнялись ваши сердца мудростью, сверкали ваши письмена очарованием и красноречивостью».

В противоположность литераторам-эмигрантам из Южной Америки северо-американские эмигранты были сторонниками упрощения литературного арабского языка, приближения его к устной народной речи, и они стремились избавить арабский язык от архаических, надуманных слов. Эти литераторы не ограничивались выражениями, оборотами, аллегориями, метафорами, созданными классиками.

Они наряду с творческим использованием всего наследия классиков стремились к созданию совершенно новых путей.

Джубран по этому поводу писал:

" لكم منها - يعنى اللغة - ما قاله سيويو و الاسود... ولى منها ما تقوله الام
لظلمها و المحب لرفيقته " .⁷

«Берите от него (языка) то, что сказал о нем Сибовеяхи и ал-Асвад, а мне оставьте тот язык, каким говорит мать со своим ребенком и влюбленной со своей возлюбленной».

Выступление членов ассоциации в печати совпало со временем, когда шел спор между арабскими литераторами, консерваторами и новаторами. Консерваторами выступали в основном египетские литераторы.

Арабский филолог Н.Саррадж отмечает, что нападки консерваторов «не расхолаживали писателей эмигрантов, так как они писали для народа, работали и трудились во имя будущего».

Члены «Ассоциации пера», как и многие другие прогрессивные писатели Востока, оставили перед собой задачу обновить метры и размеры арабского стихосложения, а также обновить звучание и музыкальность сти-

⁷ Muxəmməd Əbd'əl-Qani Xesən. "Əş-şə'r' əl'arabi fi əl-məhdjə", 1958, str. 93.

⁸ Nedire Sarradj. «Əş-şu'ara» er-Rabta el-Kaləmiyyə, el-Kahira, 1955, ctp.99.

⁶ Əş-Şair al-Karaun. «Divan», San-Paulu. 1952.

хов. Они развивали в арабской литературе жанр стихотворения в прозе. Большим пропагандистом этого жанра был Амин ар-Рейхани, а Джубран. Нуайме и другие члены ассоциации смогли развить и продолжить путь Рейхани. Продолжая этот литературный жанр, члены ассоциации порывают с традиционным стихосложением, с традиционными ораторскими приемами; в этом жанре они дают свободное развитие своим мыслям, исчезает риторика. В стихотворениях Джубрана, Нуайме, Ильи Абу Мади этот разрыв чувствуется не только по форме, но и по содержанию.

Касыды-моноримфы были с древних лет в арабской поэзии основной формой. Монотонность рифмы, постоянство размера стиха утомляло читателя. Литераторы-эмигранты много сделали в обновлении как содержания стиха, так и его размера и формы. Примечательны слова Джубрана по этому поводу:

" ان تعدت الاصوات يزيد في وقع القصيدة ومداهما يسترعى انتباه القارئ
 اكثر من صوت احد".⁹

«Множество звуков увеличивает впечатление касыды и ее силу влияния и привлекает внимание читателя больше, чем привлекает один звук».

Сам Джубран написал ряд стихов, среди которых наиболее известный стих «ял-мауакиб», где мы четко видим новаторскую тенденцию. Этот стих состоит из куплетов с различными рифмами. В стихотворении проявляются два разных размера стиха.

Для иллюстрации можно привести двустишие из этого сочинения:

"و السجن و الموت للجائنين ان صغروا
 و المجد و الفخر و الاثراء ان كبروا
 ليس في الغابات عدل
 لا و لا فيها العقاب".¹⁰

«Тюрьма и смерть для преступников, если они совершили мелкое преступление.

А их ждет слава, гордость и богатство, если их преступление велико.
 В лесах нет справедливости.
 И там нет наказания».

Новые размеры и рифмовка имеют место также в стихах М.Нуайме и других.

Созданная эмигрантскими поэтами, эта форма получила широкое распространение в арабской поэзии в 10-х и 20-х годах. Подтверждения этому можно найти в творчестве ар-Русафи, аз-Захави и других арабских поэтов. Выдвинутые поэтами-эмигрантами новые положения в области размера и рифмы получили позже свое развитие и сегодня предстают перед нами в форме «свободного стиха» - верлибра.

И хотя члены ассоциации уделяют определенное внимание красоте формы произведения, они выдвигают на первый план идею – содержание.

Таким образом, члены ассоциации во главе с Д.Х.Джубраном создают новую форму в литературе. Перед ней уже отступают на задний план традиционные стихи по старым образцам. Форма больших произведений вытесняется мелкими этюдами и набросками. Маленькие рассказы, эссе представляли наиболее рациональную форму для газет и журналов, позволяли быстро охватить все насущные проблемы. В печати часто появлялись реалистические рассказы, отклики на новые литературные сочинения.

Отличительной чертой всех членов ассоциации было их единомыслие. У них было единое понятие о литературе, общая философия. Мысли о братстве, о «переселении души», о «единстве бытия» легли в основу творчества многих из них. Особенно это можно сказать о Джубране и Нуайме. Книги Джубрана «ан-Няби» и «Рамд йа зяйд» передают его философию, идею о жизни, о бытие. То же самое мы видим у Нуайме в книгах «Кярм'аль дярб», «Китяб-ял-Мирдяд». Члены «Ассоциации» впервые привели в арабскую литературу такие выражения, как «Ахи» («Мой брат»), «Садыки» («Мой друг»), «Рафьки» («Мой товариш») Многие стихотворения М.Нуайме, Н.Ариды, Н.Хадда посвящены теме братства и дружбы. Объединяет их и любовь к природе, к земле. Они с большой теплотой и любовью описывают щедрость, благоворность земли. Это мы видим и в рассказе Джубрана «ал-'Ард» («Земля»), и в книге Нуайме «Зяд'-ал-мя'ад» («Припасы для возвращения») и в поэме

⁹ Muḥammad ʿAbd' al-Qanī Ḥasən. «Əṣ-ṣə'r el-'arabi fi el-məhdjə», 1958, str. 91.

¹⁰ Muḥəmməd Muḥəmmədī. «Dərs el-luqa ua el-'ədəb» el-dejuz. II Beyrut, 1956. str. 243.

И.А.Мади «ат-Тын» («Глина»), «Китяби» («Моя книга») и во многих других произведениях членов «Ассоциации пера».

Как и в области стихосложения писатели-эмигранты открыли новые оригинальные пути и в арабской прозе. В классической арабской прозе преобладали макамы и стиль Джахиза. Такие жанры, как роман, повесть, рассказ, очерк, новелла были малоизвестны арабам.

Арабские писатели, объединение вокруг «Ассоциации пера», своими рассказами, новеллами, повестями, написанными простым выразительным арабским языком, воздали новую линию в арабской прозе.

Непонятные по стилю и языку широким народным массам форма макамов постепенно исчезла.

Эта новая тропа, открытая прозаиками-эмигрантами, хорошо принята всеми арабскими писателями. Сегодня такие писатели, как Махмуд Теймур, Нагиб Махфуз, Тауфик ал-Хаким, Юсиф ал-Сибани и другие известны всему миру.

Изо дня в день росло влияние и авторитет писателей-эмигрантов Джубрана, Нуайме, Насиб Ариды, Надра Хаддад, Ильи Абу Мадии и др. в восточном мире, в результате чего появилось много последователей и подражателей. Очень скоро в произведениях молодых писателей Востока стала наблюдаться особая плавность, эластичность языка. Арабы с интересом ждали произведения соотечественников издалека, с большой радостью печатали рассказы Джубрана и Нуайме, стихи Н.Ариды, Н.Хаддада. Например, издательство журнала «ал-Хиляя» («Полумесяц») перепечатало произведения Д.Х.Джубрана «ал-'Ауасыф» («Бури») и сборник его сочинений под названием «ал-Бядя'и'у аа от тарайф» («Чудеса и диковины»). Доктор Тауфик ал-Рафа выступил сборник «ал-'Абкарыййят ал-арабыййя фи ал'алям ал-джадид» («Арабские таланты в Новом мире»), куда он включил и лучшие произведения членов «Ассоциации пера». В 1923 году типография «Дар ал-мя'ариф» в Египте выпустила сборник литературно-критических статей М.Нуайме, «ал-Гирбьял» («Решето»), который произвел большое впечатление на литераторов и критиков Востока. Известный арабский критик Аббас Махмуд Аккад написал предисловие для этой книги, где он называет ее «новым словом в арабской литературе». Произведения членов «Ассоциации» нашли своих сторонников не только в Египте. В других арабских странах, особенно

в Ливане, Тунисе, в Хиджазе, очень многие писатели и поэты пошли по стопам Д.Х.Джубрана, М.Нуайме, Н.Ариды и других.

Восточные историки-литературоведы по-разному объясняют такой большой успех этих писателей. Некоторые приписывают это влияние современной западной литературе, другие говорят, что их успех предопределен их оригинальностью тем, что они писали новыми размерами, не свойственными классическому арабскому стихосложению на живом, доступном широкому кругу читателей языке. Но, как отмечает М.Нуайме, основная причина их успеха заключалась в том, что «они описывали жизнь, как она есть на самом деле, без украшений и искажений. Их объединяли светлые патристические чувства, любовь к земле отцов».¹¹

Членов «Ассоциации пера» объединяло не только их литературное призвание. Будучи вместе, они предавались воспоминаниям о своей родине, о местах своего детства. Они были не только коллегами, но и большими друзьями, ибо чужбина еще больше сблизила, сроднила их.

Глава «Ассоциации пера» Д.Х.Джубран был вдохновителем своих друзей-писателей. В апреле 1931 года после долгой и тяжелой болезни Джубран скончался. Кончина самого близкого друга потрясла М.Нуайме: он не может оставаться на чужбине и в 1932 году возвращается в родной Ливан. После смерти Джубрана и отъезда Нуайме объединение писателей-эмигрантов в конце 1932 года распалось. В Северной Америке не было ни одного поэта или писателя, которые могли бы продолжить традицию своих соотечественников. Эмигранты следующего поколения в отличие от своих предшественников предавали забвению арабскую действительность и родной язык. Секретарь посольства Саудовской Аравии в Соединенных Штатах доктор Ахмед Абдул Хабара писал в 1946 году в ливанском журнале. «ал-Адиб» («Литератор»): «Теперь в Соединенных Штатах нет ни одного поэта или писателя-араба, которым мог бы гордиться Арабский Восток, и которые были бы достойными продолжателями почетного дела членов «Ассоциации пера».¹²

Таким образом, в конце XIX и в начале XX веков в результате определенных общественно-политических условий эмигрировавшие в Америку из

¹¹ Нядира Сяррадж. «Шу'ара'» яр-Рабыта ял-Каламийя», ял-Кашира, 1955, стр. 100.
¹² «al-'Ədib», Ваурут, 1946, № 7.

Сирии и Ливана арабские писатели создали эмиграционную литературу, которая представляет особую ветвь современной арабской литературы. Созданная в 1920 году с целью объединения разрозненных эмигрантских литературных групп, личностей и печати в единую полезную силу, «ар-Рабыта ал-Калямийя» наряду с этим представляет собой поворотный пункт в истории современной арабской литературы, сыграв большую роль в сближении как по форме, так и по содержанию арабской поэзии и прозы.

ОБ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ЭМИГРАЦИИ

Последние десятилетия нашего века характеризуются невиданным подъемом национально-освободительного движения, завоевания суверенитета, подъема экономики и культуры всего Арабского Востока.

Пробужденный арабский мир со всей многовековой культурой стал в центре внимания исследователей самого различного направления.

Большой интерес ко всему арабскому – к литературе, искусству – проявляют и советские люди, солидарные с арабами в их справедливой борьбе с колонизаторами. Сами арабы видят в Советском Союзе надежного друга, оказывающего бескорыстную помощь в самые трудные минуты. Арабско-русские литературные связи восходят еще к XIX веку. Арабами переведены на родной язык произведения многих русских классиков: «Евангелие», «Крейцерова соната», «Воскресенье», «Анна Каренина» и другие произведения Л.Н.Толстого. «Капитанская дочка», «Барышня-крестьянка» А.С.Пушкина, «Тарас Бульба» Гоголя, «Князь Серебряный» А.К.Толстого, «Преступление и наказание» Достоевского, масса мелких рассказов Чехова, почти все басни Крылова «Король, который высоко держит свое знамя», «Один из королей республики», «Песня о Соколе» отрывки из романа «Мать», многочисленные рассказы М.Горького. Кроме этого были переведены произведения Тургенева, Данилевского, Гончарова и др.

Русская классическая литература оказала большое внимание на творчество ряда выдающихся писателей арабского Востока.

Известные писатели-эмигранты Михаил Нуайме, Абд ал-Масих Хаддад, Насиб Арида получили свое образование в русских школах в Сирии и Палестине, знали русский язык и глубоко восприняли прогрессивные идеи русской классической литературы. Крупнейший после Джубрана деятель «Ассоциации пера» Михаил Нуайме высшее образование получил непосредственно в России, где проникся идеями В.Г.Белинского и других революционных демократов и принимал активное участие в студенческом антиклерикальном движении, за что был отчислен из семинарии.

Как отмечает И.Ю.Крачковский в своих «Избранных произведениях» новеллы Михаила Нуайме, относящиеся еще в 1914 – 1919 гг. «дают отчет-

ливого представление о роли русских писателей в его творчестве, как и его соавщика Хаддала, в подвернутых мягким юмором картинах из жизни арабских эмигрантов в Америке (1921)).

Не избежали благотворного влияния русской литературы и другие писатели-эмигранты, такие как Илья Абу Мади и Рашид Аййуб, в лирике которых ясно чувствуется влияние Пушкина и Тютчева.

Русского читателя с арабской литературой познакомил выдающийся востоковед И.Ю.Крачковский. Его работы по истории арабской литературы являются самым значительным в деле пропагандирования арабской литературы в нашей стране.

Многие произведения арабских писателей переведены на языки народов Советского Союза.

В рамках одной статьи невозможно охватить весь процесс развития арабской литературы. Цель настоящей статьи – познакомить наших читателей с большой плеядой арабских писателей, творивших вне пределов своих стран, с арабской литературой в эмиграции. Эта плеяда писателей эмигрантов сыграла видную роль в формировании современной ново-арабской литературы, повлияла на всю арабскую литературу. Поэтому для более полного знакомства с арабской литературой в целом необходимо изучение арабских литературных школ в эмиграции.

Литературное движение наблюдавшееся в начале XIX в. в Сирии и Ливане под непосредственным влиянием национально-освободительной борьбы, к концу века было вынуждено перенести поле своей деятельности в эмиграцию. Военно-полицейский режим, достигший своего апогея в годы правления Абдул-Хамида (1876-1908), жестокие политические репрессии и гонения привели к тому, что подавляющему большинству передовых деятелей культуры пришлось покинуть родину и эмигрировать в различные страны. Часть писателей и поэтов переселяется в Египет и в Турцию, а часть – в европейские страны и в Америку.

Однако попытки сирийских и ливанских писателей создать литературные очаги в эмиграции и продолжить свою творческую деятельность во имя своих прежних общественных и художественных идеалов не везде увенчались одинаковым успехом. Небольшие литературные объединения и кружки, созданные эмиграцией в Турции (Стамбуле), в крупных центрах Запад-

ной Европы, а также в Южной Америке, не оставили значительных следов в истории арабской культуры. (Кроме «Андалузской ассоциации», организованной в Южной Америке).

Наиболее благоприятные условия переселенцы из Ливана и Сирии нашли в Египте, где в скором времени заняли видное положение в области журналистики.

Благодаря активной деятельности, главным образом, ливанской и сирийской интеллигенции в Египте к началу XX в. был завершен период просветительства и популяризации в наиболее развитых частях арабского мира; была создана устойчивая читательская среда и появилась потребность в новых, ранее не существовавших литературных формах.

Создание этих форм, отвечающих новым эстетическим запросам освоение творческих методов и художественных приемов литературы народов Европы и применение их в арабской словесности, первые попытки весторонне изобразить реальную действительность, понять и воплотить в конкретных образах стремления и чаяния средних слоев общества – все это выпало на долю сирийских и ливанских писателей, поэтов и критиков, эмигрировавших в начале нашего века в Северную Америку, большинство из которых впоследствии сгруппировалось вокруг литературного объединения «Ассоциация пера».

Творчество сиро-американской группы писателей и поэтов – Амина ар-Рейхана, Джубран Халил Джубрана, Илья Абу Мади, Насиба Арида, Рашида Аййуба, Михаила Нуайме, Абд ал-Масиха Хаддала и др. составило целую эпоху в истории ново-арабской литературы и в значительной степени предопределило дальнейший ход ее развития. Лучшим доказательством справедливости этого положения служит то исключительное внимание, которое уделяет современная арабская литературная критика исследованию творческого наследия указанной школы. Лишь в последние десять лет в различных частях арабского мира появились десятки монументальных монографических трудов, посвященных отдельным ее представителям или же исследованию возникновения и развития, художественной и общественной значимости этой школы.

Так, например, в Египте значительная группа профессоров и докторов гуманитарного факультета Каирского университета специализируется в исследовании проблемы арабской литературы в эмиграции.

Несмотря на свои большие научно-фактические достоинства, эти труды содержат и большой недостаток. Они не раскрывают сущности общественных и эстетических идеалов, в свете которых они рисовали тогдашнюю арабскую действительность.

Лишь в монографии Ихсана Аббаса и Мухаммеда Юсуфа Наджми «Арабская поэзия в эмиграции» мы наблюдаем серьезную попытку разобраться в закономерности тех общественных процессов и идейных течений, которые предопределили эстетическую и философскую программу группы писателей-эмигрантов, выяснить идейные и классовые позиции и точно определить их творческий метод.

Однако в этой работе не учитывается фактор, сыгравший немаловажную роль в становлении прогрессивных взглядов видных представителей сиро-американской группы писателей, - благотворное влияние передовой русской литературы XIX в. и в первую очередь, революционно-демократических идей. В.Г.Белинского и его последователей. Однако все эти вопросы не нашли своего отражения в перечисленных монографиях. Это объясняется, пожалуй, отсутствием у авторов соответствующей подготовки и знаний о предмете исследования. То обстоятельство, что отсутствие анализа влияния русской литературы на творчество Нуайме, Хаддада, Ариды и их соратников мы рассматриваем как один из основных критериев научной неполноценности трудов исследователей, занимающихся интересующей нас проблемой, отнюдь не вытекает из второстепенных соображений вроде стремлений подчеркнуть факт литературных связей и т.д.

Невозможно проследить и понять эволюцию художественных взглядов и эстетических идеалов этих писателей без учета указанного влияния. Для подтверждения справедливости сказанного, достаточно будет привести высказывание одного из лидеров сиро-американской школы Михаила Нуайме, который писал: «Литературный застой во всем говорящем по-арабски мире бросился мне в глаза, когда я покинул Россию. Это действовало удручающе и было обидно до крайней степени для человека, воспитанного на тонком искусстве Пушкина, Лермонтова и Тургенева, на смехе сквозь слезы Гоголя, на увлекательном реализме Толстого, на литературных идеалах Белинского и, наконец, на высокой человечности самого мощного, глубокого, полного и наиболее проникновенного среди всех русских писателей – Достоевского...

Вот почему – продолжает далее Нуайме, - мои первые литературные опыты на арабском языке были, главным образом, критического характера».

Таким образом, при изучении творческого наследия многих писателей-эмигрантов постоянно надо держать во внимании влияние русской литературы и литературной критики XIX в. Иначе суждения о формировании их философских и общественных взглядов, художественного метода изобразительных средств и образной системы в значительной степени будут носить искусственный характер, что мы наблюдаем почти во всех работах арабских авторов. Этот недостаток еще в большей степени свойствен и работам европейских исследователей, которые, кстати, не уделяли особого внимания изучению арабской литературы в эмиграции.

Исследованию творчества этих писателей посвящен небольшой раздел в известном труде К.Брокельмана «История арабской литературы», в котором автор дает исторический обзор Ливана конца XIX – начала XX вв., излагает вкратце причины эмиграции из арабских стран, главным образом, из Ливана, описывает историю возникновения эмиграционной школы арабской литературы и дает краткие биографические сведения об отдельных ее представителях.

Общий и описательный характер носят также статьи, рефераты и материалы, опубликованные по этому вопросу другим немецким арабистом – Г.Кампфмейером. Тем не менее, именно ему принадлежит заслуга в ознакомлении европейских читателей с образцами произведений американских писателей-арабов с краткой аннотацией и биографическими сведениями, приведенными в антологию, составленную им совместно с советским ученым-востоковедом И.Ю. Крачковским.

Одно из достоинств работ Г.Кампфмейера заключается в том, что они написаны с полным учетом достижений советской арабистики в этой области. Благодаря переводом и рефератам Г. Кампфмейера значительная литература, имеющаяся по данному вопросу на русском языке, стала доступной европейским читателям.

Первооткрывателем громадного значения для всей арабской культуры деятельности писателей-эмигрантов является выдающийся советский ученый-востоковед И.Ю.Крачковский. Должным образом оценив дарования Рейхани, Джубрана и Нуайме, на протяжении долгих лет он пристально следил за их творчеством, постоянно откликаясь на их новые произведения.

Благодаря И.Ю.Крачковскому многие произведения писателей-эмигрантов стали доступными не только специалистам, но и широкому кругу читателей И.Ю.Крачковский посвятил несколько специальных статей, несущих характер литературных портретов: Амин ар-Рейхани, Михаилу Нуайме, Джубран Халил Джубрану и т.д.

Он же написал несколько самостоятельных эссе, в которых суммарно излагается история арабской литературы в Америке, возникновение эмиграционного литературного объединения «ар-Раби́та ал-Калами́йя», («Ассоциация пера»), дается оценка роли этого объединения в ново-арабской литературе.

Громадное значение для нас имеют прежде всего те линии направления, которые И.Ю.Крачковский наметил для дальнейшего изучения темы. Материалы, которыми располагал он, в настоящее время в свете тех значительных работ арабских авторов, на которые указано выше, немного устарели. Однако общие методические линии, намеченные И.Ю.Крачковским, должны лечь в основу всех наших исследований. Благодаря инициативе И.Ю.Крачковского впервые русские и европейские исследователи получили возможность ознакомиться и с образцами подлинников произведения Михаила Нуайме, Джубрана, Рейхани, Ильи Абу-Мадии и других. Огромная заслуга И.Ю.Крачковского, одного из первых европейских ученых, по выражению Нуайме, уделивших «серьезное внимание новой арабской литературе, которую нельзя более отстранять или игнорировать, как недостаточную настоящего исследования» заключается еще и в том, что он впервые обнаружил тесные идейные и художественные связи некоторых писателей-эмигрантов с русской классической литературой. Однако И.Ю.Крачковскому не довелось осуществить свое горячее желание – создать самостоятельное исследование монографического характера по данной теме.

Нам представляется необходимым вкратце обрисовать исторический и культурный фон и причины, породившие эмиграционную литературу арабов.

В 1831 году ливанским эмир Бешир II (1789-1840) вступил в союз с египетским правителем Мухаммедом Али для совместной борьбы против Османской империи. С помощью Мухаммеда Али Баширу II удалось временно изгнать турок из Ливана. В результате Ливан стал вассалом Египта. Чтобы возместить ущерб, нанесенный войной, восстановил разрушенные дороги, Бешир II увеличил налоги. Это вызвало недовольство среди населения, нача-

лись волнения и восстания, чем незамедлительно вновь воспользовались Англия и Турция. Внутриполитическое положение было также напряженным. Усилилась вражда между моранитами и друзами, особенно в горном Ливане. Западные страны, в частности, Англия и Франция, разжигали религиозный фанатизм среди населения, преследуя известные цели. Таким образом, уже во второй половине XIX века Ливан был превращен в полуколонию западных держав. Господство турецких порабощителей, феодальные взаимоотношения, бедственное положение крестьян и ремесленников – основной части Ливана – все это вынуждало ливанцев эмигрировать в чужие страны.

К концу XIX в. началась эмиграция из Сирии и Ливана в европейские страны и в Америку. Эта эмиграция заняла важное место в новой истории Ливана, который подвергся большому чужеземному влиянию в экономической, социальной и культурной сферах жизни. Арабские историки расходятся в оценке причин эмиграции. Некоторые связывают ее с экономическими соображениями и территориальной теснотой, другие с политическим фактором – вассальным положением страны во время турецкого владычества, черным режимом Абдул Хамида, преследованием разных христианских сект и т.д.

На наш взгляд, эмиграцию из Ливана в западные страны вызвали гнет Османской империи, безграничная нищета страны, голод, преследование прогрессивных людей, террор, а также притягательные идеи «западной свободы». Арабы смотрели на Америку как на «золотой рудник». Но, попав в Новый свет, они оказались в крайне тяжелом положении. Арабы жили в самых бедных кварталах Вашингтона и Нью-Йорка. Трудились день и ночь, многие из них очень скоро вернулись назад, на родину.

Осевшие в Америке арабы – интеллигенты вскоре образовали свои издательства, клубы, и стали заметной силой. Д.Х.Джубран, Амин ар-Рейхани, М.Нуайме, Илья Абу Мадии и другие выдающиеся арабские литераторы высоко подняли знамя арабской культуры на Западе.

15 апреля 1892 года в Америке появилась первая арабская газета. Доктор Нагиб Арбили в Нью-Йорке выпускал еженедельную газету под названием «Каукяб Американ» («Американская звезда»). Основная цель газеты – ознакомление арабов с истинной жизнью Запада, а также ознакомление американского читателя с арабской действительностью. Газета рассевала все лживые, искаженно-пропагандистские сведения о новом мире, об амери-

канской «свободе». Арабы с нетерпением ждали каждого номера этой газеты, которая знакомила их с жизнью соотечественников-эмигрантов.

Другая эмигрантская газета – «Джарида ал-Худа» («Правильный путь») – была основана в 1898 году Наумом Муказалом. Первый номер ее вышел в Филадельфии. Это была общественно-литературная газета, с многочисленными разделами: (о литературе, известия, объявления, полезные советы и т.д.). Потом газета стала издаваться в Нью-Йорке. Она имела большую известность в арабских странах, особенно в Сирии.

Издатель газеты «Джарида ал-Худа» Наум Муказал в 1911 году стал председателем «Ливанской прогрессивной лиги», созданной в том же году в Нью-Йорке. Лига принимала участие в политической жизни ливанцев в Соединенных Штатах и в Канаде; члены Лиги боролись за освобождение Сирии от турецкого ига, собирали средства в фонд развития культуры своей страны.

В 1912 году в Нью-Йорке начали выходить газета «Ас-Саих» («Путешественник») и журнал «Ал-Фунун» («Искусство»), первый из которых потом стал органом «Ассоциации пера» арабских писателей-эмигрантов. Издателем этой газеты («Ас-Саих») был Абд ал-Масих Хаддад. Газета была социально-политическая и литературная. Выходила она два раза в неделю. Хотя «Ас-Саих» не было сугубо литературной газетой, издатель ее А.М.Хаддад создавал своим коллегам-литераторам все условия для плодотворной работы в литературном разделе газеты. Здесь публиковались труды писателей-эмигрантов, переводились и издавались наиболее значительные произведения иностранных писателей. На страницах газеты «Ас-Саих» писатели-эмигранты восстали против подражательства и традиционности, призвали отойти от старого, протоптанного пути в литературе, пропагандировали новую тематику, которая должна опираться на подлинную действительность и жизнь. В газете появлялись также научно-критические статьи. Раз в год газета выпускалась особым номером в виде альманаха, которая называлась «Ал-Адад ал-Мумтаз» («Специальный номер»). В этих номерах выступали почти все видные литераторы-эмигранты.

Видный арабский журналист Ягуб Сарруф так оценивает деятельность этой газеты: «Газета сильно отличалась от других эмигрантских изданий

своими прекрасными касыдами, глубоко содержательными рассказами, а также серьезными научно-критическими статьями»¹.

В 1926 году в Нью-Йорке начала выходить журнал «Ал-Алям ас-Сури» («Сирийский мир»). Издатель – Салим Муказал. В журнале принимали участие Амин ар-Рейхани, Д.Х.Джубран, М.Нуайме и другие арабы-литераторы, а также иностранцы, интересующиеся жизнью арабского Востока. Они поддерживали тесную политическую и культурную связь с родиной сохраняли традиции и язык своего народа.

В начале XX века в Соединенных Штатах, в Канаде, в Мексике, в Бразилии, в Филадельфии выходили уже около 30-ти арабских газет и журналов. Много материальных и моральных затруднений пришлось испытывать издателям всех этих газет и журналов, но они продолжали свою патриотическую миссию. Эмигранты показали всем арабам истинное лицо западной жизни, рассказали о тех трудностях, которые ждут иноземца-араба в Новом свете, кроме того, они знакомили западного читателя с Арабским Востоком, делали очень много для развития культурных связей между Западом и арабскими странами.

После первой мировой войны перестали выходить многие эмигрантские газеты и журналы. Это объясняется, во-первых, тем, что после войны Сирия и Ливан были освобождены от турецкого владычества, и многие эмигранты вернулись на родину, а, во вторых, тяжелым материальным положением эмигрантов в этот период. Несмотря на это, литературная деятельность литераторов-арабов в Америке продолжалась. В существующих изданиях выходили рассказы и статьи А.Рейхани, Д.Х.Джубрана, М.Нуайме, а также произведения до тех пор еще неизвестных авторов, таких как Илья Абу Мадии, Насиба Ариды, Рашида Аюба и других. Произведения этих писателей были полны патриотизма, любви к родине, к родным и близким местам. Поэтому арабские читатели с интересом воспринимали их появление.

Литераторы в эмиграции знали, что необходимо создать организацию, которая должна объединить их в единую целеустремленную силу для служения нуждам арабской литературы и языка, для избавления от разложения и превращения ее в активную общественную силу, тесно связанную с жизнью арабской нации.

¹ М.Нуайме, «Д.Х.Джубран, жизнь и деятельность», Бейрут, 1951, стр. 198.

Так, в апреле 1920 года была организована «Ассоциация пера» литераторов-эмигрантов под председательством Д.Х.Джубрана. Членами «Ассоциации пера» были: М.Нуайме, В.Кагисфлейс, А.М.Хаддал, Н.Хаддал, И.Аталлах, Н.Арида, Р.Аюб.

Члены ассоциации развивали новый для арабской литературы жанр – стихотворения в прозе. Они решительно порывают с традиционным стихосложением, с традиционными ораторскими приемами.

Таким образом, члены «Ассоциации пера» во главе с Д.Х.Джубраном и М.Нуайме выступают как новаторы в литературе. После ознакомления с их творчеством уже никто не принимает всерьез продолжающие появляться в печати традиционные стихи.

В 1932 году после смерти Д.Х.Джубрана и отъезда М.Нуайме в Ливан, объединение «Ассоциация пера» распалась.

А в январе 1933 года в Южной Америке возникла ассоциация литераторов Южной Америки под названием «Ал-Усба ал-Андалусиййа» («Андалузская ассоциация»). Председателем ассоциации был Мишель Ма-алуф, членами – Назир Зейтун, Юсуф ал-Баайни, Джордж Хассун Маалуф, наср Саман, Хусни Гураб, Юсуф Ганим, Хабиб Масуд, Искандер Курбадж, Антон Селим Саад Шукр Аллах ал-Джарра.

Члены этой ассоциации поставили перед собой задачу – распространять в арабских странах произведения литераторов-эмигрантов Южной Америки. Для осуществления своей цели они начали выпускать журналы «Ал-Андалус ал-Джадид» («Новая Андалузия») и «Ал-усба ал-Андалусиййа» («андалузская ассоциация»). Эти журналы выходили в разных городах Южной Америки. В этих печатных органах регулярно выступали не только члены «Андалузской ассоциации», а также многие известные писатели-арабы Южной Америки, такие как Шафиг Маалуф, Шаир Карави Рашид Селим ал-Хури, Гайсар ал-Хури, Тауфик Курбан и другие.

Ассоциация существует до сих пор. В последние годы число членов резко уменьшилось. Председатель ее и многие члены вернулись на родину. О том, кто сейчас возглавляет «Андалузскую ассоциацию» у нас нет определенных сведений.

Большая заслуга этой ассоциации заключается в том, что она собрала вокруг себя большинство писателей Южной Америки, дала им правильное

направление. С помощью печатных органов этой ассоциации арабы на Востоке часто встречались с произведениями своих соотечественников-эмигрантов, их не забывали на родине и любил. Многие произведения членов «Андалузской ассоциации» вошли в историю современной литературы.

Надо отметить, что в Северной, а также в Южной Америке было очень много известных поэтов и прозаиков, которые не состояли в каких-либо литературных объединениях и клубах. Можно назвать имена Амин ар-Рейхани, Ильи Абу Мадии, Масуда Самаха, Асада Рустум, декана Восточного факультета института Бегн-Стон доктора Филиппа Хатта, доктора Сулеймана Дауда, Джорджа Сайдахана и др. Так же надо отметить большую заслугу журналистов, издателей газет и журналов, таких, как Гайсар Вахид, Наум Муказзал, Нагиб Дияб, Раджи аз-Закир и многих других. Они прекрасно владели пером, часто сами выступали по остро проблемным вопросам.

Следует назвать имена литераторов-женщин, эмигрировавших из арабских стран. Правда, их было очень мало. Но нередко в газетах и журналах появлялись статьи с подписями госпожи Сельма Саих, Марианны Фахури, Анжелы Шалита. В Южной Америке выходил журнал «Ал-Карма» («Виноградник»). Редактором этого эмигрантского журнала была Сальва Салама Атлас. Наряду с коллегами-мужчинами литераторы женщины делали очень многое для развития арабской литературы в эмиграции.

Произведения арабов, созданные в эмиграции, составляют небольшую часть современной арабской литературы. Но лучшие из них справедливо получили широкую известность и на Арабском Востоке, и на Западе, и без них невозможно представить полную картину развития ново-арабской литературы.

ОБРАЗЫ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ В НОВЕЛЛАХ ЛИВАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ МИХАИЛА НУАЙМЕ

Творчество Михаила Нуайме многогранно. Он пробовал свое перо во всех литературных жанрах и, можно сказать добился в них равного успеха. Но в его творчестве особое место занимают новеллы, насыщенные психологическим содержанием и проникнутые глубоким лиризмом. Большой знаток жизни Арабского Востока и его национальных традиций, Нуайме отразил в своих рассказах все основные черты жизни арабов.

В его новеллах преобладают простота и сжатость изложения, многообразие характера, реальность действия, острые столкновения и внезапные повороты в ходе событий.

Новеллы Нуайме разнообразны по тематике. С большим сочувствием описывает он жизнь своих соотечественников, которые нередко становятся жертвами предрассудков и суеверий, подвергает резкой критике старые обычаи, вредные традиции, рутину и косность, еще бытующие в Ливане, раскрывает перед читателями убожество и тупость честолюбцев, карьеристов, выступает против бесправия женщин, правдиво отражает грустную картину жизни арабских эмигрантов в Америке. Писатель изображает жизнь маленьких людей, простого человека, труженика во всей ее сложности. В рассказах Нуайме люди и жизненные эпизоды, связанные с ними в той или иной мере, описываются на фоне окружающей их действительности. А это имеет большое значение для жанра рассказа, так как обеспечивает жизненную полноту изображения в пределах небольшого объема.

Писатель создал целую галерею ярких образов, которые являются зеркалом эпохи: здесь и бедные крестьяне, наивно верящие в доброту помещиков, и представители городской бедноты, и полные благородства бескорыстные феллахи, готовые оказать помощь человеку, попавшему в беду, и образ скупого, расчетливого владельца гостиницы и много других запоминающихся образов, взятых из самой жизни.

«Героев рассказов Нуайме читатель может найти всюду, - пишет литературовед Ибрахим Абд аль-Хури, - среди скандалистов в кафе, среди пастухов в поле, болтушек, сидящих дома, садовников, ухаживающих за дерев-

ьями в садах, нападающих на птичьи гнезда мальчишек, среди любителей природы, бездельников, среди несчастных, бродящих на улицах под дождем и ветром и т.д.»¹

Судьба маленького человека, труженика всегда интересовала М.Нуайме. Он на их стороне, защищает их интересы, с сочувствием описывает их тяжелую безрадостную жизнь.

Эта тема присуща творчеству многих писателей мира. Маленькие люди в произведениях М.Нуайме напоминают героев А.П.Чехова, Дж.Мамедкулизаде. Рассказы Нуайме близки по духу рассказам Чехова «Анюта», «Хористка», «Ванька» и повести Дж. Мамедкулизаде под названием «Поселье о селении Данабаш».

Гуманизм – основная черта творчества Нуайме как новеллиста. И в этом, пожалуй, он близок Чехову, который «любил человека не за высшие проявления гения, не за то, что он сильный и разумный, а скорее, за то, что он слишком уж слабый, жалкий и маленький».²

Мастерство Нуайме заключается в том, что изображая одного человека, он старается показать характерную сторону жизни общества.

Герой рассказа «Правдивый»³ (صادق) Садик хочет быть всегда правдивым и честным. Он родился в бедной семье. В детстве потерял мать и отца. Сжалился над ним сосед, зажиточный крестьянин, и нанял его пасти коров. Но из-за того, что Садик честен, не хочет врать, хозяин избивает его до потери сознания и выгоняет из своего дома. Он устраивается в другое место, но здесь «допускает ошибку», говоря правду, и опять оказывается на улице.

Нуайме так описывает своего героя:

«Садик был неразговорчив, мало ел, не любил бездельничать, не знал коварства, подчинялся любому приказанию, не жаловался, не сквернословил».⁴

Садик не понимает, почему его правдивость причиняет ему столько боли и недоразумений. Ты не глуп, не лжец. Ты не ленив, не вор, не выдум-

¹ Ibrahim Abd al-Huri, "Tحت المهجر", بيروت 1960. ص. 22

² В.В.Голубков. «Мастерство А.П.Чехова». М., 1958, стр. 69.

³ مخاضيل نعيمة، "أكابر"، بيروت، 1956. ص. 78

⁴ Там же, стр. 80.

щик, не болтун, не грубиян. Почему же чудятся тебя люди и счастье не улывает тебе? - спрашивает себя он.

Наконец Садик устраивается работать шофером у одного адвоката. Но и здесь ему не везет. Адвокат на своей машине давит ребенка и приказывает всем молчать о том, что случилось. Но ему не удается скрыть происшествия и тогда всю вину сваливает на Садика. Его осуждают на десять лет тюремного заключения. Садик больше не может перенести этой несправедливости и в тюрьме кончает жизнь самоубийством, оставив записку: «Да будь проклят тот мир, в котором нет места для правдивых».

Через раскрытие духовного мира своего героя автор достиг глубоко правдивого изображения существенных сторон жизни своей страны. Выражая любовь и сочувствие к герою, он показывает те стороны жизни, которые лишают человека возможности быть правдивым, искренним и честным.

Наряду с образом Садика в упомянутом рассказе Нуайме создает реальный образ скупого, жестокого богача. Из-за нескольких курушей он готов до смерти избить сироту, обмануть своего друга. Кроме того, в рассказе даны образы богатой вдовы, мешанки, которая стремится соперничать с женой министра; адвоката, который, совершив преступление, трусливо скрывается, а, когда его обнаруживают, цинично обвиняет своего честного, но беззащитного шофера в том, что он якобы без разрешения хозяина выехал на его машине на прогулку со своей возлюбленной. Такой поступок «деликатного адвоката» становится причиной самоубийства бедного труженика.

Изображая эти образцы, Нуайме показывает, что для существующего строя характерна явная победа лживого и пошлого с одной стороны и притеснение настоящих, искренних чувств человека с другой.

Этот рассказ своеобразен еще и тем, что автор в противоречии имен показывает противоречия общества.

«Курьезов жизни так много, что их не перечить. Один из них – это курьез с именами, которые многие люди носят как бы в унижение и в насмешку над собой.

Сколько «Джамилят»⁵, но взглянув на них призовешь на помощь самого сатану, до того они безобразны, или «Уардат»⁶, если приблизишься к

ним, ты подумаешь, что находишься около навозной кучи. О разврате многих «Афафов»⁷ говорят на всех перекрестках. Сколько «Асадов»⁸, которые, увидев днем зайца, бегут без оглядки; легче вырвать кость у собаки, чем выпросить у некоторых «Керимов»⁹ несколько грошей, есть «Амины»¹⁰, которым нельзя доверять даже луковичной шелухи...»¹¹

Только Садик, по мнению автора, является исключением, так как его имя подходило к нему, как «кожа к его телу». Странно, однако, что характер, так подходивший его имени причинял ему множество неприятностей, которые никак нельзя назвать курьезами.

Рассказ «Абу Батта»¹² ("أبو بطه") посвящен тяжелой жизни бедных людей. Герой его Абу Батта физически самый сильный носильщик Бейрута. Он один из тех бедных тружеников, которые, как пишет Нуайме, «ютятся на задворках жизни, хотя физически вся торговая жизнь этих городов и портов жидется на их плечах и спинах. Тем не менее, богатые коммерсанты их презирают и часто отказываются о них с таким пренебрежением, словно говорят о своих ногах или сандалиях».¹³

Абу Батта, несмотря на свою старость, поднимает самую тяжелую ношу. К тому же у него и больная нога, которую в детстве ужалил скорпион, и опухоль осталось на всю жизнь. «По всей икре переплетались вздутые, толстые вены, такие синие, что казалось, они наполнены синькой... Они набухали и раздувались в жаркие дни, или когда Абу Батта переносил тяжелые вещи».¹⁴

За всю свою трудную и долгую жизнь Абу Батта удалось скопить только одиннадцать золотых османских лир.

И вот, хозяин лавки ищет носильщика, который смог бы перенести тяжелый бочонок с керосином. Никто из носильщиков, даже из молодых и сильных, не соглашается взять на себя такую ношу. На это опасное дело согласен только Абу Батта, восьмидесятилетний старик, в надежде заработать несколько

⁷ Целомудренная, невинная.

⁸ Лев.

⁹ Щедрый

¹⁰ Честный, надежный.

¹¹ 79 "مخايل نعمة", "أكابر", بيروت، 1956، ص. 79

¹² Его же, 7 "أبو بطه"، بيروت، 1959، ص. 7.

¹³ Там же, стр. 7.

¹⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Красивая.

⁶ Роза.

лир. Ни хозяина лавки, ни ради любопытства остановившихся прохожих не беспокоит – выдержит ли, не умрет ли старик под такой тяжестью? Даже после того, как Абу Батта падает и начинает биться на земле, хозяин заботится лишь о бочонке, содержимое которого стоит ему тысячу лир.

Трагедия Абу Батта – это трагедия многих бедных тружеников. Абу Батта обыкновенный носильщик, но он иногда и размышляет. Он перебирает в своих мыслях противоречия жизни. Вот, например, что он говорит: «Понстине завкасса правды в мире испорчена ложью и правда честного человека кажется ложью лжецу, потому что правда превратилась в разновидность безумия, причину презрения, гибели и бегства от людей».¹⁵

Нуайме представляет своего героя как честного, искреннего человека. Неудачи в жизни, постоянная нужда, унижения не испортили его нрава. Тысячи носильщиков города в положении Абу Батта, они унижены до того, что даже сами не осмеливаются считать себя людьми. Они только носильщики. И как Абу Батта, каждый из них также умрет в каком-нибудь переулке под тяжестью непосильной ноши.

Нуайме вводит в рассказ образ писателя, который следит за их жизнью, часто беседует с Абу Батта, дает ему деньги, но и только. Даже Нуайме – писатель не пытается объяснить Абу Батта его человеческих прав. А когда носильщик-отец умирает, его заменяет один из сыновей, который унаследовал от отца физическую силу.

В рассказе «Высише»¹⁶ ("أكبر") описывается эпизод из жизни бедного ливанского крестьянина. Вообще следует отметить, что Нуайме пишет о крестьянах с трогательной любовью и сочувствием. Крестьяне в его произведениях, в основном, многострадальные и беспомощные. Они не в силах вступить в борьбу с несправедливостью.

Герои рассказа Абу Рашид и его жена Умм Рашид также не составляют исключения. Хозяин сообщил им, что придет делить урожай. А хозяина принято встречать торжественно, приготовить традиционное угощение, что они не в силах сделать, так как у них нет ничего кроме нескольких жестяных тарелок, глиняного кувшина, да пары деревянных ложек и таблица.¹⁷

¹⁵ М.Нуайме. 11. «أبو بطه»، بيروت، 1959، ص. 11

¹⁶ Его же. 16. «أكبر»، بيروت، 1956، ص. 16

¹⁷ Низкий стол.

У них единственный сын Рашид, который не имеет никаких игрушек, кроме живого маленького козленка Ифрита и петуха Султана. Они ему дороже всего на свете. Когда Рашид смотрит на них, его глазенки блестят от радости и счастья. Он кормит их, носит на руках и очень гордится ими. Вот почему, несмотря на уговоры родителей, он не соглашается резать одного из них для угощения высокопоставленных гостей, «которым должны три тысячи курашей». Долг они, конечно, не смогут вернуть, потому что в этом году урожай был почти в два раза меньше прошлогоднего.

Абу Рашид и Умм Рашид делают все, чтобы достойно встретить гостей. Хозяин приезжает на своей машине вместе с женой и дочкой, ровесницей Рашида. Они приглашают хозяев зайти в дом. Но жена хозяина, которая разговаривает только по-французски, ни за что не соглашается в своем модном наряде войти в убогую хижину, а о еде из металлических тарелок с деревянной ложкой она даже слышать не хочет.

Это было для хозяев дома большим оскорблением, но выразить свою обиду они не осмелились. «Сейчас они без колебания предпочли бы смерть этому позору», – пишет Нуайме. Ведь сколько они трудились, старались. Хозяин торопится взять свой долг. Абу Рашид пытается объяснить ему, что была засуха, в зерне попадалось много отходов и он собрал очень мало урожая. Но хозяину этого не понять. «Это твоё дело, – говорит он Абу Рашиду, – меня это не касается. Завтра я пришло к тебе своего шофера делить урожай».¹⁸

Когда они собираются уезжать, дочь хозяина по-французски объясняет матери, что она хочет петуха и козленка, с которыми все это время, не обращая внимания на гостей, играл Рашид. «У тебя будет все, что ты захочешь!» – отвечает мать. Они забирают козленка и петуха и уезжают. Абу Рашид возвращается без петуха и козленка. Только Рашид догадывается, что произошло. Он разом вскакивает и бросается бежать за машиной со своей быстротой своих маленьких ножек. Он кричит, и крик его полон отчаяния:

"يا عفريت... يا عفريت! يا... سلطان! سل... طان وكان السماء تسمع الصراخ"¹⁹
الوادی یردد صداداً.

¹⁸ М.Нуайме. 16. «أكبر»، بيروت، 1959، ص. 16

¹⁹ Его же, 17. «أكبر»، بيروت، 1956، ص. 17

«Ифрит, о, Ифрит! Султан! Султан!». Небо внимало этим крикам, а долины повторяли его эхо».

В рассказе супруги Абу Рашид и Умм Рашид показаны как трудолюбивые труженики, любящие родители. Но они очень наивны и суеверны. Абу Рашид берет гость зерна и, перебирая по зернышку гадает: если число окажется четным, они останутся на этой земле и хозяин не потребует с них процентов. Если же будет нечетным, он потребует проценты, которые они не смогут уплатить, и тогда он сгонит их с земли. Число зерен оказывается нечетным и Абу Рашид расстраивается. А его жена «красиво и симметрично» постелив матрацы, надеется, что этим может вызвать жалость и сочувствие хозяев. Они очень покорны. Когда жена хозяина приказывает Абу Рашиду отнести петуха и козленка в машину, он прекрасно понимает, что вместе с этими животными они унесут радость и счастье их ребенка, но все же он покорно выполняет волю господи. Молчит и его жена. Это добрые, порядочные люди. Они готовы пожертвовать своим последним куском хлеба для гостя. Но как жестоки хозяин и его жена. Они так воспитали и свою дочь. Она богата и все должно быть для нее. Образ хозяина, который не считается с капризами погоды, ни с положением крестьянина, очень напоминает нам бека из известного стихотворения выдающегося азербайджанского поэта-сатирика М.А.Сабира «Землепашец».

Но в этом рассказе Нуайме старается убедить читателя в том, что не все хозяева плохи. Например, покойный отец хозяина, - говорит он, - был очень хорошим. Он имел доброе сердце. Он был прост, как сами крестьяне – сядил на землю, ел то, что ели крестьяне. Он не брал у них даже процентов. Это наивная вера самого Нуайме.

И покойный хозяин, и его сын и жена молодого хозяина в глазах и крестьян «высшие» люди. Они живут в столице, как и многие им подобные. Их маленькая дочка тоже «высшая». Нуайме рисует истинное лицо этих «высших» людей, которые не имеют сердца. Он показывает, как эта «высшая», госпожа не понимает ни чувств ребенка, ни чувств взрослых.

Автор называет их «высшими» с иронией. Они «высшие» не благодаря своим человеческим качествам, а только потому, что «едят из фарфоровой посуды, пользуясь ножами и вилками».

Читатель испытывает глубокое отвращение к этим бессердечным господам и сочувствует крестьянам, которые в течение всей жизни были их рабами. Нуайме разоблачает несправедливые законы, поставившие крестьян в бесправное положение, выступает против насилия. Писатель силой своего слова клеймит позором аристократов за презрительное отношение к простому народу.

В рассказе «Подарок»²⁰ ("هدية") Нуайме бичует нравы буржуазного общества: воровство, ложь, обман.

Рабочие, подобно каменщику Масуду, в этих условиях не могут найти счастья.

Масуд мечтает купить своей молодой, красивой жене подарок – зеркало. Он таскает на спине большие камни, работает с рассвета до темноты. В течение недели он смог собрать тридцать лир. И по дороге домой рассчитывал, как израсходовать заработанные деньги, чтобы осталось еще сумма, нужная для покупки зеркала. «На десять лир купим муки, - думает он, - масла, соли, и мыла. Остается двадцать лир. Их хватит на покупку красивого зеркала... А сахар, а рис. Масуд? У нас еще есть немного чечевицы и пшеничной крупы. На неделю мы можем прожить и без сахара. А твоя обувь, Масуд? На ней ведь нет подошвы, камушки и колючки ранят твои ноги. Ведь ты носишь камни и тебе нужна крепкая обувь. Нельзя ли истратить на починку обуви полторы лиры?.. Нет, обувь подождет до следующей недели».²¹

Масуд не ест, чтобы не тратить на это деньги. Его мучает головокружение, но все это он переносит, лишь бы купить зеркало. Нельзя же считать зеркалом тот маленький осколок, который он подобрал в мусоре возле дома одного богача. Какую горечь испытывал Масуд каждый раз, когда видел свою жену с этим осколком.

Наконец, Масуд едет в город за покупкой. В городе он становится жертвой карманщика. Масуд едва не лишился сознания от этого удара. Но, к счастью, он встречает своего земляка, просит у него в долг деньги и покупает зеркало. Дома Масуд забывает об усталости, о воре, обо всем. Он вешивает зеркало в то место, которое выбрал еще несколько дней тому

²⁰ M.Нуайме. 105. «أكبر» بيروت، 1956. ص.

²¹ Там же, стр. 107

назад. Но не успевают жена подойти к зеркалу, как оно падает на пол и разбивается вдребезги. Падает и Масуд, обессиливший от голода и переживаний...

В рассказе Масуд показан сильным молодым человеком: «Масуд обладал силой коня и его ловкостью, силой быка и его податливостью. Никто не мог сказать, что он когда-либо унизил или ударил человека, или он с кем-нибудь ругался, сквернословил, либо жаловался на усталость, избегал перетаскивания тяжелого камня».²²

Несмотря на эти качества, Масуд не может заработать столько, чтобы питаться досыта и одеваться хорошо.

Масуд – любящий муж. Он знает, что ему очень трудно будет возместить долг. Но радость, которую доставит зеркало его жене, для него бесценно. Масуд ищет счастья, но так и не может его найти. В лице Масуда Нуайме дал обобщенный образ ливанских рабочих.

Наряду с трагедией Масуда, Нуайме в рассказе показал тяжелую жизнь безработных молодых людей, которых нужда заставляет заниматься воровством. Один из них – карманщик, который стащил накопленные с трудом деньги крестьянина, пришедшего в город пешком лишь для того, чтобы сэкономить один пиастр. Нуайме вводит в рассказ образ и другого крестьянина, который помог своему односельчанину и выручил его, отдав ему в долг свои деньги.

Единственный женский образ в рассказе – это жена Масуда. Она, как и многие другие женщины арабской деревни, занята домашним хозяйством. Вся ответственность за семью лежит на муже.

Судьбу таких маленьких людей, как Масуд, Абу Батта, родителей Рашида Нуайме описывает и в других рассказах. Крестьянин Дерхам из рассказа «Да растет лед»²³ (و بنوب الجليد) который не может на Новый год купить туфли своим малышам, маленькая Хайзаран²⁴, которая хотела достать мед для больного брата и ради этого пожертвовала жизнью, нищий из рассказа «Желтый клык»²⁵ ("اصفر الفأب") самовлюбленный бек из рассказа «Его

²² М.Нуайме. 105. ص. 1956. بيروت، "أكابر"،

²³ Его же. 97. ص. 1959. بيروت، "أبو بطة"،

²⁴ Там же, стр. 63.

²⁵ "أبو بطة"، بيروت، 1959، ص 124

превосходительство»²⁶, странствующий торговец из горного Ливана Абу Гаффар²⁷ и многие другие являются жертвами буржуазного строя.

Не все герои Нуайме пассивны, некоторые из них понимают необходимость борьбы против существующей несправедливости. Таков студент Фуад из рассказа «два бунтовщика»²⁸ ("ثوران"). Фуад с малых лет стремился одолеть нищету, он проложил себе дорогу к начальному и среднему образованию, а потом в университет. Испытал много лишений, нужду. Единственный человек, который помогал ему в трудном жизненном пути, была мать, которая стирала, пекла хлеб, убирала у богатых, чтобы помочь сыну учиться. Но уже два года, как тяжелая болезнь приковала ее к постели. Теперь Фуад должен кормить ее и себя, оплачивать расходы на обучение. Несмотря на безвыходное положение, он стесняется просить в долг у знакомых. Ему необходимо было внести плату за учебу в университет. Наконец, он решает, идет к своему богатому однокурснику Фариду Сурсуру. Но Фарид так отвечает ему:

«Что ж за беда, если черви заживо сожрут тело твоей матушки. Ведь она всего-навсего прачка... Зачем сыну прачки университетский диплом?».²⁹

Нужда заставляет честного Фуада совершить кражу. Больше виноват в этом не Фуад, а буржуазный мир, в котором «сурсуры»³⁰ – орлы, а орлы – ничтожество». Фуад раскаивается, он готов умереть. Пусть умрет он и его мать. Они умрут честными. Фуад не хочет мириться с этими порядками. Он исполнен решимости восстать против них.

«Нет, Фуад не умрет воров. Он умрёт только восстав против существующих на земле гнилости, несправедливости и подлости. Он не умрет, не восстав... сурсуры не вечно будут хозяевами земли! Мне и мне подобным принадлежит доля жизненных благ и мы не откажемся от них ради этих алчных обжор»³¹ – говорит Фуад.

Фуад и его жена Сурайя становятся бунтовщиками – активными борцами – полиция их арестовывает за распространение подпольных прокламаций, призывающих к свержению существующего строя.

²⁶ "كان و كان"، بيروت، 1949. ص. 37. ج 2

²⁷ "أبو بطة"، بيروت، 1959، ص 117.

²⁸ Там же, стр. 98.

²⁹ Там же, стр. 113.

³⁰ Сверчки

³¹ М.Нуайме. 11. ص. 1959، بيروت، "أبو بطة"

В рассказе три образа, три сокурсника – Фуад-студент из бедной семьи. Сурайя и Фарид Сурсур.

Фуад восхищал всех своим умом, возвышенным образом мыслей, силой характера и мужеством. Он считает, что:

" الفلقر ليس عارا. اما العار في الذل والاستكانة للفقير. الفقير دون الذل والاستكانة اعظم مدرسة في الأرض. اما الغنى فخر ما فيه غطرسة و بهرجته و الغنى المتعطرس يحقر قبره. " ³²

«Бедность – не позор. Позор – униженность и смирение в бедности. А бедность без униженности и смирения – самая большая школа жизни. Самое отвратительное в богаче – это высокомерие и тщеславие. Высокомерный богач сам роет себе могилу».

А каков Фарид Сурсур? Этот легкомысленный юноша унаследовал от отца большое состояние, сорит деньгами, проводит время за картельным столом, с утра до ночи пьет, бездельничает. Он не раз проваливался на экзаменах. Его везде спасает Фуад, занимаясь с ним. Благодаря Фуаду Сурсур получил диплом. А когда товарищ приходит к нему за помощью, он унижает и оскорбляет его. «Иди и работай, чтобы заработать на жизнь. И не стремись подняться выше, чем тебе положено»³³, - говорит он Фуаду.

Сурайя тоже из богатой семьи. Но она на стороне Фуада. Узнав о подлости своего жениха, она бросает его. Сурайя предпочитает выйти замуж за бедного, но честного Фуада («Пусть земля поглотит Сурсуров!»³⁴ – говорит она).

Сурайя тоже вступает на путь борьбы, ее также считают «представителем «подрывных» элементов в стране».

В этом рассказе Нуайме совсем отошел от своих абстрактных идей, он реалистично и трезво смотрит на окружающий мир.

Непокорный школьник Ассурунук³⁵ – герой одноименного рассказа. Этот худой, болезненный мальчик не привык пасовать перед трудностями. Ассурунук

знает, что его товарищ написал стихотворение. Учитель, прочитав его, возмущает автору и говорит, что лучше всего его уничтожить. А спустя несколько дней стихотворение было опубликовано во многих газетах за подписью учителя. Причем стихотворение отмечают премией на литературном конкурсе.

Выступая на торжественной церемонии, посвященной вручению премии учителю Ассурунку разоблачает его мошенничество. Об этом смело выступили Ассурунка долго говорили люди. А Ассурунку гордился этим, хотя его и провалили на выпускном экзамене.

Поступок Ассурунку нельзя назвать героическим, но он не мог перенести нечестности учителя. Автор описывает своего героя с теплотой и любовью.

По его мнению, учитель украл у товарища не только его первое стихотворение, «он украл биение сердца и взлет мысли, горячую кровь и еще не рожденную славу! Он украл священный дар свободного духа»³⁶. Ассурунку считает, что лучше умереть, чем жить и молчать.

Как видим, герои рассказов Нуайме постепенно пробуждаются, иногда встают против существующего мира, против беззакония, неравноправия и несправедливости. Они не только ненавидят подлость, низость, жестокость, но ищут и находят пути для выхода из этого положения.

Богатый жизненный опыт М.Нуайме позволил ему выразить все общественные противоречия языком человеческих судеб и поступков и раскрыть и в конкретных событиях произведения. Отдельные случаи в новеллах Нуайме не освещаются с каким-либо обобщением, а представляются в судьбе и переживаниях конкретных людей, в конкретной жизненной обстановке. Все эти качества дают его новеллам необходимую художественную убедительность. Например, то идейное содержание, которое мы извлекаем из рассказов («Правдивый», «Подарок», «Силач» и др., отражено в судьбах и переживаниях Саидка, Масуда, Абу Батта и других, в происходящих с ними событиях. Все конфликты общества в рассказах Нуайме выступают как художественные конфликты, то есть, как частные индивидуальные события в человеческой жизни.

Своеобразна также композиция новелл М.Нуайме. Они отличаются простотой – словно являются биографическими очерками. У Нуайме нет искусственных приемов.

Рассказы Нуайме начинаются описанием среды и условий, в которых складываются характеры действующих лиц. Этот жизненный фон, избираемый писателем, не только дает полноту и глубину воспроизведенной

³² Там же стр. 109.

³³ Там же стр. 113.

³⁴ М.Нуайме. 116. «ابو بطة»، بيروت، 1959، ص.

³⁵ Там же, стр. 87.

³⁶ Там же, стр. 89.

рассказе картины жизни, но и так или иначе мотивирует, обуславливает поступки, переживания и духовное развитие героя.

В рассказе «Подарок» автор рисует стройку, где трудятся сотни рабочих. И сразу автор представляет одного из них – Масуда, рабочего «с крепкой спиной и широкой грудью, мощным плечом, сильными ногами и руками». Изображая последний день рабочей недели и особое старание Масуда. Нуайме создает фон для определения дальнейшего действия.

Событие достигает кульминации, когда после длительных поисков, Масуд, наконец, выбирает желаемое зеркало и просит хозяйина хорошо вернуть его в толстую бумагу, а сам хочет достать деньги. «рука его замерла, он остолбенел, карман был пуст». «Когда же хозяин разъяснил ему, что он стал жертвой карманщика, свет померк в глазах Масуда, - пишет Нуайме, - отчаяние его не имело конца».³⁷

Рассказ мог бы кончиться здесь. Но далее идет опять завязка действия: Масуд встречает человека из своей деревни, занимает у него деньги и покупает зеркало.

Масуд возвращается домой с покупкой. Несмотря на утрату, он счастлив. Наступает развязка, наконец, создается то положение, которое составляло основной замысел автора: зеркало разбилось. Так, Нуайме создает второй завершающий кульминационный момент.

Язык рассказов Нуайме мягкий, простой, в некоторых случаях юмористичен. Пишет он на понятном широкому кругу читателей литературном языке, очень редко прибегает к диалектизмам. Даже в передаче диалогов Нуайме использует литературный язык. Но автор находит такую форму, что литературный язык не звучит искусственно в устах даже деревенских героев.

Силой своего художественного таланта М.Нуайме в своих рассказах смог показать социальные болезни своей страны. Его герои находятся во власти несправедливости, ханжества, господства богатых. Он не может найти выхода из этого положения. «Нуайме не мог предложить лекарств против этих болезней... - пишет арабский литературовед Ибрахим Абд аль-Хури, - он может давать лишь рецепты для лекарств против них».³⁸

В этом проявилась определенная ограниченность мировоззрения писателя, сумевшего раскрыть социальные болезни своей страны.

XÜLASƏ

Livən yazıçısı Mixail Nuaymənin novellalarında sadə adamların obrazı

Mixail Nuaymənin yaradıcılığı çoxcəhətlidir. O, öz qələmini ədəbi yaradılığın bütün janrlarında sınayaraq, geniş oxucu kütləsi tərəfindən sevilən realist əsərlər yaratmışdır. Lakin onun yaradıcılığına psixoloji məzmunu malik dərin lirik əhvali-ruhiyyə ilə fərqlənən novellalar xüsusi yer tutur. Həyə Şərqiinin həyatını və onun milli ənənələrini dərinlən bilən Nuaymə öz hekayə və novellalarında ərəblərin həyatının başlıca xüsusiyyətlərini əks etdirmişdir.

Nuaymənin novellalarının mövzu dairəsi çox genişdir. O öz həmvətənlərinin acınacaqlı həyatını dərin təsəffü hissi ilə qələmə alır, köhnə alətləri və zərərli ənənələri, Livanda hökm sürən ətalət və durğunluğu ciddi tənqid atəşinə tutur, şəxsi mənafeələrini güdənlərin qəddarlığını və kütəbeyinliyi ifşa edir, qadın hüquqsuzluğuna qarşı çıxır və s. Yazıçı kiçik adamların, sadə insanın, zəhmətkeşin həyatının bütün cəhətlərini müxtəlif boyalarla açıb göstərir.

Nuaymənin təsvir etdiyi kiçik adamlar bizi A.P.Çexovun, C.Məmməd-quluzadənin qəhrəmanlarını xatırladır. Onun bir çox hekayələri öz ruhu etibarlı ilə Çexovun «Anyuta», «Xorda oxuyan qadın», «Banka» hekayələrinə və C.Məmməd-quluzadənin «Danabaş kəndinin əhvalatları» povestinə yaxındır.

Bir novellaçı kimi Nuaymənin ustalığını fərqləndirən cəhət bundadır ki, o, əsərlərindəki bir şəxsin həyatının təsvirində yaşadığı cəmiyyətin xarakterik cəhətlərini açıb göstərir.

Bu məqalədə M.Nuaymənin «Sadiq», «Əbu Batta», «Kübarlar», «Hədiyyə», «İki üsyankar», «Assurnuk» hekayələri təhlil olunur. Bu hekayələrin qəhrəmanları əməksevər sadə insanlar – fəhlələr və kəndlilər, yükçülər və tələbələrdir. Onların hamısı burjuva cəmiyyətinin qurbanlarıdır. Doğrudur, Nuaymənin bir çox qəhrəmanları fəaliyyətsiz, həyatı dəyişdirmək üçün yollar axtarıb tapa bilməyən adamlardır. Lakin bəziləri haqsızlıqlara qarşı mübarizə aparmaları lazım olduğunu başa düşürlər.

Bu obrazları təsvir edərkən Nuaymə yaşadığı cəmiyyətdə yalançılığın, xəbisliyin, haqsızlığın, ədalətsizlik və hüquqsuzluğun hökm sürdüyünü göstərmişdir. Lakin M.Nuaymə bu ədalətsizlik, hərc-mərcliklər törədən itimai-siyasi səbəbləri və bunlardan çıxış yollarını göstərə bilmir. Yazıçının dünyagörüşünün məhdulluğu da məhz bundadır.

³⁷ M.Нуайме. 110. ص. «بروت 1956، ص. 110»

³⁸ مجلة "الثقافة الوطنية"، بيروت 1955، عداد، ص. 47

Yuxarıda adları çəkilən hekayə və novellaların hamısında Nuaymə yaradıcılığının əsas cəhətləri, onun humanizmi özünü göstərir. Bununla da Nuaymə «insanları yalnız böyük dahilik göstərdiklərinə, güclü və ağıllı olduqlarına görə deyil, həm də zəif, yazıq və kiçik olduqlarına görə sevən» Çexova yaxınlaşır.

Geniş həyat təcrübəsi M.Nuayməyə bütün ictimai ziddiyyətləri insan tələrinin və hərəkətlərinin təmsalında göstərməyə və bunu bilavasitə əsərlərin məzmununda, konkret hadisələrdə açmağa imkan vermişdir. Bu cəhət onun novellalarının bədii təsir qüvvəsini qat-qat artırır.

M.Nuaymə öz ölkəsinin bütün ictimai nöqsanlarını və eybəcərliklərini yüksək bədii istedadının gücü ilə hekayə və novellalarında real boyalarla təsvir etmişdir.

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДОВ (ВАВ)

5 октября 1981 года в Академии наук Азербайджанской ССР состоялось учредительное собрание Азербайджанского отделения Всесоюзной ассоциации востоковедов. В его работе приняли участие видные ученые-востоковеды научно-исследовательских и учебных центров республики, а также представители общественности, имеющие отношение к реализации целей и задач востоковедной науки. По решению ВАВ и инициативе коллектива ученых-востоковедов республики постановили создать Азербайджанское отделение Всесоюзной ассоциации востоковедов – общественно-научную организацию, объединяющую на правах коллективных членов научно-исследовательские и учебные институты, кафедры, общественные и советские организации и на правах индивидуальных членов – научных работников, преподавателей, сотрудников издательств журналов и других лиц, имеющих отношение к задачам ВАВ.

Собрание открыл вице-президент Академии наук Азербайджанской ССР, академик АН Азерб. ССР Дж.Б.Гулиев. Во вступительном слове председатель Всесоюзной ассоциации востоковедов, директор Института востоковедения АН СССР, академик Евгений Максимович Примаков говорил об ответственных задачах востоковедов, подчеркивая то, что востоковедная наука сегодня вбирает в себя такие различные дисциплины как социология, история, экономика, философия и литературоведение, лингвистика и другие, органически объединенные в едином востоковедном русле. Вторым изменением сегодняшнего востоковедения, отметил докладчик, служит то, что востоковедение в настоящее время занимается не только ретроспективными исследованиями, но и современными проблемами и прогностическими исследованиями, обращенными в будущее.

Академик Е.М.Примаков указал и на то, что исследование проблем современности ни в коем случае не означает пренебрежительного отношения к традиционному циклу востоковедных дисциплин, к классическому востоковедению. Изучение памятников письменности древнего Востока, медиевистика должны развиваться, выполняя функциональные задачи в связи с исследованиями современности.

Далее докладчик четко выделил основные задачи Всесоюзной ассоциации востоковедов, которые заключаются в содействии исследованию на основе марксистско-ленинской методологии истории, политики, общественной мысли, экономики, права, литературы, языков, письменных памятников, географии, культуры народов стран Востока с древнейших времен по настоящее время, рассматривая исторический процесс на Востоке с тесной взаимосвязи с мировым, в содействии с проводимой Советским государством ленинской политики мира, дружбы, взаимопонимания и сотрудничества Советского Союза со странами Востока, в пропаганде знаний о народах и странах Востока, достижений советской востоковедной науки среди научных и широких кругов общественности СССР и за рубежом.

Академик Е.М.Примаков отметил работы востоковедов Советского Азербайджана, которые своим научным вкладом и участием в общественной жизни республики содействуют укреплению дружбы народов Востока и всего мира. В заключение он отметил, что востоковеды нашей страны достаточно подготовлены и имеют все возможности для решения больших задач, которые выдвигает сама жизнь.

С докладом о развитии востоковедения в Советском Азербайджане и задачах Азербайджанского отделения Всесоюзной ассоциации востоковедов выступил директор Института народов Ближнего и Среднего Востока Академии наук Азербайджанской ССР, академик республиканской Академии наук, Герой Советского Союза Зия Мусаевич Буниятов. Он говорил о конкретных задачах, стоящих перед азербайджанскими востоковедами в свете идеологических и нравственных задач, поставленных партией перед учеными республики. Роль Азербайджана в востоковедной науке исторически общепризнанна, и ученые республики должны направить и использовать эти традиции для решения важных актуальных идеологических проблем современности. В связи с этим академик З.М.Буниятов отметил целесообразность и необходимость создания республиканского отделения ВАВ и выразил уверенность в том, что ученые-востоковеды Азербайджана будут в авангарде коллектива востоковедов и приложат усилия к разработке основных направлений советской востоковедной науки.

Выступившие в прениях заведующий кафедрой истории стран Азии и Африки АШУ им. С.М.Кирова д-р истор.наук, проф. З.А.Абдуллаев, замести-

тель директора Института языкознания им. Насими АН Азерб. ССР д-р филол. Наук В.И.Асланов, заведующий кафедрой арабского языка факультета востоковедения проф. А.Дж.Мамедов, заведующий отделом Института литературы им. Низами д-р филол.наук Р.М.Алиев, заведующий кафедрой литературы стран Ближнего и Среднего Востока АГУ им. С.М.Кирова д-р филол. наук, проф. М.А.Ализаде поддержали идею создания Азербайджанского отделения Всесоюзной ассоциации востоковедов и высказали ряд интересных и перспективных предложений научного и организационного характера.

Общее собрание востоковедов институтов народов Ближнего и Среднего Востока, истории, философии и права, литературы, языка, Республиканского рукописного фонда, вузов и представителей общественности республики, состоявшееся в г. Баку 5 октября 1981 года в целях:

- содействия проводимой Советским государством ленинской политики мира и дружбы народов Азии и всего мира;

- взаимопонимания и сотрудничества Советского Союза и стран Востока;

- содействия комплексным исследованиям на основе марксистско-ленинской методологии проблем истории, экономики, идеологии, филологии, изучения письменных памятников, культуры народов и стран Ближнего и Среднего Востока;

- пропаганды знаний о народах и странах Востока и достижений азербайджанской советской востоковедной науки среди научных и широких кругов общественности республики и за рубежом, пропаганды достижений страны Великого Октября, Советского Азербайджана в эпоху развитого социализма, торжества ленинской национальной политики, интернационализма, дружбы народов Советского Союза приняло решение:

1. Учредить Азербайджанское отделение Всесоюзной ассоциации востоковедов, объединяющей на правах коллективных членов научно-исследовательские и учебные институты, кафедры, общественные и советские организации и на правах индивидуальных членов научных работников, преподавателей и сотрудников ведомств, имеющих отношение к реализации целей и задач ассоциации.

2. Одобрить устав ВАВ и принять его к руководству в дальнейшей работе Азербайджанского отделения ВАВ.

3. Утвердить состав Президиума и Бюро Азербайджанского отделения ВАВ;

4. Утвердить состав комиссии: а) по подготовке кадров; б) по подготовке учебных программ, учебников; в) по пропаганде востоковедных знаний; г) по подготовке молодых востоковедов; д) по подготовке книги «Азербайджанское советское востоковедение».

Учредительное собрание Азербайджанского отделения ВАВ выражает уверенность в том, что азербайджанские востоковеды примут самое активное участие в работе ассоциации и своим научным и общественным трудом будут содействовать развитию советской науки, укреплению мира и дружбы народов Востока и всего мира.

Был избран президиум Азербайджанского отделения ВАВ в составе: председатель Азербайджанского отделения ВАВ – академик АН Азерб. ССР З.М.Буниятов; зам. председателя Азербайджанского отделения ВАВ – канд.филол.наук А.Н.Имангулиева; члены президиума – д-р. истор.наук З.З.Абдуллаев, зав.международным отделом ЦК КП Азербайджана Р.А.Абуталыбов, канд.истор.наук Э.Р.Агаева, канд.экон.наук И.В.Алибеков, член-корр. АН Азерб.ССР И.Г. Алиев, д-р- филол. наук Р.М.Алиев, д-р-филол. наук М.А.Ализаде, академик АН АзербССР Г.М.Араслы, д-р-филол.наук В.И.Асланов, зам. председателя Гостелерадио А.С.Бабаев, гл.редактор газеты «Адабият ва индженет» Н.А.Гасан-заде, академик АН Азерб.ССР Дж.Б.Гулиев, член-корр. АН Азерб.ССР Б.М.Гусейнов, академик АН Азерб.ССР М.Дж.Джафаров, д-р-экон. наук А.А.Заргаров, академик АН Азерб.ССР М.А.Ибрагимов, д-р- истор.наук Т.А.Ибрагимов (Шахин), д-р-филол.наук Дж.В.Каграманов, академик АН Азерб.ССР Ф.К.Кочарли, зам.председателя президиума азербайджанского отделения Общества дружбы с зарубежными странами Ф.А.Курбанов, д-р- филол. наук В.М.Мамедалиев, проф. А.Дж.Мамедов, член-корр.АН Азерб.ССР А.М.Мирахмедов, д-р- филос.наук Дж.В.Мустафаев, д-р-юрид.наук А.К.Рзаев, А.С.Рустам-заде (ученый секретарь), д-р истор.наук Р.А.Сеидов, начальник протокольного отдела МИД Азерб.ССР В.М.Султан-заде, д-р- истор.наук Ш.А.Тагиева.

Азербайджанское отделение ВАВ является добровольной общественной научной организацией, цели и задачи которой определяются уставом ВАВ. Оно состоит при отделении истории, экономики, философии и права

АН Азербайджанской ССР, руководствуется решениями и указаниями Президиума АН Азербайджанской ССР, осуществляет свою деятельность в тесной связи с ведущим академическим востоковедческим учреждением – Институтом востоковедения АН СССР. Основным правовым документом ассоциации является устав Всесоюзной ассоциации востоковедов, принимаемый на общем собрании ассоциации и утверждаемый Президиумом АН СССР.¹ Ассоциация состоит из коллективных, индивидуальных и почетных членов. Высшим органом ассоциации является общее собрание членов ассоциации, созываемое раз в пять лет. Внеочередное общее собрание может быть созвано по решению президиума ассоциации. Общее собрание обсуждает научные доклады и сообщения по различным проблемам Востока.

Президиум ассоциации избирается большинством голосов присутствующих открытым голосованием и занимается организационными и координационными работами по проблемам востоковедения в Союзном и международном масштабах. Президиум ВАВ имеет право юридического лица, имеет штамп и круглую печать с обозначением своего наименования. Его местопребыванием является г. Москва. Текущей деятельностью президиума ассоциации занимается бюро.

Коллективные члены ассоциации уплачивают вступительный и ежегодный взносы. Размеры взносов устанавливаются по согласованию с президиумом ВАВ. Индивидуальные члены уплачивают вступительный взнос в размере 5 руб. и ежегодные взносы – в сумме 3 руб.

О проблемах и актуальных задачах, стоящих перед азербайджанскими востоковедами, сказал в своем ярком и глубоко содержательном выступлении кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КП Азербайджана тов. Г.А.Алиев, во время приема председателя ВАВ академика Е.М.Примакова. Тов. Г.А.Алиев подчеркнул, что наряду с пропагандой успехов страны Советов, свершений Советского Азербайджана, ученым следует более глубоко исследовать события, происходящие в странах Ближнего и Среднего Востока, тенденции и перспективы их развития. Они должны создавать труды, отвечающие высоким требованиям современной науки, выступать в печати совместно с ведущими советскими специалистами, в

¹ См.: «Народы Азии и Африки», 1981, № 2, стр. 172-175.

их публикациях должны найти отражение большие достижения республики за последние годы. Г.А. Алиев выразил уверенность, что Азербайджанское отделение ВАВ, ученые республики, как и все востоковеды страны, внесут достойный вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Востока, приложат все силы и знания для развития востоковедной науки.

Ученые Азербайджана воспринимают эти указания тов. Г.А.Алиева как программу действия по выполнению ответственных задач пропаганды ленинской политики мира и дружбы с народами Ближневосточного региона.

ЧУВСТВО РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АРАБОВ-ЭМИГРАНТОВ

Арабская литература в эмиграции, в частности, в Северной и Южной Америке, ознаменовала собой появление новой крупной литературной школы, сыгравшей в свое время ведущую роль в развитии новоарабской литературы и культуры.

Поэты и прозаики – эмигранты,¹ являются авторами многих горячих и пылких строк, ярко выражающих долг каждого араба-патриота. Это были литераторы, разные по своему дарованию, но единые в самом главном – отношении к народу, к стране, понимании долга перед родиной – матерью. Призыв к борьбе против иноземного гнета, прямые обвинения власть имущих, обращение к арабам с напоминанием о патриотическом долге – вот что определяет характер эмиграционной поэзии и прозы. В эмиграции арабы использовали любые официальные даты и праздники для того, чтобы еще и еще раз выразить свои глубокие патриотические чувства и любовь к родине и соотечественникам.

Известно, что поэзия любого народа нередко оказывается в искусстве первой выразительницей новых идей, чувств и мыслей. Не составляет исключения и арабская эмигрантская поэзия. Неоценим ее вклад в общественную борьбу народа, в дело пробуждения сознания масс, в освещение событий, имеющих важное и решающее значение для судеб страны и народа.

Поэты-эмигранты, нередко вдохновляемые лишь интуицией, отзывались стихотворными строками на важнейшие события, происходившие на их родине, опережая при этом прозаиков, выступали против гнета и деспотии иноземных захватчиков. Эмигрантская арабская поэзия служила антифашистским, гражданским и патриотическим целям. Поэтическое слово оказывало большое эмоциональное воздействие на всех арабов-эмигрантов и способствовало проникновению идей борьбы за национальную свободу в сознании людей, проживающих далеко за пределами своей страны.

Тоска по родине занимала важное место в творчестве Джорджа Сайдаха, Фаузи аль-Маалуфа, Наума Казана, Ильяс Фархата, аш-Шаира аль-Карави, Ильи Абу Мади, Рашид Айуба, Насиб Ариды и др. Их поэтические строки проникнуты горячим чувством любви к родине, верности ее интересам. Эмигран-

ты, оставившие свою родину в состоянии нищеты, невежества, несправедливости и закабаления, всегда с грустью и тоской думали о ней. Этим людям, по словам крупнейшего арабского писателя Михаила Нуайме (род. 1889 г.) «суждено было искать иголку счастья в горе, состоящей из смолы, асфальта и камня, известной по имени Нью-Йорк». Единственное утешение они находили в возможности воспевать красоту родины, ее бесхитростных, добрых людей, в своих произведениях мечтать о светлом будущем народа. Проживающие в Америке литераторы-эмигранты с большой любовью и уважением вспоминали родные селения, свои традиции и обычаи, часто собирались и исполняли арабские напевы. Они считали своей обязанностью сочинять стихи, посвященные родине, отражающие их мечту о возвращении в родные края.

Зачинателем патриотической темы в эмигрантской арабской поэзии можно считать поэта Рашида Селима аль-Хури. Арабы называют его «святым патриотом», «национальным поэтом всех арабов». Родился Рашид Селим аль-Хури в 1887 году в маленькой ливанской деревне аль-Барбара. Там же получил начальное образование, затем учился в Американском университете в Сайде. Завершил он свою учебу на сирийско-английском факультете Бейрутского университета. Аль-Хури долгое время работал преподавателем в различных городах Ливана. Он хорошо пел и играл на лютне. От отца он унаследовал поэтический талант. В 1910 году умирает его отец, и Рашид вместе со своим старшим братом в 1913 году эмигрирует в Бразилию, где в это время жил его дядя, капитан бразильский армян.

Первый сборник стихов Р.С. аль-Хури вышел в 1916 году под названием «ар-Рашидидийат». Как указывает автор книги «Арабская литература в эмиграции» Хасан Джад Хасан, «с положительным отзывом на эту книгу стихов выступил арабский критик Наджиб Константин Хаддал. Он называет Рашида аль-Хури «деревенским поэтом» (аш-Шаир аль-карави), ибо значительная часть стихов сборника посвящена арабской деревне» (10, 480). Отсюда и произошел его псевдоним «аш-шаир аль-карави», с которым он приобрел широкую популярность в литературном мире. Затем вышли два последующих сборника стихов: «аль-Каравиййат» и «Вихри» (аль-А'асир), объединенные впоследствии в один большой сборник под названием «Диван аль-Карави», изданный в 1953 году в Бразилии. В этот сборник вошли и новые сочинения поэта. Диван состоит из семи частей и содержит 926

страниц: «Предвестники» (аль-Бавакир), «Вихри» (аль-А'асир), «Группа» (аз-Замазим), «Собрания и заседания» (аль-Махафил ва-ль-маджалис), «Молельни юноши» (Завайя аш-шабаб), «Короткие волны» (аль-Мазджату-ль-касира), «Цветы» (аль-Азахир).

Весь свой талант аш-Шаир аль-Карави посвятил родине. И все 45 лет своей эмигрантской жизни он жил с надеждой и мечтой о возвращении на родину. В последних бейтах стихотворения «Ну-ка, вернись в Хомс», он говорит:

Я хочу вернуться к моему созидателю Ливану,
Однако нужда мешает мне вернуться
Даже сели я и решил покинуть родину
Это потому, что в жизни нет выбора (4,75 - 76).

Все творчество поэта-гражданина проникнуто боевым революционным духом. Основной тематикой его поэзии, в частности стихов, включенных в сборник «Вихри», является патриотизм. «В каждом отрывке его патриотического стихотворения есть часть его сердца, факел большой любви к родине. Тот, кто прочтет его патриотические стихотворения, почувствует в каждом двустишии пламенный огонь, способный зажечь весь народ и направить его на поиски правды и свободы». (4, 203) Примером могут служить первые строки его дивана:

Бог мой! Верни свою милость
моей родине, верни его славу.
Ты наградил ее уголки исключительной красотой,
а ее обитателей одел в траур
Разве честь горы не зависит от ее обитателей,
Ведь вершина их гордости провалилась в пропасть. (4, 203)

Поэт Рашид Айуб (1871-1941) в одной из своих касид, описывая снег на вершинах ливанских гор, противопоставляет «чистому» снегу «грязный», вытоптаный снег на улицах Нью-Йорка:

О снег, ты возобновил мое горе

И напоминал мне родных в Ливане
 Во имя бога, расскажи обо мне моим близким
 И скажи что «он помнит святость обещания». (3,77)

А святым обещанием для всех эмигрантов было служение родине. Их заветной мечтой было возвращение в родные края. Но для многих из них, и они это понимали, такой день стал бы возможным лишь после освобождения родины от существующего строя и порядка.

М.Нуайме в книге о жизни и творчестве своего коллеги и соратника, видного арабского писателя Джубрана Халиля Джубрана (1883-1931), так описывает его мечту о возвращении на родину: - «Да спасает нас бог от цивилизации и от цивилизованных, от Америки и американцев. И мы спасемся, и по милости бога вернемся к чистым вершинам Ливана, к его долинам, будем есть его виноград и овощи, пить его вино и оливковое масло, будем спать в его гущинах, пасти его стада, будем бодрствовать с его молодыми пастухами под журчанье его родников... Моя душа требует от меня величия, мысли требуют свободы, а тело – отдыха. Благородство души, свобода и покой вернутся к нам только в Ливане... Нет – я все же буду жить в Ливане, хотя бы прахом».

Эмигранты-литераторы хорошо сознавали экономическую отсталость своей страны, низкий жизненный уровень ее населения и знали, что Ливан и Сирия находятся во власти захватчиков и колонизаторов, в плену невежества и несправедливости. Это сознание еще больше усиливало их печаль и скорбь.

Поэт-эмигрант Насиб Арида (1887-1946) касыду «Мать черных камней» посвятил родному городу Хомсу, где он родился и вырос:

О судьба, разлука с роднойю продлилась
 хотя срок и прошел
 Можно ли не желать возвращения?
 Увези меня в Хомс, хотя бы завернутым в саван
 и крики: «Вот возвращаю и заблудшего»
 И сооруди мне могилу из черного камня. (4, 172)

В творчестве выдающегося эмигрантского поэта Илья Абу Мады (1889-1957) патриотические и социальные мотивы занимают особо важное

место. Поэт мечтает увидеть свою родину Ливан и другие арабские страны освобожденными от ярма империализма, процветающими, людей свободными и счастливыми.

Вынужденные, подобно многим передовым арабам-мыслителям, эмигрировать в США, поэт тем не менее не остается безучастным к судьбе своей родины и соотечественников. Что бы ни происходило в далеком Ливане, все это находило живой отклик в душе поэта:

Земля Сирия, люблю ее просторы
 Для меня горы Ливана очень дороги
 Самые почтенные люди для меня – это его жители,
 Пусть моя душа станет жертвой для них
 Мои глаза, прежде чем их закроет смерть
 Жаждут, чтобы их закрыли ее песком. (4,76)

Илья ибн Дахир Абу Мады родился в деревне Мухийадад в 1889 году в семье обедневшего торговца. Начальное образование он получил в деревенской школе. Когда мальчик окончил школу, его родители, как и многие другие бедные деревенские семьи, решили переехать в Америку, надеясь на лучшую жизнь. Но Илья не уехал с родителями, а позже, в 1901 году, когда ему было всего 12 лет, один переехал в Египет, в Александрию. Днем он помогал торговать владельцам магазинов, вечерами же занимался самообразованием, пытаясь пополнить свои знания в области грамматики, литературы, истории. Илья запоем читал многие известные египетские газеты и журналы, изучал произведения арабских литераторов-классиков. Любимыми его поэтами были выдающиеся поэты-мыслители Арабского Востока Абу-ль-Аля аль-Маари и Абу Нувас. В эти годы Абу Мады знакомится с редактором журнала «Цветы» (аз-Зухур) Антуаном Джамиллом и под его попечительством начинает писать стихи, лучшие из которых были опубликованы в этом же журнале.

В 1911 году в Адександрии выходит в свет первый сборник стихов Абу Мады «Воспоминание Абу Мады» (Тазкар аль-Мадй). В сборник вошли лучшие стихи, написанные им в Египте. Книга была посвящена Египту – стране, где он приобрел зрелость как литератор и поэт:

Сочувствую свободному – и матери, и дите,
Свободный в Египте – как голубь в храме. (10 470)

Стихотворения этого дивана явились подражением классическим образцам. Особенно сильно чувствовалось влияние египетского поэта Махмуда Сами аль Баруди (1899-1904), писавшего в стиле аббасидской и старой поэзии. Но следует отметить, что многие стихи, вошедшие в этот диван, были примитивными как по форме, так и по содержанию. Это и понятно, ибо автор не имел специального образования, обладал узким кругозором. Вскоре в египетской печати появились критические статьи о сборнике, в частности, литературовед, д-р Зухейр Мирза писал о нем: «Автор этой книги еще очень слаб в поэзии, видимо, он мало образован и не знает законы и правила поэзии». (10,471)

В том же 1911 году Абу Мады переезжает в Северную Америку, в штат Огайо, где занимается главным образом торговлей. Некоторые историки и биографы Абу Мады объясняют причину его эмиграции нападками критиков на первый сборник его стихов. Но скорее всего к эмиграции его побудили более серьезные причины, связанные с его дальнейшими литературными планами, направленными на совершенствование поэтического ремесла среди популярных в США арабских поэтов и прозаиков-эмигрантов.

В первые годы своей жизни в Америке он живет отшельником, почти не общается с кругом своих соотечественников-эмигрантов и его одолевает сильная тоска по родине. Об этом говорит пессимистический дух его сочинений тех лет. В 1916 году Абу Мады переезжает в Нью-Йорк, где жили и трудились многие литераторы-эмигранты. В этом городе Абу Мады знакомится с лидерами арабской литературы в эмиграции Джубраном Халилом Джубраном, Михаилом Нуайме и др., сотрудничает в эмигрантских печатных органах.

В 1919 году в Нью-Йорке вышел в свет второй сборник его избранных стихов – «Диван Ильи Абу Мады». Сюда вошли патристические и гражданские стихи поэта, а также стихи на морально-философские темы. Стихи этого сборника отличались зрелостью поэтического стиля, а их автор – профессиональным знанием стихосложения. В предисловии к книге Дж.Х.Джубран высоко отозвался о поэтическом мастерстве автора.

Начиная с 1920 года, после основания известного литературного объединения «Ассоциация пера» (ар-Рабита аль-каламийа) между Абу Мады и членами этого объединения, в частности, с Джубраном и Нуайме, установились тесные идейные и духовные связи. На заседаниях объединения Абу Мады выступал с интересными и полезными предложениями, члены Ассоциации считали его своим соратником, хотя формально он не был членом этого объединения. Вот что об этом пишет, литературовед Джордж Сайдах: «Его со всеми членами «Ассоциация пера» связывала крепкая дружба, потому что у них были общие взгляды на искусство и общая цель – совершить революцию в арабской поэзии и творить на благо всего человечества». (7,94)

В 1927 году в Нью-Йорке, в издательстве газеты «Зеркало Запада» (Миратуль-гарб) выходит третий сборник стихов Абу Мады под названием «Ручьи» (аль-Джадавил) – еще один шаг вперед в творчестве поэта. Он окончательно отходит от традиционного подражательства и обращается к современной свободной форме стихосложения. Стихи этого сборника проникнуты глубоким философским смыслом, отличаются яркой образностью. Его стиль напоминает стиль памятников ораторского искусства древних арабов.

В предисловии к сборнику Михаила Нуайме отмечает, что во взглядах и литературных вкусах Ильи Абу Мады, судя по этому сборнику, произошли большие изменения. (8, 190)

В стихах, включенных в сборник, Абу Мады стремится продолжить путь, проложенный членами «Ассоциации», т.е. освободить арабский стих от необходимости соблюдать традиционные правила и законы. Патриотизм и гуманизм становятся основной темой этого поэтического сборника. Здесь Абу Мады выступает как оптимист, он воспевает свободу, красоту, любовь. В диван вошли следующие известные касыды: «Иди ко мне», «Глина», «Вечер», «Время», «Заклиания» и др.

В апреле 1929 года Абу Мады основал в Нью-Йорке литературно-общественный журнал «Собеседник» (ас-Самир). Автор книги «История арабской печати» Филип Хита свидетельствует о том, что журнал «Собеседник» считался в то время самым распространенным арабским изданием в Новом Свете. Первый номер начинался статьей Абу Мады «Первое слово или беседа «ас-Самира», где автор писал: «Мы должны активно участвовать

в печати, это наш долг для того, чтобы каждый день своей жизни посвящать служению родине, нации и своему родному языку». (8,322).

Только через девятнадцать лет читатели получили новый сборник стихотворений Абу Мады. Четвертый диван поэта «Заросли» (аль-Хама'ил) вышел в Нью-Йорке в 1946 году. Сюда вошли касыды: «Вечная легенда», «Поэт и жестокий султан», «Немая слеза», «Мечта богини», «Улыбнись» и др., где автор вновь воспевает красоту, которая, по его мнению, «есть во всем – и в холмах во время сумерек, и вечером на склонах склонившихся в молитве монахов, и в ветре, когда он лепечет и ласкается как невинный ребенок, и в молниях, которые смеются так, как смеются безумные». (7, 138-139).

Умер Илья Абу Мады 23 ноября 1957 года в городе Бруклине.

Творчество Ильи Абу Мады сыграло важную роль в развитии новой арабской литературы, особенно в арабской поэзии. Главным и характерным в творчестве этого поэта было его стремление сделать поэзию достоянием всех, а не замкнутого мирка избранных ценителей. Илью Абу Мады справедливо называют эмиром арабской эмигрантской поэзии.

У Ильи Абу Мады, как и у многих поэтов-эмигрантов, отношение к родине было двояким: с одной стороны, он восхищался ее необычной, чарующей красотой, воспевает ее в своих стихах, стремится скорее вернуться к ней, с другой, он как-бы презирает ее, возмущаясь рабской покорностью и трусостью ее сынов, их инертностью и пассивностью. Поэт призывал своих соотечественников к возмущению, к самозащите, к борьбе за свободу. Он говорил:

Вы сделали себя ее (османской империи – А.И.) солдатом
И поклялись, что будете повиноваться ее воинам,
Как же правитель не будет притеснять и тиранить
Если самые храбрые, среди вас боются на него взглянуть. (4,23)

У Абу Мады есть знаменитая касыда «Поэт в небе» (аш-Шаир фи-саван) (9,178), в которой он представляет свою страну в раю, свободной и независимой. Поэт хочет видеть тот день, когда его мечты сбудутся. В касыде утверждается любовь к родине, звучит тоска по ней. Поэт описывает фантастический сюжет, вводит читателя в мир прекрасных образов, в атмос-

феру легенд. Здесь как бы противопоставлены друг другу два мира: с одной стороны – мир сияющих звезд, небесных тел, мир сказочно красивый, но бездумный, а с другой – мир реальный. Ливан – родина поэта, где царят голод, разруха, нищета, деспотизм и несправедливость. Поэту предстоит сделать выбор, где ему жить – в небе среди ангелов или на земле среди несправедливых людей. Исследователь творчества Абу Мады Илья аль-Хави пишет, что в этой касыде Абу Мады, как бы поставлен перед выбором: либо быть властелином неба, стать бессмертным и жить в безопасности, либо вернуться в Ливан, чтобы увидеть его цветы, гроздь винограда, его воду, воздух. Поэт предпочитает второе – лучше жить на родине, чем быть повелителем вселенной и звездного неба. (9,102)

Сюжет касыды несложен, она написана в форме диалога, происходящего между поэтом и богом. Они являются героями стихотворения, они же представители двух противоположных миров.

Увидев поэта страдающим, бог приглашает его в небеса и советует отказать от мирской суеты. Он говорит поэту:

Земля не место для поэзии:

Обратись к небу. (9,178)

Бог воздвигает для поэта прекраснейший дворец, делает его властелином звезд, повелителем утра и ночи. Но поэт тоскует по Родине, его не радует райская жизнь, он грустен и мрачен. Тогда бог пытается пристрастить его к вину и женщинам. Но и это занятие не развлекает поэта, тоска не покидает его. Абу Мады пишет от имени поэта:

Он (бог) подумал, что моя беда уже кончилась
И более никакие несчастье меня не постигнут
Мой же беззвучный план тайно перешел в рыданье
Мои слезы, что были водичей
Стали огненным потоком. (9,179)

Бог, предоставляющий поэту все блага жизни, не понимал причины его отчаяния. Чего же еще может желать этот странный поэт? – спрашивает он себя и предлагает превратить его в стремительную птицу, чтобы он смог летать всюду, созерцать вселенную; или же в яркую звезду, чтобы он мог

сиять снять вечно. Но поэт упорно отказывается от роскошных дворцов и прекраснейших рабынь, от богатства и славы, даже от бессмертия. Он отказывается от всех людских благ, предоставляемых ему богом, даже от заманчивого предложения жить среди звезд и быть их повелителем. А на вопрос бога: «Поэт, скажи мне, наконец, чего же ты хочешь?» - он отвечает:

... О господи, увидеть лето или зиму на земле Ливана!
Здесь я чужой, а на чужбине гнет счастья. (9,180)

Бог улыбается на слова поэта и говорит:

... Как же это глупо

Ливан – такая же страна, как и другие страны

Жители его тоже обыкновенные

Там есть порочные и благочестивые люди

Чего же в нем ты видишь?

Я сказал: меня не радует твое утешение

К цветам и ароматам

К тем холмам, что одевают и снимают свой

зеленый наряд

К птицам и песням, к грозьям винограда, воде
воздуху. (9,180-181)

Бог с высоты обозревал Ливан и даже он, всевышний, признает, что Ливан не обычная страна. Ливан так же прекрасен, как небо, как рай:

Нет, ты не сумасшедший, ты просто верный

И Ливан не город, и не страна Ливан – небо. (9,181)

- сказал бог поэту.

Поэт безгранично любит свою родину – Ливан, который бессмертен своей древней культурой, своей историей, своими великими людьми. Но Абу Мади любит свою родину не только ради ее былого величия и былой славы. Он тоскует по теперешнему Ливану – пусть обездоленному, но прекрасному, и не случайно, отказываясь от всех благ, он требует у бога предоставить ему лишь зиму и лето Ливана, его пастухов, а беспечных и простых ливанских девушек он предпочитает небесным гуриям.

Стихотворение «Поэт в небе» - это голос поэта-патриота, испытывавшего на себе, что такое разлука с родиной. Абу Мады в этой касыде следует

принципам, выработанным членами «Ассоциация пера» - нежный лиризм, простота выражений, а самое главное – не отрываться от реальной жизни и не витать в облаках. Герой касыды возвращается на землю – значит, лира поэта продолжит служение родине. Абу Мады восхищается своей родиной, ее природой, ее прекрасными людьми. И ничто не сможет оторвать поэта от его родины, никакие соблазны и обещания не разлучат его с ней.

Но Илья Абу Мады помнит и знает другой Ливан. Ливан без прикрас и блеска. Это Ливан беженцев. Ливан простых тружеников, Ливан гонимых и преследуемых, Ливан всех эмигрантов. Это Ливан тех, кто ходит с мрачным и серым лицом, склоненной головой, это Ливан тех, на лицах которых смирение и покорность, это Ливан беженцев и, наконец это их Ливан – Ливан эмигрантов. И поэт слагает элегию о настоящем Ливана, он обращается к родине со следующими словами:

Место откровения и родина пророков

Как же ты стала и родиной гяуров?

Ты подобна вольной (женщине) которой

судьба изменила и она превратилась в рабыню

Ты подобна расшитой накидке пророка, потерявшей
свою блестящую внешность от многократного использования

Ты подобна густой роще, лишенной зеленых листьев

Ты подобна льву перед которым преклонялись камни
и которому время обрезало когти

Ты подобна поэту, который привык к одиночеству
среди шумной толпы

Ты подобна титану, который скован кандалами

Перед лицом своих врагов. (9,50)

Родина поэта была источником вдохновения, пристанищем пророков, т.е. самых честных, умных и благодарных людей. Но судьба жестоко обошлась с ней, подобно роще, лишенной зеленого покрова, родина потеряла свою красоту; подобно льву с обрезанными когтями и богатырю, скованному железными цепями, она утратила величие, могущество и силу и как одинокий поэт, окруженный шумной, но не понимающей его толпой, родина

одинока, ибо она во власти тьмы и невежества, отсталости и застоя. И поэт призывает к пробуждению:

Лишь пробуждаясь, мы видим наш позор
 Долго же мы были сонными в бедствиях,
 До тех пор пока не рождены
 Мужественные люди
 Мы будем ступать по горам тел и по морю крови (9,50).

Касыда «Родина звезд» («Ватану-ль-нуджум») также посвящена Ливану, воспеванию его красоты, его жителей. Поэт называет себя соловьем, воспевающим славу своей страны, и считает себя песчинкой ее огромных просторов. На чужбине только и думает о Ливане, тысячу и тысячу раз в мыслях возвращается к его холмам, могучим и вечнозеленым кедрам, бушующему морю. На свете можно забыть все, но, увы, трудно забыть родину!» - восклицает поэт. Ливан он называет страной ярких звезд. По внутреннему миру Абу Мады, раскрытому в этой касыде, читатель представляет себе поэта-гражданина и те условия, которые вызывали в нем возмущения и переживания. Мир, в котором живет поэт – это мир капитализма, это новый мир, где «легкие отравляются дымом и туманом», где «ночью даже месяц вызывает бессонницу своим бесстыдным сиянием», где «звезды заслоняются тучами отчаяния и одиночества», где «искусственные цветы напоминают связанных пленных». И физически, существуя в этом мире, поэт мечтает о настоящей, осязаемой красоте своих краев. Обращаясь к Ливану, он говорит:

Сколько раз моя душа обнимала
 твою землю и преклонялась, приветствуя:
 Кедр, насмехающийся над ветрами
 судьбой и над гибелью
 Море, по которому твои сыновья разносят
 цивилизацию и культуру
 Ночь, которая молится утру, и которая
 предвещает его приход.
 Солнце, которое не торопится проститься с
 твоими вершинами, чтобы не печалиться

Луну, которая в апреле месяце подкрашивает глаза светом
 и растворяется в глазах газели как мягкое и нежное

волшебство

Поля, которые рожают прекрасные лилии и сирень,
 траву прикрытую росой ветви отяжеленные плодами
 Красота жила беглянкой и искала пристанище
 пока не нашла тебя, осела и избрала родиной тебя. (9,44)

И в касыде «Ливан» Абу Мады с неменьшим мастерством и вдохновением, чем в предыдущих стихотворениях, прославляет и восхваляет Ливан. Уже в первых же байтах стиха слышен гордый голос поэта, говорящий о бессмертии Ливана. «Ливан победил века своим бессмертием», - говорит поэт. Не случайно, символом Ливана, является вечно-зеленый кедр – символ вечности и бессмертия. Но Абу Мады понимает, что сколько и как бы восторженно он ни прославлял родину, все равно не сможет всеобъемлюще рассказать о ее неопишуемой красоте, ибо даже самые высокие горы теряют свое величие, когда Ливан сравнивают с ними. (9,186)

Стихотворение это целиком и полностью выражает мысли человека, всей душой привязанного к родине. Он желает родину не потому, что там его отчий дом, его родные и близкие, а потому, что там его гордость, его история и культура, его верные соотечественники. Поэт верит, что наступит счастливый день родины. Если сейчас враги растоптали священную землю родины, то это не значит, что мрак, деспотизм победили навсегда. Его народ – народ созидатель в конце концов победит, ибо ливанцы «выросли не на голом месте» и они не «найденши и не подкидыши»: его народ имеет славных предков, его нация «выросла на плодородной почве». И теперь они должны защищать честь родины, дальше развивать свою древнюю культуру и историю. А основной залог победы Абу Мады видел в дружбе всех людей, живущих на ливанской земле. Вероисповедание не должно разжигать вражду между сыновьями одной земли, люди должны стремиться к дружбе и единению, - говорил он.

В этом стихотворении Абу Мады обрушивает свой гнев на иноземных порабителителей и захватчиков. Он хочет убедить народ в том, что иноземные захватчики иной раз даже под видом покровительства грабят их родину и уг-

неતાю народ. В словах «Аллах раньше, чем их мечи, хранит нас» Абу Мады намекает на то, что его народу не нужны «покровители», что он сам, без чьей-либо помощи, разберется в своей судьбе.

Арабы-эмигранты сердцем и мыслями всегда были со своим народом, всегда разделяли его боль и страдания. Во время первой мировой войны, когда под предлогом военной необходимости турецкие власти занялись грабежом мирного населения, и без того слабая экономика Сирии и Ливана не выдержала испытаний войны. В эти годы катастрофически ухудшилось положение крестьян, подвергавшихся массовым реквизициям скота и продовольствия. В Сирии и Ливане в 1915 году было реквизировано девять десятых урожая зерновых. Повсеместно проводилась рубка деревьев, в том числе плодовых на топливо. В запустение пришла оросительная система. В широких масштабах применялся принудительный труд. Тысячи крестьян, оторванных от сельскохозяйственных работ, насильственно направлялись на различного рода работы военно-стратегического характера.

Резко сократилось сельскохозяйственное и промышленное производство. В Сирии и до войны не хватало собственного хлеба, теперь же подвоз хлеба из-за границы почти полностью прекратился. Турецкие власти не предпринимали никаких действенных мер для борьбы с надвигающимся голодом.

В 1915-16 г.г. сотни тысяч жителей Ливана, Сирии, Палестины, Ирака, особенно жители больших городов, оказались на грани голодной смерти. То тут, то там вспыхивали эпидемии тифа и других болезней. Весной 1916 года в Сирии и Ливане умерли десятки тысяч людей. В 1917 году в Сирии от голода и болезней погибла десятая часть всего населения. В одном Ливане умерло более 100 тысяч человек. (2,324-325). В Сирии, Ливане и Палестине многие товары первой необходимости исчезли с рынка. В сведениях, полученных русским МИД в начале 1916 года, говорится о Сирии: «Рис, сахар, керосин, свечи, спички, мануфактура более не возятся и давно исчезли с рынка, так что население нуждается буквально во всем». (1,71)

Для оказания помощи голодающим эмигрантами-арабами в Соединенных Штатах Америки создавались различные благотворительные комитеты. В 1916 году в Вашингтоне возникло общество «Свободная Сирия» (6,41), членами которого на всем протяжении существования были Михаил Нуайме, Дж.Халиль Джубран, Илья Абу Мады и др. Члены этого общества собирали средства для

помощи голодающим соотечественникам. Спустя более 40 лет М.Нуайме в своих известных мемуарах так опишет эту трагедию своего народа: «Голод охватил людей со всех сторон. Люди отдавали самое дорогое ради куска хлеба, чтобы продлить жизнь на несколько часов. Те, которые не имели ни денег, ни имущества, искали на дорогах отбросы и падший скот. Этим они хотели победить смерть. Земля опустела без зелени и растений. Было очень страшно. Муж не знал, где его жена, мать не знала, где ее дитя. Может быть, их тела валялись на дорогах или остались под снегом». (6,3 в - 41).

Писатели и поэты-эмигранты глубоко скорбили о том, что они не могут помочь своим соотечественникам, что находятся далеко от них в эти тяжелые для родины дни. Они считали себя далекими изгнанниками, пленниками в чужой стране «среди радостных, довольных людей, которые наслаждаются вкусной пищей и приятными напитками», и страдали от того, что они живут здесь в достатке и благополучии, в то время, как их родные и близкие испытывают голод и лишения. В стихотворении в прозе «Смерть моих близких» («Мата ахли») (3,418) Джубран оплакивает смерть своих родных: «если бы я был голодным среди моих голодных близких, гонимым среди моего гонимого народа, то они не так теснили бы мою грудь, а ночи были бы не так черны для моих глаз. Ибо тот, кто разделяет со своим народом горе и трудности, чувствует то высшее утешение, которое порождает мученичество. Он в душе даже гордится, что умирает невинным среди невинных». (3,419) Писателя мучает, что его народ гибнет не на поле боя, не в борьбе за свободу и независимость, а умирает позорной смертью». Если бы мой народ восстал против своих несправедливых правителей и погиб, восстав, то я сказал бы, что смерть на пути свободы более благодарна, чем жизнь под тяжестью гнета», - пишет Джубран.

По этому же поводу Насибом Аридой была написана касыда под названием «Колыбельная» («Тарнимату-с-сарир»), где нашли свое отражение тяжкий стон и безграничная грусть поэта.

Литераторы-эмигранты собирали пожертвования в пользу голодающих соотечественников. Руководил этим благородным делом Илья Абу Мады. Он специально написал десять касид, в которых призывал всех арабов-эмигрантов оказать голодающим соотечественникам посильную помощь. В целом ряде стихотворений он обращается к тем ливанцам, которые, по его мнению, легко смирились со своим незавидным положением.

Ночи уходят и вновь наступают с ужасом,
 А я вас вижу смеющимися.
 Вы не вняли урокам прошлых лет
 Даже завтра вы не учтете урока
 Какой ужас, какое несчастье!
 Нация погибает, а вы играете
 О, руководители похороните свою вражду
 Пусть бог согласия поднимается из могилы
 О богачи, разжимайте свои кулаки
 Самое неприятное для жаждущего - это
 не проливающие дождь облака. (7, 140).

Некоторые поэты-эмигранты в своих стихотворениях ограничились выражением сочувствия бедственному положению своих соотечественников. Это, конечно, было явно не достаточно, а потому многие литераторы в эмиграции, в частности Масуд Самаха (1882-1946), призывали к активным действиям, к солидарности:

Не покидайте своих соотечественников
 В лишениях и голоде, в болезни и скорби,
 Не надо лить слезы, будьте щедры,
 Ибо у щедрого с рук течет, а не из глаз. (7,140)

Наср Саман (род. 1905) в одном из своих выступлений в Хомском клубе в Сан-Пауло, сказал:

... Гордость выполнила свою миссию,
 Пусть же люди покажут щедрость. (7, 140)

Эти годы лишений и голода в Ливане и Сирии нашли свое отражение и в касыде М.Нуайме «Брат мой» («Ахи») и в стихотворении Н.Ариды «Конец» (ан-Нахайа).

Джубран же писал: «Тот дирхем, который ты положишь в пустую протянутую ладонь, станет звоном, связывающим твои человеческие качества». (3, 420)

Литераторы-эмигранты всегда были солидарны со своими соотечественниками, старались всеми силами облегчить их участь, содействовать их борьбе за независимость и свободу родины. А самое главное в том, что арабы-эмигранты не только относились с состраданием к положению своей родины, они готовы были в любой момент помочь ей стать в один ряд с борющимися за свободу. В нижеследующих строках Джордж Сайдах как бы выразил чувства и помыслы всех своих собратьев по перу – литераторов-эмигрантов:

... О моя многострадальная родина, если ты
 перечислишь свои жертвы
 Причисли и меня к ним, ибо я изранен душой
 Я не оплакиваю тебя жалобным причитанием
 А дарю тебе оружие и воинов. (7,144)

Тема родины занимала большое место и в творчестве прозаиков-эмигрантов. В этом можно убедиться на примере творчества Дж.Х.Джубрана². Высокие патриотические чувства писателя-гуманиста проявляются в стихотворении в прозе «У вас есть ваш Ливан, а у меня есть мой Ливан». (3,510) Для Джубрана его Ливан самый прекрасный уголок земного шара, он с особой чувствительностью, трепетной нежностью, с гордостью и любовью описывает свой Ливан, величие и суровость его гор, очарование долин, его плодородные виноградники и поля, его древние храмы, красоту его жителей. «Я горжусь своей страной и ее сыновьями, и в этой гордости – сладость, покой и безмятежность». (3, 514) Но его огорчает инертность и беспомощность некоторых соотечественников, их бессилие и покорность перед европейскими пришельцами. «Они сильны и красноречивы, когда обращаются друг к другу, но бессильны и немые перед европейцами.

Они – вдохновенные патриоты и реформаторы в своих газетах и на своих кафедрах, а на деле – реакционеры послушно сгибающие спины перед

европейцами. ... Они – рабы, которые сменили старые ржавые цепи на блестящие новые оковы и кричат, что достигли свободы». (3,512)

И Джубран сожалеет о том, что эти сыны Ливана не воплощают в себе «твердость его скал, благородство гордых вершин, сладость вод и аромат воздуха», что они не осмелятся сказать: «Когда я умру, родина будет краше, чем она была в день моего рождения». Писатель считает, что сыновьями Ливана не является горстка этих политиканов, космополитов, истинные сыновья его родины – трудовой народ, чьи мазаитскими руками создаются все блага жизни. Это крестьяне, пастухи, садовники, каменщики, гончары, ткачи, медники, «это – люди, которые всюду оказываются впереди, всюду вызывают к себе любовь... Это – люди, твердо идущие по пути истины к красоте и совершенству». (3,513)

В произведении «Встреча» (3,291) Джубран описывает романтическую встречу двух влюбленных. Она «дочь Египта, славою наполнившая землю», он «муж Ливана, славою наполнивший вечность». И автор, словами девушки, обращенными к юноше, как бы рисует облик Ливана: «Как я тоскую по тебе, красивейший из сынов Астарты! ... Мудрецы земли приходят к тебе в надежде разгадать свои символы. Великие мира сего, навещая тебя, опьяняются вином твоей красоты и горами твоих тайн... Руки твои – родник сладкой воды, а дыхание – нектар жизни». (3, 291)

В лице юноши Джубран олицетворяет весь Ливан, говорит о богатстве его природы, о его плодородной земле, о его великих людях: «Кедр на твоей груди – древний знак славы, а крепости, окружающие твои пределы, – свидетельства могущества и силы... Как верна твоя дружба, как великолепны твои дары... Ты подарил мне Фариса³, и он победил слабость моего народа, прислал Адиба⁴, который возродил его к жизни, и Неджиба⁵, кто научил его грезам». (3,292)

В статье «Вечность и нация» («Ад-дахр ва-ль-умма») в облике пастушки символизируется Сирия (здесь территория Сирии географически представляет одно целое с территорией Ливана) – страна, которую судьба привела к разрухе, нищете и бесплодию. Пастушка, глядя на далекий горизонт, мечтает о грядущем. И это будущее ей рисует вечность, представляя перед ней в облике старца «с седой бородой и пышными волосами, ниспадавшими на грудь и плечи», который утешает пастушку перспективой счастливого будущего: «Ты,

о Сирия, подобна своим соседям – Египту, Ирану, Греции, у которых столько же стад и такие же пастбища, бедность же твоя – это глубокий сон, за которым последует пробуждение». (3,264) Патриотические и гуманистические чувства Джубрана не ограничились только любовью к Сирии и Ливану. Писатель любит все человечество. «Вся земля моя родина», – говорит он в статье «О, мой порицатель». (3,283) В этой же статье он пишет: «У меня маленькое сердце, я хочу забыть его из темноты моей груди. И нести его на своей ладони, обследуя его глубины и рассказывая о его тайнах». (3,283)

Любовь писателя-гуманиста ко всему человечеству приводит его к тому, что он не хочет, чтобы вспыхнула война между его соотечественниками во имя национализма. Не враждовать, не уничтожать друг друга должны, считает он, а жить в мире и согласии. Джубран говорит: «Я тоскую по своей родине из-за ее красоты. Люблю ее детей из-за их бедственного положения. Но если моя нация нападет на кого-либо знаменем национализма, наступит на землю моего близкого, ограбит его имущество, убьет его мужчин, оставит сиротами его детей, сделает вдовами его женщин и оросит его землю слезами сыновей, то я возненавижу свою родину и ее жителей». (3,335)

Пацифические мысли Джубрана проявляются в стихотворении в прозе «Дочери моря» («Банату-ль-бахр», 3, 245-246). В этом полуфантастическом произведении русалки находят на дне моря тело юноши, в кармане его рубашки письмо его возлюбленной, где и выражаются антивоенные мысли писателя: «Что это за чувство, которое разлучает влюбленных, делает жен вдовами, а детей сиротами? Что за сила по ничтожнейшим поводам вызывает войну, несущую беды стране? ... Справедливо ли следовать воле, которая противоречит миру между народами, нарушает спокойствие человеческой жизни?» (3,246)

Но при всем своем гуманистическом нраве Джубран считает, что если человек борется за свободу и независимость своей родины, то это благородное дело. В конце письма, найденного в кармане юноши, девушка наставляет своему возлюбленному, невзирая ни на что, быть мужественным и любить свою родину: «... Не обращай внимания на мои слова, будь мужественным, люби свою родину и не слушай девушку, которую ослепила любовь, а разлука лишила рассудка». (3,246)

Джубрана все время волновало будущее его родины. В статье «Наркозы и скальпели» (ал-Мухаддарт ва-ль-мабади») (3,394) он возмущается лжереформаторами, которые «применяют снотворное там, где нужен хирургический нож – искоренение обветшалых устоев». «Восток страдает хроническими недугами, измученный эпидемиями, он свылся с бесплодием и считает естественным постигающие его бедствия». (3396) Себя же он считает экстремистом, который не проявляет умеренности в познании истины.

Дж.Х.Джубран, как и многие его соратники по перу, верил «в доброе начало мира и был нетерпим ко всему, что мешает человеку быть счастливым». (3а, 12)

Тема родины была одним из главных мотивов всего творчества арабских литераторов-эмигрантов; и поэтическая страстность, благородный порыв сливались в их творчестве с серьезными раздумьями о судьбе страны, о жизни народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарев М.С. «Крушение турецкого государства на арабском Востоке». М., 1960.
2. Луцкий В.Б. «Новая история арабских стран», М., 1966.
3. Джубран Халил Джубран. «Аль-Маджмуа аль-Камила», Бейрут, 1961.
- 3^а Джебран Халил Джебран. «Слеза и улыбка» (пер. с арабского), М., 1976.
4. ан-Наури Иса. «Адабу-ль-махджар». Каир, 1959.
5. Нуайме Михаил. «Джубран Халил Джубран, хайатуху ва мавтуху, адабуху ва фаннуху», Бейрут, 1934.
6. Нуайме Михаил. «Сабуна», ч. II Бейрут, 1960.
7. Сайдах Джордж. «Адабуна ва удабуна фи-ль-махджар аль-амрикийя», Бейрут, 1964.
8. Саррад Надира Джамил. «Шуара ар-Рабиата аль-калामीя». Каир, 1955.
9. аль-Хави Илья. «Илья Абу Мадии шаир ат-ташаум ва-т-тафаул, Мун-тахабат», Бейрут, 1972.
10. Хасан Джад Хасан, «аль-Адаб аль-араби фи-ль-махджар», Каир, 1962.

11. Об арабской литературе в эмиграции. См. А.Имангулиева. «Ассоциация пера» и Михаил Нуайме, М., 1975.
12. О жизни и творчестве Дж.Х.Джубрана. См.А.Имангулиева «Джубран Халил Джубран. Жизнь и творчество». Баку, «Элм», 1985, (на азерб. языке).
13. Ахмед Фарис аш-Шидийяк (1804-1877) – ливанский писатель, один из деятелей арабского Возрождения.
14. Адиб Исхак (1856-1885) – публицист видный деятель арабского освободительного движения.
15. Неджиб аль-Хаддад (1867-1899) – известный поэт, журналист и драматург.

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА И СОВРЕМЕННАЯ АРАБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Более тридцати лет продолжается трагедия арабского народа Палестины, лишенного права на родину, гонимого и преследуемого сионистскими правительствами Израиля.

Арабо-израильский конфликт порожден агрессивной воинственной политикой сионизма и империализма, цель которой захват чужих территорий, установление господства над поработанными народами во имя осуществления реакционных экономических, политических и военных планов империализма. Эта политика привела к войнам, которые Израиль вел против арабов. Ведь до создания государства Израиль (1948 г.) на территории Палестины в течение многих веков жили арабы. Иерусалим был святыней для исламского мира. Но, невзирая на это, сионисты уже в конце XIX в. приступили к реализации своих программ, направленных к созданию в Палестине «национального очага» для еврейского народа. На деле это означало захват палестинской земли с помощью империалистических держав.

Во время 1-й мировой войны британские колонизаторы, опиравшиеся на поддержку сионистского движения, готовились к вторжению в Палестину. Воспользовавшись услугами сионизма, Англия смогла бы оправдать и отторжение Палестины от арабского государства. В феврале 1917 г. эксперт Англии по ближневосточным делам Марк Сайкс по поручению английского правительства установил контакт с сионистскими лидерами. В ходе этих контактов сионисты полностью солидаризовались с политикой Англии в палестинском вопросе.

2 ноября 1917 г. была составлена декларация Английского правительства о политике в Палестине в форме письма британского министра иностранных дел А.Дж.Бальфура на имя лорда Ротшильда, щедро субсидировавшего сионистское движение. «Правительство его величества, - гласила декларация, - относится благожелательно к учреждению в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все старания для облегчения завершения этой цели». (8,87)

Это, по существу, был сговор между империалистическими кругами Англии и главарями международного сионизма, направленный на утверждение в Палестине позиций колониализма и сионизма, на подавление освободительной борьбы арабских народов.

Пагубные последствия Декларации Бальфура вызвали справедливое негодование арабов, ошеломленных вероломством Англии, возмущенных вестью о разделе арабских стран. В армии повстанцев начали распространяться антианглийские настроения, приведшие к отказу партизан и бойцов от участия в войне на стороне Антанты. Началась национально-освободительная борьба народа против агрессивной сионистской политики.

Эта справедливая борьба нашла горячую поддержку у всех прогрессивных представителей арабского народа, в том числе передовых деятелей арабской литературы. В своих глубоко патриотических произведениях поэты и прозаики гневно выступали против поработителей, призывали к активному противодействию силам агрессии, вселяли надежду и уверенность в победе правого дела палестинского народа.

Арабским писателям-эмигрантам, проживавшим в Америке, были близки и понятны чувства и мысли палестинцев, изгнанных из родных мест. Ведь эти литераторы из Сирии и Ливана, жизнь которых на родине превратилась в цепь постоянных унижений и преследований, по воле судьбы также стали скитальцами вселенной. Поэтому они острее воспринимали стечения страдающих людей, их тоску по оставленному родному крову. И они не остались безучастными к судьбам палестинского народа. Писатели-эмигранты, выступая на разных митингах и собраниях, клеймили позором действия сионистов, выражали негодование и возмущение колониальной политикой империалистических держав.

Аш-Шаир ал-Карави, известный поэт-эмигрант, который посвятил немало строк судьбе палестинского народа (6, 172-207), следующими словами выразил свое недовольство Декларацией Бальфура:

Истина превыше тебя и твоего обещания
О надменный, помни об истине
Дашь обещания, осуществление которых
Приведет к кровополитию,
Убирайся прочь, о колонизатор. (5,146)

Другой поэт-эмигрант Джордж Сайдах, передавший гонорар от советского поэтического сборника («Дары», Буэнос-айрес, 1948) в распоряжение комитетов защиты народа Палестины, так отвечает о политике Бальфура:

Ты, Бальфур, уподобляешь нас куску
каменного угля, который
От прикосновения огненной искры превратился
в пепел
Но если, чтобы отомстить, мы должны
попасть в ад
То мы доберемся и до ада. (5,147)

Поэт верит в неисчерпаемые силы народа, он знает, что гнев народа страшен и что рано или поздно он отомстит за измену и обман. На это указывает и поэт Ильяс Фархат:

Скажи иноземцу, подобно потоку ворвавшемуся
на нашу землю
Что взял он на себя больше, чем сможет осилить
Горе тебе, твое судно село на мель
И если сейчас время неподходящее для
отмщения, то мы приблизим это время. (5,147)

Как известно, в первую мировую войну почти все арабские страны были вовлечены в империалистическую войну, основной целью которой была борьба за предел мира, за расширение сфер влияния в ближневосточном регионе. Обе воюющие стороны использовали территории, базы, коммуникации, а также материальные и людские ресурсы зависимых от них арабских стран. По сути же дела арабские страны были враждебны обеим воюющим сторонам. Арабские народы ненавидели иноземных порабитителей, и эта их ненависть была умело и ловко использована одним империалистическим блоком против другого. В арабских странах, подвластных Турции, Англии и Франции использовали национальное движение для борьбы против Турции и Германии.

Арабы, стоявшие в начале войны перед альтернативой: либо поддержка Антанты и возможность англо-французской оккупации, либо участие в войне на стороне Турции, уже весной 1915 г. сделали выбор. И этот выбор был не в пользу Турции. В Сирии и Палестине действовали агенты английской разведки, самолетами разбрасывались пропагандистские листовки. Английская разведка прилагала все усилия к тому, чтобы превратить армию арабских повстанцев во вспомогательный корпус английской армии. И уже к концу войны на фронтах чаша весов все больше клонилась в пользу Англии. Когда англичане полностью разгромили турок и добились решающего перелома на палестинском фронте, они начали уклоняться от выполнения взятых ранее обязательств. Выяснилось, что Англия выжидала только благоприятного момента, чтобы претворить в жизнь аннексионистские планы в Палестине и удержать эту страну под своей властью.

Политика Англии в арабских странах, в частности в Палестине, вызвала недовольство и арабских литераторов в эмиграции. В своих произведениях они выражали возмущение действиями английского правительства, вероломством ответившего на помощь арабского народа в войне. По этому поводу Гейсар Селим ал-Хури писал:

О Запад, мы тебя напоили эликсиром жизни
А твоя плата была извержением лавы
Ты (Запад) научился управлять звездами,
но не научился исполнить долг
Ты точил клыки, словно Палестина – это
Пастбище, где откармливаются овцы
А Палестина – это душа арабов, их плоть
И кровь (5,147 - 148)

Поэты проклинали западных захватчиков, которые прикрывались масками благодетелей и защитников. В своих стихотворениях они выступали про-

* По межсоюзническим соглашениям англичане были связаны двоякого рода обязательствами: по соглашению британского верховного комиссара в Египте Мак-Магона и шерифа Мекки Хусейна (1915) англичане обещали включить Палестину в состав арабского государства. По соглашению с Россией в 1916 г. они обязались установить в Палестине международное управление.

тив их покровительства, ибо прекрасно понимали всю неискренность и лживость их слов и обещаний, неуклонное стремление империалистических стран сохранить и укрепить свои позиции в этом важнейшем в экономическом и стратегическом отношениях районе земного шара. Ильяс Фархат в одной из своих касыд призывает не принимать сочувствия западных покровителей:

О, желающие нас защитить, оставьте свое
намерение
Вся эта любовь лишь ради богатства наших
Земель
Невозможно верить преступнику, рука которого
обагрена кровью
Защищайте свои дома, а наш дом оставьте
для нас (5,150)

Многие арабские литераторы не отделяли Палестину и судьбу палестинского народа от своей родины и от своих национальных проблем, они с горечью и скорбью воспринимали трагедию Палестины, ее оккупированное положение. Известный поэт Илья Абу Мады, обращаясь к Палестине, пишет:

О родина мира и земля цветения
Всем тяжело, что ты в скорби
Несчастье Палестины – это несчастье славы
А несчастье славы не может быть незначительным
Мы стояли на страже ее, по мечи пронзили
и наши сердца
Неужели земля мечты, земля величия и сияния
станет местом их сборища
Убежимся для их позорных действий (5,147)

Много поэтических строк посвящено жертвам палестинской революции, героическим сынам Палестины, сраженным предательством и изменой. «Даже минареты Иерусалима молятся и причитают над жертвами, колокола

церквей Вифлеема стонут над ними», - писал Дж.Сайдах (3,254). А Наср Саман, считавший, что пролитая кровь сделала Палестину священной землей, с большим лиризмом и любовью говорит об этом уголке арабского мира:

О Палестина, жертвы сделали тебя священной
И бессмертие облекло тебя в блестящий наряд
Ты в музыке жизни, ты являешься гимном,
Который сама жизнь не устанет
повторять. (5,148)

Арабы-эмигранты с оптимизмом смотрели в будущее Палестины, они хотели верить, что наступит ее светлый день. Поэты вселяли в народ чувство любви к родине, готовности отдать жизнь за ее освобождение. Хуни Гураб говорит:

Терпи, Палестина, терпи и жди облегчения
Обязательно произойдет то чудо в месяце раджаб*
Произойдет война и меч разрешит то, что
не смогла решить книга
Пусть ради победы расхoduтся все слитки
золота, добытые из истощенных рудников
Пусть они (империалисты) знают, что в качестве
дров для огня, который они зажгли
Ничто не годится, кроме них самих
Палестина не будет открытым бассейном для
всех и ее жители не овцы, чтобы их доили
и пасли...
У логова гордые люди, подобные львам. (5,148)

Дж. Сайдах также надеется на возвращение палестинцев на родную землю, ведь они и в прошлом побеждали своих врагов, победят их и ныне:

* Раджаб – 7-й месяц лунного календаря (т.е. хиджры).

Ах, Палестина, сколько захватчиков ты победила
 И сколько войск ты разгромила и отогнала
 от стен своих
 Но тебя поразила слабая рука
 И ты уподобилась народу без родины, армии,
 без знамени
 О сыновья Палестины, поток захватчиков переливается
 через край,
 Станьте же непреодолимой преградой перед ним. (3, 255)

Палестинская проблема не разрешилась и после окончания 1-й мировой войны. В 1918 г. в Джидду (Йемен) прибыл английский специалист по арабским делам профессор Оксфордского университета Хогарт, которому было поручено «разяснить» арабским лидерам ближне-восточную политику Англии. От имени правительства Англии он вручил Хусейну II ал-Хашими, шерифу Мекки, меморандум, в котором говорилось, что в Палестине будет установлен особый режим управления и что «ни один народ не будет подчинен другому». Вместе с тем Хогарт рекомендовал Хусейну развивать сотрудничество с сионистами и заявил, что английские власти не будут препятствовать еврейской иммиграции « в той мере, в какой это совместимо с экономической и политической свободой существующего населения». «По сути дела, - отмечает В.Б.Луцкий, - поток пышных фраз меморандума Хогарта был призван подсластить пилюлю и завуалировать тот факт, что Палестина изымалась из состава арабского государства» (9,347-348).

Жители Арабского Востока все время с тревогой наблюдали за опасной обстановкой в этой зоне. И когда коренное арабское население Палестины стало жертвой империалистической агрессии и международного сионизма, писатели и поэты заявили о своей решимости противодействовать и этой агрессии, всеми силами помогать палестинскому народу. Аш-Шаир ал Карави обратился ко всем арабам, живущим в Америке, собрать пожертвования для помощи палестинцам. С этой целью он ездил по многим странам Южной Америки и выручку от торговли различными мелкими изделиями целиком отправлял в Палестину. Положение Палестины и трагедию беженцев аш-Шаир ал-Карави воспринимает как свое личное горе – смерть родной ма-

тери, и в написанной по этому случаю элегии он оплакивает не только смерть самого дорогого ему человека, но и судьбу палестинского народа, народа-изгнанника:

Покойнику достаточно от нас и того, что
 мы ощущаем его отсутствие
 А разве когда гибнут все, можно замечать
 отсутствие одного?
 Разве после Палестины можно оплакивать юношу?
 Разве в глазах еще остались слезы?
 После оплакивания миллионов иссякли мои слезы
 И теперь я подобен огню и твердому камню (2,360)

С болью в душе поэт говорит о трагедии беженцев, перед которой отступают личные страдания, для оплакивания которой не хватает слез. Поэты сравнивают палестинских беженцев с «убегающим от жизни племенем», пастухом которого является ангел смерти.

После окончания 2-й мировой войны все усилия сионистов были сосредоточены на том, чтобы не допустить появления на территории Палестины арабского государства. Ведь оно стало бы серьезным препятствием для осуществления сионистских проектов создания «Великого Израиля от Нила до Ефрата». Акты сионистского террора следовали один за другим, физически устранялись арабские политические и общественные деятели, способные возглавить борьбу палестинского народа за независимость. С захваченных Израилем земель арабы были изгнаны или бежали. В соседних арабских странах скопилось огромное количество беженцев, все имущество которых было присвоено израильскими властями. А против тех, кто не хотел покинуть родные края, применялось насилие. Совершались нападения на мирное население с целью вынудить его под угрозой смерти покинуть родные места. Самая страшная расправа была учинена над жителями деревни Дейр-Ясин. В ночь с 9 на 10 апреля 1948 г. по приказу М.Бегина сионистские банды окружили деревню и расстреляли или зарезали всех его жителей – от мала до велика трупами забили колодцы с питьевой водой.

Весть о варварстве участников этой резни и ее организатора М.Бегина обошла весь Арабский Восток. Жертвы Дейр-Ясина взывали к миру о справедливости и гуманности. Во многих арабских странах состоялись митинги протеста. Арабские колонии в Америке не остались безучастными к этому событию, а также к наглому заявлению М.Бегина о том, что «без победы в Дейр-Ясине не было бы государства Израиль». В крупных городах США, а также в некоторых странах Южной Америки арабы вышли на демонстрации, на митингах и траурных собраниях они выражали свой гнев и возмущение, поэты слагли пламенные стихи, где клеймили позором сионистов и их покровителя – мировой империализм. Дж.Сайдах по этому поводу написал специальную кассиду под названием «Дейр-Ясин», где с возмущением поведал о зверстве сионистских террористов, о том, как они ночью неожиданно обрушились на мирную деревню, чинили ужасные зверства над ее жителями, убивая, закалывая, устраивая резню, попирая честь и святость, надругались над телами убитых:

Под покровом ночи, под защитой преступников
 Нечестивые поступались в двери священного дома
 Зарезали в Дейр-Ясине жителей
 Не спасся даже ребенок, не выжил и старик
 Юноши оказались на штыках захватчиков
 как газели в пасти хищников
 Воспламенился огонь в центре деревни
 Пожирая и свежие и сухие финики
 Рай превратился в красный ад,
 А кварталы стали его топливом
 ... Дейр-Ясин, да будет проклят этот мир
 Если он станет миром подлых иноземцев (3, 253)

Некоторые поэты-эмигранты причину поражения палестинцев видели в покорности и инертности арабского народа. Они осуждали примиренческую позицию своих соотечественников, говорили о несплоченности арабских народов. Поэт Ильяс Консул в нижеследующих строках призывает к вооруженной борьбе, «хватит жалостливо ждать своей окончательной гибели, мечи уже заржавели в ножнах», - говорит он.

Слишком долго тянулось наше терпение и стало позором По-твоему, вследствие чего израильяне стали волками? Тебе не подобает жить по соседству с гремучей змеей, которая думает лишь о том, куда бы вонзить свое ядовитое жало
 Надо покончить с кротостью, ведь политика фальшива и тому, что в ножнах, надоело оставаться там (5,152)

Но поэты подобно И.Консулу не учитывали, что арабские страны, и в частности Палестина, были тогда очень слабы, в подавляющем большинстве арабских государств Ближнего Востока власть находилась в руках представителей реакционных феодальных и полуфеодальных слоев. Арабские правительства этого времени не могли совершить ни одного важного политического шага без ведома или благословения своих империалистических покровителей. Израиль получал финансовую помощь и оружие из США. Кроме реализации собственных планов захвата новых арабских территорий для создания «великого еврейского государства», у Израиля была и другие миссия. Он исполнял роль жандарма и орудия империализма против национально-освободительного движения арабских народов. Но даже в таких условиях палестинский народ хорошо сознавал, что подлинной свободы и независимости можно добиться лишь вступив на путь решительной борьбы. И в поддержке всех народов, выступающих за свободу, социальный прогресс и независимость, а также в поддержке и сочувствии передовой национальной интеллигенции, поэтов и прозаиков, правдиво отражающих в своих произведениях национально-освободительную борьбу, палестинский народ черпает силы для продолжения борьбы против империализма, сионизма, за самоопределение и создание собственного независимого государства.

Когда в 1958 г. была создана одна из наиболее сильных и авторитетных палестинских организаций ФАТХ (10, 10), писатели и поэты высоко оценили значение этого события, приветствовали действия ее членов, направленные против сионизма, возлагали, большие надежды на успех совершаемых ею операций как на оккупированной территории, так и за ее пределами:

Несла ФАТХ знамя
 Крест справедливости, на нем обгаренный
 Гнев ФАТХа выросал из племени раны и из
 Рева разъяренных львов (3,253)

В рядах активных борцов, сплотившихся вокруг Народного фронта освобождения Палестины, много писателей и поэтов, среди которых видное место занимает поэт Махмуд Дервиш (1,44). Его стихи широко известны в арабских странах. Творчество Дервиша впитало в себя лучшие традиции палестинской народной поэзии.

Подобно многим другим соотечественникам, Махмуд Дервиш стал палестинским беженцем, ибо теперь, чтобы жить в родной Палестине, нужно иметь израильское удостоверение личности.

Поэт-патриот Махмуд Дервиш повествует в стихах о судьбе своего народа, лишенного родины. Гневный протест против угнетателей, призыв к активной борьбе – вот что является лейтмотивом его творчества. В его стихах гимн бесстрашным бойцам за свободу родины, призыв к неустанным противоборству агрессору, воля к победе, вера в конечное торжество правого дела палестинского народа:

Пусть путь наш тернист, но пройдут годы
 И на него станут внуки тех, кто состарился,
 пролагая дорогу
 к заветной цели, святящей нам из бездны

Стихи Махмуда Дервиша проникнуты глубокой любовью к родине. В них ощущается запах отчей земли, тоска по родному очагу, слышны стоны страдающих людей, жаждущих покончить с иноземным гнетом. И все это подчинено одной идее – идее борьбы, идее сопротивления агрессору:

Еще бурлит источник преступлений
 Засыпьте его землю
 Будьте бдительны!
 Сражайтесь!

В 60-х годах в прогрессивных периодических изданиях Бейрута стали публиковаться острые репортажи, обозрения, политические комментарии, статьи молодого и талантливого палестинского писателя Гассана Канафани (4,2). В центре его внимания всегда было тяжелое положение палестинских беженцев.

Г.Канафани погиб в 1972 г. в Бейруте от рук израильских террористов. Ему было только 36 лет. Отдал он свою жизнь за свободу и справедливое дело своего народа. Литературная деятельность стала для писателя-патриота оружием борьбы с оккупантами. В романах «Люди под солнцем», «Что остается вам» и в сборнике новелл «О людях и винтовках». Канафани рассказывает о трагедии целого народа Палестины, лишенного элементарного права на жизнь. Еще более страстным призывом к борьбе должны были стать неоконченные произведения писателя: пьеса «Дверь» и роман «Слепой и немой» (7,64).

В последнее время в различных частях арабского мира вышли десятки художественных произведений, посвященных палестинской проблеме. Среди них привлекают внимание такие крупные прозаические произведения, как «Пробил час, о Палестина» Юсифа Салима (Каир, 1962), «Возвращение пленного» Хусейна Камиль ал-Махами (Каир, 1968), «Взрывающий мость» Атифа Ахмед Хулва (Бейрут, 1969), «Последний подарок» Хусни Сулеймана ал-Бейтар (Бейрут, 1969), «Я из Палестины» Узми Ришад ал-Мухтасиба (Кувейт), «Дни любви и смерти» Рашада Абу Шавир (Бейрут, 1973), «Христианский квартал» Набила Хури (Бейрут, 1973), «Удар по голове» Нувафа Абу Хиджаи (Бейрут, 1973) и другие.

Не случайно и у советских читателей вызывают интерес произведения палестинских писателей, где находят свое отражение специфические стороны жизни арабского народа Палестины, тяжелые испытания, выпавшие на их долю. На русский язык переведена повесть палестинского писателя Ришад Абу Шавира «Плач на груди любимой» (11,83-121).

Р.Абу Шавир – участник движения сопротивления, член руководства Союза палестинских писателей и журналистов. Эта повесть о трагической судьбе палестинских изгнанников, разбросанных по разным арабским странам. Горький опыт их жизни в лагерях беженцев, гнев и отчаяние, порождаемые трудностями такой жизни – таковы условия, в которых действуют герои повести Ришад Абу Шавира (11,83).

Можно с уверенностью утверждать, что в творчестве крупнейших представителей современной арабской литературы нашли наиболее полное отражение почти все аспекты палестинской проблемы. Эти писатели и поэты затрагивают общечеловеческие проблемы, их произведения привлекают высоким гуманизмом, правдой жизни. Борьба со злом во всех его проявлениях и вера в светлое будущее – вот что составляет главную идею их произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ал-Бахр Наср ад-Дин. «Ал-Адаб ал-фаластини ал-муасир байна-т-табир ва-т-тахрид».
2. Джад Хасан Джад. «Ал-Адаб Ал-араби фи-л-махджар». Каир, 1962.
3. «Ал-Мавгиф ал-адаби» (журн.) Дамаск, X 1979, № 102.
4. «Мунтахабат мин кисас ал-филастиниййа», Тунис, 1976.
5. Сайдах Джордж. «Адабуна ва удабуна фи-л-махджар ал-амрикиййа». Бейрут, 1964.
6. Аш-Шаир ал-Карави. «Ал-Аасир», Бейрут, 1962.
7. М. Крутихин. Писатель и борец. – В журн.: «Азия и Африка сегодня», 1979, № 3, стр. 63-64.
8. М.С. Лазарев. Крушение турецкого господства на Ближнем Востоке. М., 1960.
9. В.Б. Луцкий. Новая история арабских стран. М., 1966.
10. Е. Примаков. Сионизм и Израиль против арабского народа Палестины. – В журн.: «Азия и Африка сегодня», 1977, № 4.
11. Журн. «Иностранная литература», 1981, № 1.

XÜLASƏ

FƏLƏSTİN PROBLEMİNİN MÜASİR ƏRƏB ƏDƏBİYYATINDA İNİKASI

Məqalədə müasir ərəb ədəbiyyatının tanınmış və mütərəqqi nümayəndələri olan C.Saydah, Əş-Şair əl-Qərəvi, İ.Fərhad, M.Dərviş, H.Qənəfəni və b. yaradıcılığında Fələstin problemini necə əks olunması işıqlandırılır. Hər bir ərəb yazıçısı Fələstin problemini, öz doğma vətəninin ən vacib problemi hesab edir. Elə buna görə də onların əsərlərində bu problemin əksi xüsusi yer tutur. Məqaləyə bədii əsərlərdən götürülən misallardan aydın olur ki, ərəb ədib və şairləri Fələstin xalqının qələbəsinə və xoşbəxt gələcəyinə inanırlar.

АРАБСКАЯ ПЕЧАТЬ В ЭМИГРАЦИИ (В СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ)

Возникновение и развитие новоарабской литературы, несомненно, связано с деятельностью зародившейся в Америке арабской эмиграционной литературы в конце XIX – начале XX века. Мы не имеем в виду лишь художественное творчество ее преподавателей, отдельных поэтов и прозаиков. Арабская эмиграционная литературная школа – это совокупность литературно-общественных организаций, возникших как в Северной, так и в Южной Америке, печатных органов и художественных клубов, деятельность и творчество отдельных талантливых поэтов, прозаиков и журналистов. Именно это и составляет новое в истории арабской литературы, известное как сиро-американская литературная школы.

В настоящей статье даются сведения об эмиграционной арабской печати, возникшей в Америке и получившей известность далеко за пределами этого континента.^x

Было бы неверно рассматривать жизнь и общественно-художественную деятельность арабов в эмиграции в отрыве от эмиграционной печати того времени. Классик и старейшина ливанской литературы Михаил Нуайме, долгие годы находившийся в эмиграции в Америке, весьма образно сказал о значении издаваемых в Нью-Йорке газеты " *السنح* " («Путешественник») и журнала " *الفنون* » («Искусство»): «Страницы «ас-Саиха» была трибуной наших мыслей, ее редакция – нашей Меккой, Указомхх наших стихов, сценой для наших комедий [10, с. 170], а журнал «аль-Фунун» был нашим рупором, его редакция – убежищем наших взглядов. Здесь смешались наши мечты и желания» [8, с.52]. Эти слова могут быть отнесены к большинству эмиграционной печати.

Арабская периодическая печать, основанная в Америке группой талантливых сирийских и ливанских литераторов, была жизненной школой не только для писателей и поэтов, но и для простых арабских читателей.

Следует отметить, что история деятельности сирийско-ливанских журналистов непосредственно связана с эмиграцией.

Еще во второй половине XIX века ряд сирийских и ливанских прогрессивных деятелей, эмигрировавших в Египет принимала активное участие в раз-

витии египетской печати. Так, Селим Паша Хамави в Александрии основал газету " *الكوكب الشرقي* " («Восточная звезда», 1876), Адиб Исхак и Селим ан-Наккаш - газету " *المحرمة* " в Каире («Каир», 1879), Якуб Сарруф и Фарис Нимр – журнал " *المعتطف* " («Сборник», 1885), Джирджи Зейжан " *الهلال* " («Полумесяц», 1892) и другие [2,5, с. 14-15]. Все они – сирийцы по происхождению. Как отмечает акад. И.Ю.Крачковский, в Египте «к 90-м годам почти вся прогрессивная и влиятельная пресса оказывается в сирийских руках»[1, с. 70].

На страницах возникших в Египте органов печати сирийцы и ливанцы представляли свои критические мысли и эстетические взгляды о застое и отсталости в литературе. В то же время в своих сочинениях они касались серьезных общественных тем, относительно открыто выражали свои политические позиции и гневно протестовали против турецкого засилья на их родине. Однако вследствие того, что Египет был чисто арабской страной с ее косным восточным миром, подобного рода прогрессивные идеи против укоренившихся вредных тенденций и традиций в литературе, новые веяния, борьба против существующей общественно-политической системы здесь во многом не одобрялись и зачастую не пропускались цензурой.

Именно поэтому арабские журналисты и литераторы видели в эмиграции в Европу и Америку возможность свободно выражать свои мысли. Неудивительно, что, как в Северной, так и в Южной Америке первые шаги арабские эмигранты начали с создания газет и журналов. Поэтому, говоря об арабской литературе в Америке, в первую очередь следует обратить внимание на деятельность существовавших там в то время арабских периодических изданий, ибо первые образцы новой литературы обрели свое содержание и суть на страницах периодической печати, а имена эмигрантов-поэтов и прозаиков – благодаря периодической печати обрели свою популярность. Печати кроме того принадлежит особая роль в освещении для американского читателя древней арабской истории, культуры и литературы, а также истинной сути «Нового Света» для самих арабов. Именно газеты и журналы, редакции их издательства превратились в центры творческого единения эмигрантских литературоведов и журналистов, центры их дискуссий и споров, в их духовную цитадель.

Определенная часть первых арабов-эмигрантов была поражена разобrazом и темпом окружающей их жизни в Америке, грандиозностью масштабов американского образа жизни, о чем с чувством гордости и удовлетворения они писали в своих письмах к родным и знакомым. В этих письмах часто отмечалось, что «в то время как на своей родине они не могли заработать ни гроша, здесь их пояса заполняют золотые лиры» [7, с. 12]. Такого рода письма, отправляемые эмигрантами на родину, играли большую пропагандистскую роль. Сами того, не ведая, авторы этих писем как бы призывали своих соотечественников бросить родные пенаты, где пролит пот их отцов и дедов, и переехать в эмиграцию. Арабы сами отмечают, что в это время, т.е. в первое десятилетие нашего века, как в Сирии, так и в Ливане основные думы и чаяния молодежи, их разговоры были вокруг эмиграции, и можно сказать, что на палубе каждого корабля, отплывающего из Бейрута в очередное плавание, находились любители и искатели прелестей «Нового Света» [7, с. 12].

Тем не менее, нельзя рассматривать всех эмигрантов только с позиции авторов проамериканских настроений. Многие эмигранты смогли увидеть и почувствовать трагическую сторону массовой эмиграции из арабских стран, понимая все то зло, которое она собой принесли для арабской нации. Они прекрасно сознавали, что означает для Сирии и Ливана потеря трудоспособных и грамотных молодых людей, прогрессивных представителей интеллигенции, рабочих сил производительницы материальных благ любой нации. Они видели выход лишь в том, чтобы на страницах периодической печати на арабском языке, в расчете на широкого читателя раскрывалось истинное лицо Америки и показывалось реальное положение эмигрантов в этой стране. Таким образом, группа эмигрантов-литераторов ставит основной целью своего творчества раскрытие внутренней сущности Америки. Однако в то время трудно было представить, что в Америке можно было на арабском языке широко издавать газеты и журналы. Сама мысль об этом была невероятной. Следует отметить, что грамотных и прогрессивных арабов-эмигрантов в самой Америке было очень мало. Тяжелое материальное положение не позволяло претворить в жизнь их мечты, а те, кто занимались торговлей и имели определенное состояние, вовсе не собирались для этой цели отпускать какие-либо средства. И понятно, что в чужой стране начать издание газеты или жур-

нала было делом очень трудным. Недаром эмигрант Ильяс Консул называет журналистскую деятельность арабов в Америке героизмом [7, с. 21], ибо в данном благородном деле эти люди не имели ни об идеальной, ни частной поддержки Их не поддерживали ни материально, ни морально.

Но, несмотря на все эти трудности, в Америке возникла арабская периодическая печать, она прошла трудный путь борьбы и лишений и окрестала на этом пути.

Первым арабским периодическим изданием в Северной Америке была газета «*كوكب أمريكا*» («Звезда Америки»), выходящая с 15 апреля 1892 года в Нью-Йорке. Издателем ее были Наджаб и Ибрагим Арбили. Вначале газета выходила еженедельно, затем – ежедневно.

Автор четырехтомной истории арабской печати Филипп Тараззи пишет, что «Звезда Америки» выходила на двух языках – на арабском и английском, прекрасно оформленная восточными орнаментами... Печатались здесь различные известия и сведения о Ближнем Востоке, об обычаях и традициях его народов [5, с. 407]. Своей главной целью газета считала ознакомление арабов с жизнью Запада, а американского читателя – с арабским бытом и арабской действительностью.

После смерти Наджиба Арбили в 1897 году его брат Ибрагим самостоятельно продолжил издание газеты. «Звезда Америки» просуществовала до 1909 года.

В Южной Америке первая арабская эмигрантская газета вышла в 1894 году в тогдашней столице Бразилии Сан-Паулу. Газета называлась «*الفيحاء*» («Обширный»). Издатели – Селим и Дейбис Балиш [4, с.611; 7, с. 16].

Арабские исследователи, в частности, Ильяс Консул, пытались получить хотя бы один экземпляр этой газеты. Так, Ильяс Консул встречался с арабами, живущими в то время в Бразилии, исследовал все библиотеки Сан-Паулу, однако не обнаружил даже фотокопии этой газеты. Ему удалось лишь выяснить, что для издания газеты типографский шрифт на арабском языке был привезен из Германии, и что газета издавалась в течение двух лет. Поэтому, сказать что-либо о содержании этого издания, его целях и задачах невозможно.

Издание двух вышеназванных газет, можно сказать, было первым шагом в истории эмиграционной арабской печати. Вскоре после этого, как в

Северной, так и в Южной Америке один за другим стали учреждаться много арабских журналов и газет.

В конце XIX - начале XX веков число арабских эмигрантских газет и журналов, выходящих на американском континенте, было больше десяти. Они освещали в основном экономические вопросы, публиковали новости и сведения о политической обстановке на Ближнем Востоке. Но постоянно число их стало расти. Самым продуктивным периодом считаются 1910-1930 годы. В эти годы в одной лишь Аргентине издавались до 100 наименований различных арабских газет и журналов [7, с. 21]. В США, Канаде, Мексике было свыше 30-ти арабских эмигрантских изданий [3, с. 74]. В других странах американского континента также издавались газеты и журналы. Однако их число было небольшим, и они не выходили систематически. Постепенно улучшалась качество и содержание этих изданий. Малозначительные объявления и второстепенные известия стали вытесняться реалистическими произведениями уже приобретавших известность писателя А.ар-Рейхани, Д.Х.Джубрана, М.Нуайме, И.А.Мади, аш-Шаира аль-Карави, И.Фархата и др. Издатели получили возможность отправлять эти газеты и журналы в арабские страны. Арабский читатель с чувством восторга и уважения встречал каждый новый номер, и спрос на них постоянно увеличивался [3, с. 77].

Среди наиболее известных арабских эмигрантских изданий в Северной Америке можно назвать такие газеты, как «كوكب أمريكا» («Звезда Америки»), 1892, Наджиб Ибрагим Арбили, «الأيام» («Дни»), 1897, Юсиф аль-Маалуф), «الهدى» («Правильный путь»), 1898, Наум Мукарзал, «Зеркало запада», 1899, Наджиб Муса Дияб) «المهاجر» («Эмигрант»), 1903, Амин аль-Гариб), «السنح» («Путешественник»), 1912, Абд аль-Масих Хаддад), «العلم والجدید» («Новый мир»), 1916, Саллум Мукарзал) и др. Журналы «الفنون» («Искусство»), 1913, Насиб Арида) «مجموعة الرابطة القلمية» («Сборник Ассоциации пера»), 1921), «السمير» («Собеседник»), 1927, Илья Абу Мади) и др. Число всех арабских изданий в Северной Америке было больше двадцати. Издавались они в различных городах Соединенных Штатов, в основном, в Нью-Йорке, Бостоне, Вашингтоне, Детройте. Выходили они регулярно, ежедневно или раз в неделю. Но были и нерегулярно выходящие печатные органы. Они обычно выпускались к определенным датам и событиям. Выход в свет большинства этих изданий продолжался до начала первой мировой войны.

Арабская эмигрантская пресса в Северной Америке часто издавалась на двух языках – арабском и английском. На страницах этих печатных органов, имеющих, в основном, литературно-общественный характер, наряду с художественными творениями литераторов-эмигрантов, публиковались и статьи, касающиеся злободневных общественно-политических проблем и событий того времени, с глубоким анализом и комментариями. Публиковались, кроме того, и разнообразные сообщения, известия, полезные советы, объявления.

Следует отметить, что почти каждая газета, и каждый журнал имели свое определенное направление. Например, газеты «Звезда Америки», «Зеркало Запада», «Эмигрант» своей главной задачей считали разоблачение сути капиталистического мира, изображение подлинной действительности.

Журнал «Искусство» больше носил литературно-критический характер. По словам М.Нуайме, «это был единственный журнал, на страницах которого можно было выступать с настоящей критикой. Впервые со страниц этого журнала писатели выступили против застоя в арабской литературе и языкознании» [10, с. 107]. Основной целью журнала, как говорили сами его издатели, было служение арабскому языку и арабской литературе [3, с. 82]. Со страниц «Аль-Фунаун» критиковались подражательство и слепое следование традициям, поощрялась и пропагандировалась новая тематика, связанная с реальной действительностью.

В журнале «Ас-Самир» основное место занимали художественные произведения.

Ф.Таррази относит «Ас-Самир» к самым популярным эмигрантским изданиям [5, с. 406]. Основанный крупнейшим эмигрантским поэтом Ильей Абу Мади (1889-1957) этот журнал выходил два раза в месяц. До основания журнала Абу Мади уже имел достаточный журналистский опыт. Он был корреспондентом журнала «المجلة العربية» («Арабский журнал») и газеты «زحلة» («Сдвиг молодежи»), а с 1918 по 1928 гг. активно сотрудничал в редакции известной газеты «Зеркало Запада». Постепенно тираж «Ас-Самира» рос, и в 1942 году Абу Мади превратил его в ежедневную газету.

Газета имела свою специальную типографию, где печатались еще и поэтические диваны эмигранционных поэтов. Например, здесь пошел в набор известный «Диван» Масуда Самаха (1862-1946), где были собраны поэти-

ческие патриотические стихи поэта. Эта издания были приложением к журналу и носили сугубо художественный характер.

Газета «Путешественник» была больше социально-политического уклона. Ее издатель А.М.Хаддал создал условия для плодотворного сотрудничества в газете своих коллег-литераторов и других арабов-эмигрантов. Благодаря этому газета превратилась в главный орган арабских литераторов в эмиграции. В конце каждого года выпускался один специальный номер газеты, который отличался изысканностью оформления и глубокой содержательностью, «назывался» «العدد الممتاز» («Специальный номер»).

Газета «Аль-Айям», основанная Юсуфом Нуманом аль-Малуфом, которого называли «шейхом арабских журналистов в Северной Америке» была первой арабской сугубо политической газетой [4, с. 371]. На ее восьми страницах регулярно печатались статьи, смело критиковавшие режим Абдулхамиды, всякое иностранное вмешательство в дела арабского народа. Кроме того, газета во главе с ее редактором вела большую пропагандистско-воспитательную работу среди самих эмигрантов. Ю.аль-Маалуф старался сплотить всех арабских журналистов вокруг редакции различных газет и журналов, рассеять враждебную атмосферу среди них. Для этой цели он сам часто выступал на страницах «Аль-Айям» с поучительными и назидательными статьями.

Другой остро политической газетой была газета «Зеркало Запада». Отличалась она от вышеуказанной тем, что здесь политическая тема часто передавалась в художественной форме; в патриотических произведениях писатели и поэты выступали против османского владычества, против бесправного положения арабского народа.

В Северной Америке ряд арабских журналистов сотрудничал в американской периодической печати. Отлично владевшие английским языком и хорошо знавшие восточный мир, эти журналисты часто становились незаменимыми корреспондентами американской печати по проблемам Ближнего Востока. Среди них можно назвать Хабиба Ибрагима Катипа (1912-1951) – автора известных трудов о жизни арабов-эмигрантов «مناخضة العرب» («Возрождение арабов»), «المهاجرون العرب في أمريكا الشمالية» («Арабские эмигранты в Северной Америке»), «الحركة الفكرية و النهضة الادبية في المهجر» («Идейное движение и литературное возрождение в эмиграции»). Он был специальным

корреспондентом газеты «Бруклин Дейли Айкл», а в 1929 году И.Катип ездил по Ближнему Востоку как представитель газеты «Айкл», «Бостон-клуб» и «Детройт Нынз» [4, с. 258].

В Южной Америке число арабских эмигрантских изданий было велико. Так, в Бразилии издавалось 32 газеты и 8 журналов, в Аргентине – 17 газет и 12 журналов, в Мексике – 8 газет, в Чили, Уруг все и на Кубе вышло 10 наименований газет и журналов.

В Канаде, Боливии, Санто-Доминго также были арабские эмигранты, но они не издавали здесь ни газет, ни журналов, а эмигрантская пресса доставлялись сюда из Нью-Йорка.

Среди вышеуказанных изданий были и такие, которые не смогли приобрести широкую популярность и рано прекратили свое существование.

Писатели-эмигранты в Южной Америке на страницах периодической печати боролись за создание подлинной литературы. Своим творчеством они стремились воспитать хороший вкус у читателей, а также способствовать развитию национальной литературы.

Среди этих изданий особенно отличались журналы «العصبة الانطوسية» («Андалузская лига», 1925, Хабиб Масуд) и «الانطوس الجديدة» («Новая Андалузия», 1933, Шукраллах Джарра). Эти журналы пропагандировали в арабских странах произведения литераторов-эмигрантов Южной Америки.

В 1941 году президент Бразилии Ж.Варгас издал закон запрещению всех газет и журналов, выходящих в стране на иностранных языках. В числе других печатных органов прекратил свое существование и журнал «Андалузская лига». Но в 1947 году благодаря усилиям его издателей журнал вновь стал издаваться.

Что же касается «Новой Андалузии», как отмечает Джордж Тума в своей книге «Арабские эмигранты в Северной Америке», то он издается и по сегодняшний день. «Этот объемистый литературно-общественный журнал охватывает 300 страниц. Выходит он ежемесячно с яркими и прекрасными иллюстрациями» [6, с. 254]. По мнению автора книги, журнал ревниво оберегает язык и национальные традиции арабов. Он является как бы маленьким арабским миром за океаном [6, с. 254].

Не меньшей популярностью пользовался ежемесячный журнал «الشرق» («Восток», 1927, Муса Карим), основное место в котором уделялось поэтичес-

кому творчеству арабов-эмигрантов, лучшим образцам арабской классической поэзии. О целях журнала четко высказался Муса Карим, его редактор: «Я его издаю для того, чтобы развивать арабскую культуру в Бразилии» [8, с.52].

Единственный женский печатный орган в Южной Америке был журнал "الكلمة" («Виноградная лоза»). Выходил он в течение 30 лет (до 1939 г.). В 1934 году в Сан-Пауло был торжественно отмечен 25 летний юбилей журнала. По этому случаю состоялось собрание, где поэты и прозаики высказали много лестных слов и адрес издания и его бессмертного редактору Сельме Атлас Карамы. Этот журнал, по мнению выступающих, сделал очень много для пробуждения арабских женщин, для того, чтобы стереть в их сознании вредные пережитки прошлого, отсталость и религиозность. От имени арабов-эмигрантов Сельме Караме был преподнесен памятный подарок [2, с. 604].

К прогрессивным изданиям, выходящим в Южной Америке, можно отнести журнал "المواهب" («Талант», 1930, Юсиф ас-Сарам) и газету العلم "العربي" («Арабская наука», 1934, Абд аль-Латиф аль-Хасан), которые носили патриотический характер. На страницах этих изданий резко критиковались прокси империалистов, политика сионистов.

Большое значение имели сугубо литературные издания, где широко пропагандировалось творчество эмиграционных литераторов, рекомендовалось читателям познакомиться с произведениями Джубрана, ар-Рейхани, Нуайме, аш-Шаира аль-Карави, братьев аль-Маалуф и др. В таких изданиях освещались не только художественное творчество арабов-эмигрантов, но и их общественно-политическая жизнь. Особо можно отметить журнал «Общество земляков» и газету «Америка». Наряду с ними, были, однако, печатные органы, которые носили субъективный характер. В частности, газета "المؤيد" («Воспитатель», 1917, Наджиб Константин Хаддад) превратила свои страницы в трибуну выступлений против творчества некоторых признанных поэтов и прозаиков. Статьи, опубликованные здесь, были в большинстве случаев далеки от справедливой и объективной критики, от искренних пожеланий. Одно время с ее страниц не сходилась ожесточенная и несправедливая критика против талантливого поэта Рашида Салима аль-Хури. Авторы этих статей старались очернить его патриотические стихи, дать им реакционно-националистический характер. Но обычно нападки этой газеты не оставались

без ответа. Настоящие литераторы и журналисты – эмигранты не были простыми наблюдателями, своевременно отвечая им, они старались довести до сознания своих коллег неправильную позицию издателей и авторов статей и отметили, что «газета ведет наглую компанию против аль-Карави» [4, с. 609].

Газеты и журналы в Южной Америке издавались арабами и на английском языке.

Среди них наиболее примечательным и популярным был журнал «Caravan» («Караван»). Материалы этого журнала комментировали, в основном, насущные проблемы и вопросы арабского народа. Особенно ярко освещалась в журнале палестинская проблема, политика сионистов в арабских странах; она оценивалась как самая реакционная и провокационная политика, направленная против свободы и независимости арабского народа.

В журнале регулярно помещались статьи и о новых достижениях арабского народа в области науки и техники, о переменах в общественной жизни арабских стран, о жизни и творчестве представителей литературы и искусства, постоянно освещался ход национально-освободительной борьбы арабов за независимость, за лучшее будущее.

В конце каждой недели журнал давал подробный обзор важнейших событий, происходящих за семь дней в арабских странах. Эти обзоры комментировались видными журналистами.

«Караван» стал трибуной для ряда молодых и талантливых литераторов и публицистов-арабов. Журнал сыграл огромную роль в ознакомлении американского читателя с арабским миром. Выходил он до 1961 года.

Издатели этих газет и журналов испытывали много материальных и моральных затруднений. Несомненно, наиболее тяжелым временем эмигрантской арабской печати было начало Первой мировой войны. С одной стороны, тяжелейшее материальное положение эмигрантов, а с другой стороны, отъезд на родину многих передовых арабов привело к тому, что большинство изданий прекратили свое существование. После освобождения Сирии и Ливана от турецкого ига, от господства черного режима Абдулхамиди, многие журналисты, эмигрировавшие в свое время из-за притеснения и жестокой цензуры, возвратились домой. Начался как бы обратный процесс: арабские эмигранты целыми группами уезжали на родину, в надежде, что их страна наконец приобрела национальную независимость и счастье. Но обо-

тостоятельства сложились так, что после окончания войны естественно-политическая обстановка в Сирии и Ливане отнюдь не улучшилась. Наоборот, эти страны превратились в арену различных политических козней, экономика их была подчинена интересам французского и английского капитала, Разруха, голод, нищета, неопределенное общественное положение раздирали Сирию и Ливан. Хорошо ознакомившись с положением на родине, большая часть эмигрантов как бы заново осела в Америке, на этот раз более основательно. Настроение этих разочарованных арабов нашло отражение в произведениях эмигрантов-литераторов. Например, отрывок из знаменитой касыды Мухаммада Нуайме "أخي" («Брат мой»):

أخي ان عاد بعد الحرب جندي اوطانه
و القى جسمه المنهوك في أحضان خلاته
فلا تطلب اذا ما عدت للارطان خلاته
لان الجوم لم لنا صحبا نتاحيهم - سوى الشباح موتانا

Брат мой, если солдат вернется после
войны на свою родину
Бросит со ее истощенное тело на
ее любящую грудь
Не требуй, чтобы я вернулся
на Родину,
Потому что голод не оставил
нам никаких друзей, с которыми
мы беседовали ----
Кроме призраков наших мертвецов.

Осевшие в Америке эмигранты до глубины души осознали и поняли, что их судьба прочно связана с этой чужой далекой страной и единственное, что их связывает с родиной, - это арабский язык и соблюдение национальных обрядов и традиций.

После 1920 г. начался второй более активный, целеустремленный и организованный период общественной жизни арабов в Америке. Чтобы еще теснее сплотиться на чужбине, арабы-эмигранты создавали свои общества и клубы, многочисленные религиозные, просветительские и благотворитель-

ные организация. Наиболее известные из них были литературные общества "الرابطه القلمية" («Ассоциация пера», 1920, Нью-Йорк) и "العصبة الانتلوسية" («Андалузская лига», 1933, Рио-де-Жанейро).

Что касается идейных позиций в эстетических установок создателей этих организаций (Д.Х.Джубран, М.Нуайме, братья Хаддады, Р.Аюб, Н.Зейтун, Н.аль-Маалуф и др.), то их достаточно хорошо характеризуют статьи, напечатанные на страницах «Ас-Саиха», «Аль-Фунаун», «Аль-Андалус аль-Джадида», где критиковались подражательство, слепое следование традициям, поощрялись и пропагандировались новая тематика, связанная с реальной действительностью.

В это время появились и новые наименования газет журнала. Огромна заслуга их издателей, часто выступавших с талантливыми статьями на злободневные темы. Активное участие в периодической печати принимало уже и молодое поколение эмигрантов. Дети многих эмигрантов писателей, так же, как и свое время их отцы, взялись за перо. Но, в отличие от своих старших коллег, они не столь глубоко сознавали и чувствовали ритм жизни и национальный колорит. Объясняется это тем, что молодежь или совсем не жила на арабской земле, или же посещала родину на короткое время. Она не испытывала на себе дни черного режима Абдулхамиды гнет религиозного фанатизма пережитков прошлого. Высказывания молодых людей, их возмущение основывались лишь на частных беседах и встречах. И не случайно, что статьи молодых журналистов носили американизированный характер, их предложения перекликались с требованиями американских обществ. Тем не менее, это, уже в какой-то степени материально обеспеченное, имеющее стабильно спокойную жизнь поколение арабских эмигрантов не было равнодушным к судьбе своей родины, к судьбе соотечественников. В печати, особенно на английском языке, то и дело появлялись статьи молодых людей, получивших образование в американских университетах.

В годы II мировой войны усилилось национально-освободительное движение сирийского и ливанского народов. В упорной борьбе эти народы в 1943 году добились своей независимости. Эмигранты опять устремились на родину. К этому времени уже не было в живых многих представителей старшего поколения (в Северной Америке – Д.Х.Джубран, Н.Арида, Р.Аюб, Н.Самаха; в Южной Америке – Ф.аль-Мааруф, Х.Гира, М.аль-Маалуф, Абу Фадл

Фалид, М. аль-Бали и др.). Большая группа литераторов вернулись на родину (М.Нуайме, Д.Сайдах, С.Санг, И.аль-Маалуф, Н.Зейтун и др.) После 40-х годов литература арабов-эмигрантов постепенно утрачивает свое значение.

Писателям, оставшимся в эмиграции, выпала трудная доля: они должны были продолжать дело, начатое их предшественниками. Молодому поколению без помощи и поддержки трудно было издавать газеты и журналы на арабском языке.

По сообщению некоторых арабских историков, на американском континенте и сегодня выходит ряд арабских газет и журналов, большинство из которых издается на двух языках: на арабском и испанском или арабском и английском. На страницах этих изданий печатаются сообщения о социально-политических событиях на Арабском Востоке, дается оценка этих событий, публикуются различные художественные сочинения.

Как указывается в арабских источниках, сегодня в городах США выходит лишь 1/3 часть всех существовавших до сего дня периодических изданий арабской эмигрантской печати [6, с. 3,6]. К числу наиболее известных относятся газеты: "الهدى" («Правильный путь», ред. Марио Мукарзал), "السيان" («Сообщение» - Раджи аз-Захир), "التراث" («Наследие» - док. Басил) и др.

В Южной Америке сегодня круг читателей газет и журналов на арабском языке очень узок. Молодое поколение предало забвению родной язык, оно не знает Востока, его нравы и традиции, его искусство и литературу. Поэтому издание многих газет и журналов оказалось нерентабельным. В Бразилии, Аргентине, Мексике и других странах Южной Америки лишь благодаря неиссякаемой энергии и упорному труду небольшой группы журналистов-патриотов сохранились некоторые печатные издания на национальном языке.

В Аргентине, где в печатных органах наиболее плодотворно трудились эмигранты (здесь до II мировой войны выходило 46 газет и 17 журналов [6, с. 329], в 60-х годах число периодической прессы было уже не больше двенадцати [4, с. 673]. Среди них газеты "الجريدة السورية - اللبنانية" («Сирийско-ливанская газета» - изд. Константин Амин), "العلم العربي" («Арабское знамя»), "السلام" («Мир») "استقلال" («Независимость») отличаются особенной популярностью. Основная цель этих изданий – способствовать объединению арабской нации. В статьях звучат пламенные призывы к объединению, явно чувствуется оптимизм их авторов, вера в прекрасное будущее арабских

стран и справедливое решение всех конфликтных вопросов. Эти издания выходят на арабском, португальском и испанском языках.

Зарождение и развитие арабской печати в эмиграции стало как бы отражением жизни и быта эмигрантов, их морального и материального положения. Арабская эмиграция в Америке имела свои различные ступени развития, и каждая ступень отличалась собственными особенностями. Возникшие здесь печатные органы стремились приспособиться к запросам времени.

С зарождением арабской печати на американском континенте в общественной и художественной жизни арабов наблюдаются оживление и подъем. Печать направлена к достижению общей цели деятельности передовых арабов-эмигрантов. Арабские журналисты и литераторы получили возможность показать истинное лицо эмиграции своим соотечественникам и в то же время ознакомить американцев с арабской историей, культурой, литературой и искусством. Со страниц этих периодических изданий арабы-эмигранты получали сведения о происходящих у них на родине и вообще в мире важных событиях. Таким образом, в определенной степени они и просвещались.

Периодическая печать пробуждает в арабах-эмигрантах стремление к образованию и духовному развитию. Именно из этих газет и журналов арабы, не владеющие английским языком, черпали необходимые сведения. «Издаваемые эмигрантами газеты и журналы играли для арабов роль общественной школы», - пишет Джордж Тум'а [6, с. 68].

Владельцы и издатели, выходящих в Америке арабских газет и журналов можно условно разделить на две группы: одна группа смотрела на печатное дело как на выгодное торговое предприятие и источник дохода. Нужно отметить, что среди профессий, к которым проявляли интерес арабы-эмигранты, торговля имела наибольшую популярность. Некоторые владельцы газет и журналов тоже относились к своему делу с этих позиций и большим тиражом издавали развлекательные издания с безвкусными разноцветными иллюстрациями. Это давало им возможность сколотить капитал и обеспечить себя материально.

Другая группа журналистов свою деятельность подчинила благородной цели: «они поставили перед собой задачу служения истории и литературе арабских народов, служения его прошлому, сегодняшнему и будущему» [7, с. 23]. Деятельность таких издателей была наиболее активной в начале на-

шего века, перед первой мировой войной. Основным содержанием их газет и журналов были национальные проблемные вопросы, призыв к свободе и борьбе, показ прошлого арабской литературы, ее современное положение и т.д. «Такие издания пробуждали патриотические чувства арабов-эмигрантов, призывали их на борьбу за высокие идеалы» [6, с. 69]. Через эти органы печати арабские эмигранты выражали гневный протест против французских и английских порабитителей, против всякого рода сионистских происков и выражали солидарность со своим соотечественниками, вовлеченными за это борьбу за эти высокие идеи.

Например, издаваемые талантливым писателем и журналистом Наджибом Диябом газеты превратились в трибуну борьбы.^{xxx} Н.Дияб и его коллеги своим резким и острым пером постоянно разоблачали и критиковали черный режим Абдулхамид (Абдулхамид заочно приговорил Н.Дияба к смерти). Большую роль в организации и проведении в 1913 году в Париже Общеарабского конгресса сыграли Наджиб Дияб и вся арабская эмиграционная печать. На конгрессе в качестве официальных представителей арабов-эмигрантов участвовали Н.Дияб и Наум Мухарзал.

Периодическая печать в эмиграции стала большой школой для писателей и поэтов-эмигрантов. Впоследствии приобретшие широкую популярность и известность во всем арабском мире поэты и писатели впервые пробовали свое перо на страницах этих изданий, через эти издания арабский читатель узнал их имена, наконец, зрелое мастерство этих писателей, их популярность стали возможными благодаря периодической печати. Касиды И.А.Мади, аш-Шайра аль-Карави, братьев аль-Маалуф, И.Фархада, Н.Ариди, Н.Хадада, стихотворения в прозе А.ар-Рейхани, рассказы и статьи М.И.Нуайме и А.М.Хадада и другие впервые были опубликованы в эмигрантских газетах и журналах. Л.Тума пишет: «При обзоре старых номеров эмигрантских изданий становишься свидетелем их красоты, как по форме, так и по содержанию. Высокий художественный и идейный уровень материалов этих номеров делает их и сегодня привлекательными. Зачастую их можно ставить выше, чем издаваемые сегодня газеты и журналы» [6, с.71].

Эмиграционная арабская печать налаживала связи между арабами, проживающими в различных городах Америки. Благодаря этим газетам и журналам арабы-эмигранты, проживающие в различных штатах Северной Аме-

рике, а также в различных странах Южной Америки, получают сведения о деятельности и творчестве своих соотечественников. Таким образом, на чужбине печатные органы стали объединяющей организацией арабов-эмигрантов. В то же время арабские эмигранты благодаря печати налаживали со своими соотечественниками на родине тесные связи, ибо газеты и журналы направлялись и в арабские страны.

В становлении и деятельности различных литературных и общественных организаций в Америке роль печати тоже была большой. Издательства и редакции поддерживали с ними тесные связи, оказывали содействие и помощь деятельности этих организаций.

Большое значение в газетах и журналах играла рубрика объявлений. Через них арабский эмигрант находил подходящую работу, место в бесплатных учебных заведениях, узнавал об удачах и неудачах своих соотечественников.

Говоря об арабской литературе в эмиграции, следует отметить и некоторые негативные стороны, сопутствующие ей. В первую очередь, привлекает внимание то обстоятельство, что в Америке число эмигрантских изданий было очень большим, И в первое время, особенно до начала II мировой войны, количество печатных органов превосходило их качество. Среди эмигрантов-сирийцев (редакторами и издателями большинства газет и журналов были сирийцы) не было необходимого единства и сотрудничества.

Индивидуализм и собственничество преобладали над чувством сплоченности. Вследствие этого мелкие газеты, не имеющие достаточной материальной основы, необходимых литературно-общественных сил и возможностей, одна за другой, не выдержав конкуренции в результате финансового кризиса, стали закрываться. Эти особенности индивидуализма, неумение объединить силы и рационально их использовать в деятельности эмигрантов-журналистов следует отнести к их главным недостаткам. Даже в пределах одной редакции проявлялись и часто приводили к столкновению местные интересы региона. Это, естественно, тормозило общее дело. Сами арабы утверждают, что разногласия среди эмигрантов-журналистов, приехавших из разных регионов Сирии, и финансовые затруднения была одним из основных препятствий в развитии и формировании арабской эмигрантской печати. Арабский историк Гиртави в 1913 году писал: «печать, как и торговля и другие наши отрасли, нуждается в реформах. Вызывающим содержание фактом яв-

ляется то, что эти споры и скандалы происходят между образованными и учеными людьми. И еще вызывает сожаление то, что это происходит между людьми одной родины, среди лиц, для которых на чужбине единство, сплоченность и организованность нужны им, как нигде» [6, с. 67].

Наличие многих газет и журналов в первое время привело к тому, что содержание этих изданий было легковесным. Освещались маловажные вопросы, повторы стали обычным явлением. Однако следует отметить тот несомненный факт, что эти недостатки сами по себе незначительны по сравнению с громадным влиянием этой печати на общую арабскую литературу и культуру в историческом плане.

Не случайно, что в настоящее время имена арабских эмигрантов-писателей, журналистов, приложивших большие усилия к преодолению трудностей, лишений для осуществления благородной деятельности на чужбине по созданию и развитию печати, произносятся в одном ряду борцов за национальное возрождение, свободу и независимость. Именно благодаря их труду и деятельности арабы-эмигранты приобрели свою собственную трибуну в Америке. С этой трибуны они выражали свое отношение к насущным проблемам экономического и общественного развития своей родины укрепляли связи с ней, боролись с иностранными и сионистскими происками и в то же время со страниц печати говорили о насущных злободневных бытовых вопросах. Главной заслугой арабской эмигрантской печати, ее первостепенное и благородное значение заключается в том, что в эмиграции эта печать сохранила древнее наследие литературы и культуру арабов, познакомила с ними Америку и Европу. Наконец, эта печать создала почву для зарождения известной во всем мире арабской эмиграционной литературной школы.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения, т. III. – М.-Л., 1956.
2. Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика. – М., 1968.
3. السراج نادرة جميل، شعراء الرابطة القلمية، القاهرة 1955
4. صيدح جورج، انباغانا في المهجر الامريكي، بيروت 1964
5. طرازي فيليب، تاريخ الصحافة العربية، ج. 4، بيروت 1933

6. طاعمه جورج، المعتزبون العرب في أمريكا الشمالية، دمشق 1963
7. قصول الياس، ادب المعتزبون، دمشق 1963
8. محمد حسن، عبد القنى، الشعراء العرب في المهجر، القاهرة 1955
9. الناعورى عيسى، ادب المهجر، القاهرة 1959
10. ميخائيل نعيمة، جبران خليل جبران، بيروت 1934
11. حسن حدة، من تاريخ المعتزبين العرب في العالم، بغداد 1972

x - Мы не располагали комплектами арабских эмигрантских газет и журналов. Поэтому все наши суждения в той или иной степени опираются на сведения арабских исследователей эмиграционной литературы.

xx - Указ-название ярмарки недалеко от Мекки, где доисламские поэты состязались в импровизации, читали свои поэтические произведения.

xxx – Н.Дияб, как уже отмечали, был основоположником газет «Звезда Америки» (1893) и «Зеркало Запада» (1899). После его смерти издание второй газеты продолжала его семья до 1962 г.

XÜLASƏ

ƏRƏB MƏTBUATI MÜHACİRƏTDƏ
(ŞİMALI VƏ CƏNUB AMERİKADA)

Müasir ərəb ədəbiyyatının inkişafında XIX əsrin sonu XX əsrin əvvəllərində Amerika qitəsində yaranmış məhəcar ərəb ədəbiyyatının müstəsna rolu olmuşdur. Bir qrup istedadlı yazıçının, şair və jurnalistin fəaliyyəti ilə bağlı olan bu ədəbiyyatı mühacirətdə yaranmış ərəb mətbuatından təcrid olunmuş şəkildə öyrənmək mümkün deyil. Belə ki, bu mətbuat ərəb mühacirləri üçün bir həyat məktəbi olmuş, ərəb ədəbiyyatının təşəkkül tapmasına və inkişafına kömək göstərmişdir. İndi adları bütün ərəb aləmində məşhur olan şair və ədiblərlə ilk tanışlıq məhz dövrü mətbuat səhifələrindən başlamışdır.

Məqalədə Amerikada yaranmış ərəb mətbuatı haqqında məlumat verilir.

Mühacirətdə ərəb mətbuatının yaranmasının və fəaliyyətinin ən məhsuldar dövrü əsrimizin 20-30-cu illərinə təsadüf edir. Bu illərdə yalnız Argentinada ərəb dilində 100 adda qəzet və jurnal dərc olunurdu. ABŞ-da, Kənada, Meksikada 30-a yaxın ərəb mətbuat orqanı var idi. Hər bir qəzet və jurnal özünəməxsus istiqamətə və xüsusiyyətə malik idi. Mətbuatın böyük bir qismi ərəb ölkələrində cərəyan edən ictimai-siyasi hadisələrlə bağlı məsələləri öz səhifələrində işıqlandırmağa çalışırdı. Bununla yanaşı mühacirətdəki ərəb mətbuatı Amerikalıları ərəb mədəniyyəti, ərəb ədəbiyyatı və tarixi ilə tanış edirdi, həmvətənlərinə isə uzaq və yad ölkələrdə onları gözələn çətinliklərdən danışırdı. Ümumiyyətlə Amerikadakı ərəb mətbuatı mühacir ərəblərin yad ölkədəki həyatının və məişətinin, onların mənəvi və maddi vəziyyətinin aynasına çevrilmişdi.

Bir qrup ərəb mühacirinin vətənə qayıtması, yaşlı nəslədən olan jurnalistlərin bir çoxunun vəfatı, 40-cı ildən sonra Amerikada ərəb qəzet və jurnallarının sayının azalmasına səbəb olmuş. Bu gün isə Amerikada yaşayan nəsl öz sələflərinin keçib getdiyi yolu davam etdirə bilmir.

РЕЦЕНЗИЯ

КУДЕЛИН А.Б.: СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРАБСКАЯ ПОЭТИКА
(вторая половина VIII-XI век). М. Наука, 1983)

Советская востоковедная филология последних десятилетий знаменуется рядом серьезных исследований теоретического и историко-литературного характера, проведенных на самом высоком уровне с учетом новейших достижений литературоведческой науки. По главу угла при этом ставится широкое обобщение скрупулезно анализированного эмпирического материала с выходом в конечном итоге на типологическое сравнение громадных пластов материала, осознанных на концептуально-теоретическом уровне. Обращение советских ученых-востоковедов к изучению теоретических проблем поэтики свидетельствует об определенной зрелости научного мышления, готовности приступить к решению сложных вопросов создания академической истории восточных литератур в контексте истории всемирной литературы.

Актуальность исследования, выполненного А.Б.Куделиным, подтверждается как количественным ростом публикаций по восточной поэтики в самих восточных странах и на Западе, так и острой необходимостью в современно осмысленных результатах изучения истории восточной поэтики для, как справедливо отметил автор книги, «обобщающего описания средневековой литературы как определенного типа в развитии мировой литературы».

В палитру исследовательских приемов А.Б.Куделина входит типологическое сравнение, как по сходству, так и по контрасту, для чего им уделено особое внимание характеристике необходимых трех параметров объекта исследования: историко-культурной среде бытования арабской поэзии VIII-XI вв., соотношению традиционных содержательных единиц с их индивидуальными вариациями и соотношению содержания и форм поэзии.

Круг привлеченных к исследованию теоретических и фактических материалов свидетельствует об адекватности осведомленности автора современному мировому уровню знаний в области поэтики.

Во «Введении», наряду с обязательными для монографических исследований компонентами обзора литературы, формулировки цели и задачи ра-

боты, обоснования актуальности и новизны, с самого начала четко заявлена установка автора на последовательное применение системного анализа средневековой арабской поэтики в ее динамической сопряженности с историко-культурными изменениями в арабо-мусальманском социуме VIII-XI вв.

Выявление в I главе («Эволюция классической арабской поэзии в отражении традиционной поэтики») семь основных интерпретаций развития арабской поэзии рассматриваемого периода аргументировано, классифицированы и оснащены богатством фактическим материалом, достаточным для их выделения как обособленных явлений. Классификация, убедительно проведенная А.Б.Куделиным на материале средневековой арабской поэтики, подтверждается результатами современных исследований арабских литературоведов и философов, выделяющих такие типы осознания «нового» и «старого», «традиционного» и «новаторского», «наследия» и «современности» которые частично (З.Н.Махмуд, А. ал-Алим, Г.Шукри, А.ас-Сеййид) или же почти полностью (Т.ат-Тизини) совпадают с классификацией советского ученого. Несомненно, что основой подобной близости является повторяемость объективных результатов адекватных научных исследований.

Не вызывает сомнений и поправка А.Б.Куделина к выводам Дж. Т.Монроу, несколько упрощенно и негибко протививопоставившего «устно-формулярный» и «письменно-литературный» методы создания «древней» и «новой» поэзии. Наряду с каноническими формулами в «древней» поэзии, как справедливо отмечает исследователь, уже настолько высока степень индивидуально-авторского начала, что это позволяет говорить о равноправном взаимодействии формульно-канонического и авторско-индивидуального начала, в стиле средневековой арабской поэзии начиная с эпохи «джихлиии».

Данная А.Б.Куделиным во II главе («Становление и развитие индивидуально-авторского начала в классической арабской поэзии») история соотношения «ма'на» и «лафза» в течение нескольких веков различными арабскими поэтологами дает право на сделанный им вывод о преодолении в VIII в. в основном «последствий устно-формулярной поэтики», и начале «зрелой индивидуально-авторской поэзии».

Анализ «Диван ал-ма'ани» ал-Аскари в плане рассмотрения индивидуально-авторских реализаций тематической модели и выделение основных видов трансформаций мотива в III главе («Мотив в арабской поэтике VIII-X вв.»)

дали возможность автору подтвердить вывод II главы количественным критерием (близость всего лишь 22 случаев из 90 к формуле Парри-Лорда).

Формирование теории «поэтических заимствований» в средневековой арабской поэтике на примере развития идеи «сарикат ширийийа» в учениях Ибн ал-Мутаза, Ибн Табатаба, ал-Хасан ал-Сули, ал-Амиди и ал-Джурджани наглядно демонстрирует путь выработки законченного учения о праве авторов на индивидуальное творчество в сосуществовании с традиционными вариантами. Показанная А.Б.Куделиным в IV главе («Теория «поэтических заимствований» в средневековой арабской филологической науке») эволюция теории «сарикат» имеет большое познавательное значение также для подтверждения тезиса о завершении в основном в VIII в. перехода от формульной к индивидуально-авторской. В данном случае поэтическая практика подтвердилась в теории выработкой весьма содержательной и действенной идеи об «эволюции» и «скачке» в процессе поэтического творчества.

Сложнейшая проблема понятий форм и содержания в средневековой арабской поэтике исследуется в V главе («Проблема формы и содержания в средневековой арабской литературной теории»). Эволюция понятий форма и содержание через последовательные этапы: синкретизм – расчленение – обособление – активизация каждого из двуединых понятий – приближение к синтезу происходящих в работах ал-Асман, ал-Джахиза, Кудамы ибн Джафари, Ибн Рашика и ал-Джурджани. Обретение в трудах последнего взаимозависимости между «мана» и составляющими поэтическую конструкцию языковыми единицами совершенно справедливо выделено исследователем как этапное достижение в познании объективного отношения содержания в формы, в средневековой арабской поэтике.

Находится в русле современных воззрений из принципы изучения древних и средневековых неевропейских литератур тезис. А.Б.Куделина о том, что арабская поэзия VIII-XI вв. «обладает специфическими особенностями, которые отличают ее от оригинальности в современной литературе и которые не получают удовлетворительного объяснения в рамках авторитетных» точек зрения, сформулированных на материале других литератур». Отличие средневекового арабского поэта, оригинально творящего по принуждению «самой традиции», ее «механизма самосовершенствования» от «привычных для современного исследования отношений традиционности и ори-

гинальности» аргументировано вытекает из духа всей работы А.Б.Куделина, воздающего должное недооцененным, на наш взгляд, до сих пор мировоззренческим основаниям арабо-мусульманского искусства. И здесь он совершенно справедливо обращается к опыту изучения творческих принципов средневековых европейских художников, видящих в стремлении постигнуть божественное откровение – цель духовной и художественной деятельности. Однотипность религиозного сознания поставила также перед арабо-мусульманскими поэтами возможность или слепого следования первоисточнику, в данном случае Корану и классической арабской поэзии, или же беспредельно интерпретировать их в целях постижения скрытой в них «тайны».

В VI главе книги («Представления об оригинальности в традиционной арабской поэтике») исследуется проблема индивидуально-авторской оригинальности в канонической системе средневековой арабской поэзии.

Представленные в «Заключении» выводы А.Б.Куделина органично вытекают из всего хода исследования. Важнейшими из них представляются тезис о специфичности и неограниченности ресурсов канонов средневековой арабской поэзии, в рамках которых творили поэты и отличие средневекового понимания канона от современного.

Плодотворность работы А.Б.Куделина в области средневековой арабской поэтики получила признание в широких кругах востоковедов. Его монография «Средневековая поэтика», отличающаяся истинной научной добротностью, неизменно вызывает большой интерес.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ТВОРЧЕСТВО М.НУАЙМЕ

Михаил Нуайме (р.1889) – один из признанных классиков арабской литературы. Хотя он по происхождению ливанец, но связь между арабскими странами в силу общности историко-культурной судьбы, культуры, языка, религии, была настолько тесной и взаимопроникающей, что, говоря о представителях отдельных арабских стран – Египта, Сирии, Ливана, Ирака и др. – можно подразумевать арабскую литературу вообще. Творчество Михаила Нуайме, по самой своей сущности, новаторское на фоне традиционной арабской литературы – и по жанрам, и по тематике, и по языку, и героям – явилось не исключением, а влилось в общий поток развивающейся новой арабской литературы.

Благодаря случаю, а случай, как мы знаем, есть всегда проявление скрытой от поверхностного знания определенной закономерности, Нуайме близко сталкивается с русской культурой и литературой. Он в течение относительно короткого времени (1906-1911) жил и учился в России, хорошо усвоил русский язык и на всю жизнь страстно увлекся русской литературой. И это, безусловно, не могло не сказаться на его писательской деятельности. Многие его произведения в творческом, художественном плане, и в мировоззренческом, и эстетическом отношениях несут ощутимые следы воздействия русской классической литературы и критики. Об этом писали советские и европейские востоковеды, об этом же говорят арабские исследователи.

С огромной признательностью и теплотой вспоминает сам М.Нуайме о годах, проведенных в России. В частности, о том, какое впечатление произвели на него лучшие образцы русской классической литературы. В своей автобиографии, посланной акад. И.Ю.Крачковскому, он писал: «Литературный застой во всем говорящем по-арабски мире бросился мне в глаза, когда я покинул Россию. Это действовало, удрочающе и было обидно до крайней степени для человека, и воспитанного на тонком искусстве Пушкина, Лермонтова, Тургенева, смеха сквозь слезы Гоголя, на увлекательном реализме Толстого, на литературных идеалах Белинского и, наконец, на высокой вечности самого мощного, глубокого, полного и наиболее проникновенного среди всех русских писателей – Достоевского»(1). Уже будучи известным

писателем, вспоминая годы учебы в России, М.Нуайме писал в своих мемуарах: «Это был период богатой литературной жатвы, период горения моей мысли, взрыва чувств и роста моего духа. У меня открылись глаза на те условия, в которых жила моя страна – все арабские страны, и весь Восток, - в особенности это касалось мира мысли, искусства и литературы» (2).

Каково же было влияние русской литературы на творчество крупнейшего писателя Арабского Востока? Прежде всего надо отметить, что М.Нуайме проникся идеями русской классической литературы. Это нашло свое конкретное воплощение в его художественных произведениях. И это сказалось на сходстве мотивов, сюжетных линий, композиционных приемов, основных образов и проч., но в самой сути реалистического художественного метода писателя. Из русской литературы Нуайме подчеркнул свои художественно-эстетические установки, взгляды на задачи литературы, на обязанности писателя.

Для подтверждения этой мысли обратимся к литературно-критическому наследию М.Нуайме, где явно чувствуются принципы научной и реалистической критики В.Г.Белинского.

Впервые акад. И.Ю.Крачковский отметил тесные идейные связи творчества М.Нуайме с критической и эстетической мыслью В.Г.Белинского. Он писал: «... Хороший знаток русской литературы, воспитанный на ее классических образцах, продумавший и прочувствовавший идеи Белинского, он (Нуайме – А.И.) по справедливости признается одним из крупнейших арабских критиков современности» (3).

В 20-е годы у И.Ю.Крачковского и К.В.Оде-Васильевой возникла идея составить для студентов восточного факультета хрестоматию современной арабской литературы с небольшим введением об авторах. В ходе поисков подходящих материалов им попалась статья М.Нуайме тогда еще молодого критика, - «в которой – пишет И.Ю.Крачковский – мы сразу почувствовали большую силу и смелость; я боялся поддать первому впечатлению – но мне чудились все какие-то отзвуки русской критической мысли, мало знакомой арабской литературе того времени» (4).

В предисловии И.Ю.Крачковского в автобиографии М.Нуайме мы читаем: «В его (Нуайме – А.И.) работах, особенно в критических очерках, я

чувствовал следы влияния русской литературы, главным образом критической школы Белинского» (5).

Русская критическая мысль, в частности труды В.Г.Белинского, помогли М.Нуайме глубже понять и почувствовать отсталость и застой, царившие в культурной жизни его родины: «Боже, как велика пропасть, которая отделяет нас от Запада! Как мрачна темнота, в которой мы живем, и как сильна наша любовь к шелухе жизни, а не к ее сердцевине!» (6) – восклицал Нуайме.

Для более полного понимания влияния русской критической мысли на деятельность М.Нуайме приведем краткую характеристику основных принципов научной, реалистической критики В.Белинского. Глубокий теоретик реализма, материалист по своим философским взглядам, В.Г.Белинский считал человека высшим достижением природы, вся духовная жизнь, которого является следствием его исторической общественной жизни. Искусство, литература, по глубочайшему убеждению критика, является высшим проявлением духовной деятельности человека. Поэтому литературные произведения, творчество писателя, необходимо рассматривать в глубокой связи с эпохой, временем, ее потребностями, жизнью народа. Ценность литературного произведения Белинский видел не в его частных красотах, удачных выражениях, прекрасной форме, а в том, насколько полно и объективно, правдиво раскрыл автор в нем жизнь общества на определенном этапе его развития. Требование изображать жизнь, как она есть, без украшательства, искажений – выдвигает он на первый план.

«Искусство есть непосредственно о созерцание истины или мышление в о б р а з а х» (7). Самое замечательное в этом определении то, что Белинский сразу же соединяет искусство с мышлением, где под мышлением подразумевается все широчайшее содержание жизни человеческого общества – его эмоции, идеи, общественная жизнь, наука, политика, философия – в общем, все, что является сущностью жизни человека. Но раскрывается эта сущность жизни не в силлогизмах, доказательствах, рассуждениях и опытах, а в образах. «Образы» - это типы отдельных людей, картин, природы, общественной жизни. Но эти отдельные образы впитывают в себя самое существенное, т.е. самое правдивое и важное, что есть в действительности. «Поэзия есть выражение жизни, или, лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: в поэзии жизнь более является жизнью, нежели в самой дейс-

вительности... все прекрасное заключается только в живой действительности; но чтоб насладиться этой действительностью, мы сперва должны овладеть ею в нашем разумении, а это возможно только при двух условиях: мы должны обнимать ее в целостности и притом предметно...» (8).

Но мышление в образах, создание образов – не есть адекватное списывание с действительности. «... Списывать с действительности невозможно, но можно верно воспроизводить действительность силою творческого духа» (9). «Пуд силою творческого духа» – Белинский подразумевает творческую фантазию, вдохновение.

Подлинное искусство не «списывает», а воспроизводит, воссоздает жизнь, отмечая все случайное, неважное, мелкое, затуманивающее истинный образ жизни. Вот, как об этом пишет Белинский в статье «Стихотворение М.Лермонтова»: «...Ландшафт, созданный на полотне талантливым живописцем, лучше всяких живописных видов в природе. Отчего же? – От того, что в нем нет ничего случайного и лишнего, все части подчинены целому, все направлено к одной цели, все образует собою одно прекрасное, целостное и индивидуальное. Действительность прекрасна сама по себе, но прекрасна по своей сущности, по свои элементам, по своему содержанию, а не по форме. В этом отношении, действительность есть чистое золото, но не очищенное, в куче руды и земли...» (10). Искусство и очищает его в своих образах от всех примесей «руды и земли».

То есть реализм в понимании Белинского, это не простое копирование жизни, а создание ее как бы заново при помощи своей творческой фантазии. Поэт как выпуклое стекло, преломляет в себе явления жизни, пропуская их через свою личность. А поскольку личность поэта, художника формировалась в определенной исторической среде, в определенных контрактных жизненных условиях, постольку картины и образы, созданные им, есть отражение целостных и истинных картин общественной жизни. Это и есть реализм.

Творческая фантазия – главная действующая сила в искусстве, основной признак одаренности художника, Фантазия превращает мысли, представления и понимание жизни в образы. Поэтому художник должен быть кровно связан с жизнью своего народа, общества. Он должен болеть его болью, терзаться его страданиями, жить его надеждами. Т.е. Белинский подчеркивал нерасторжимую связь писателя с жизнью народа, общества, цело-

вества. «Ни один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства, глубоко вросли в почву общественности и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества» (11).

Мышление в образах Белинский понимал как обобщение действительности в образах-типах. В образе-типе устранено все случайное и лишнее, жизнь выступает в нем в единстве и целостности. Тип – это соединение в одном лице, представленном как индивидуальность, всех примет, характерных черт, признаков определенных категорий людей, т.е. целой общественной группы. «Тип (первообраз) в искусстве – то же, что род и вид в природе, что герой в истории. В типе заключается торжество органического слияния двух крайностей – о б щ е г о и о с о б о г о. Типическое лицо есть представитель целого ряда лиц, нарицательное имя многих предметов, выражаемое, однако же, собственным именем. Так, например, О т е л л о – собственное имя, принадлежащее только одному лицу, изображенному Шекспиром; но, видя человека в припадке ревности, мы называем его Отелло, хотя бы этот человек назывался Иваном или Петром и был русский или немец, а не мир» (12). В произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоедова, Белинский, как торжество художественного реализма, прежде всего, выделял их гениальную способность к типизации, через которую эти художники и раскрывали всю правду и сложность изображаемой жизни! Типический герой лишь тогда будет неотразимо убедительным, когда его жизнь и деятельность будут протекать лишь в обстоятельствах и условиях характерных, типических для него. Эти типические обстоятельства и условия есть, прежде всего, общественно-исторические условия жизни героя. Важны, конечно, и личная жизнь героя, и быт, но, прежде всего его связи с людьми, обществом. Умение писателя типизировать – есть признак его глубокой оригинальности, глубокого проникновения, а жизнь познанием и обобщением ее основных черт.

Устанавливая основные принципы реализма, борясь за него при анализе основных явлений русской литературы – произведений Лермонтова, Гоголя, Пушкина, Белинский выступил страстным критиком всех анти-реалистических, ложных направлений в русской литературе. В этом смысле особенно значительными являющегося статьи о творчестве А.А.Марлинского

(1797-1837), А.Г.Бенедиктова (1807-1873), критик окончательно развенчивает ложный и напыщенный романтизм, далекий от правды жизни, от истины. Белинский отдавал историческое должное заслугам истинного романтизма русской литературы начала века, который первым обратился к раскрытию жизни сердца, чувств, к жизни воображения. Говоря об огромном преимуществе поэзии В.А.Жуковского (1783-1852) перед поэзией Г.Р.Державина (1743-1816), Белинский раскрывает это положение на его романтизме: - «Романтизм», - это мир внутреннего человека, мир души и сердца мир ощущений и верований, мир переживаний к бесконечному, мир таинственных видений и созерцаний, мир небесных идеалов... Почва романтизма не история, не жизнь действительная, не природа и не внешний мир, а таинственная лаборатория груди человеческой, где незримо начинаются и зреют все ощущения и чувства, где немолкаемо рождаются вопросы о мире и вечности, о смерти и бессмертия, о судьбе личного человека о таинствах любви, блаженства и страданиях... наше время, выступившее из него же, не отрешилось от него, но расширило его новым элементом и уравновесило их, помирив его с историей и с практической действительностью» (13).

Русский романтизм в лице Жуковского необыкновенно обогатил русскую литературу, дал ей необходимый толчок в обращении к личности, человеку, его внутреннему миру. Другое дело эпигоны романтизма – Марлинский и Бенедиктов, выступившие уже во время появления Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Марлинского Белинский упрекает в отсутствии истины жизни, обычно всегда выступающей просто и безыскусственно, как у Гоголя, в вычурности, украшательстве, неумении типизировать, в крайней надуманности сюжетов, лиц, фраз. «Эта поэзия, но поэзия не мысли, а блестящих слов, не чувства, но лихорадочной страсти; это талант чисто в е ш н и й не из мысли создающей образы, а из материи, выделяющей красивые вещи, это вдохновение, но не то внутреннее вдохновение, которое неожиданное, без воли человека, озаряет его разум внезапным откровением истины, вдохновение тихое и кроткое, широкое и глубокое, как море в ясный и безветренный день, - но вдохновение насильственное, мятежное, бурливое, раздражительное, возбужденное волею человека, как бы от приема опиума» (14).

Белинский подробно анализирует повести Марлинского – «Роман и Ольга», «Изменнику», «Наездю» и др., и приходит к выводам, что жизни, ис-

тины в них ни на грош. Что все это надумано, взято из головы, но не из сердца, полностью лишено русского народного духа, ничего общего не имеет с русской действительностью. Ее суровые подходы критик к стихам кумиров тогдашней молодежи (первая половина 30-х годов) - анедиктова. Он выявил его эстетическую беспомощность, холодность, насыщенность. «В стихотворениях г. Бенедиктов все не досказано, все неполно, все поверхностно, и это не потому, что его талант еще не созрел; но потому... не имеет этой силы фантазии, посредством которой всякое чувство высказывается полно и верно» (15).

Огромна заслуга великого критика в развенчании эпигонов русского романтизма, который так мешал развитию настоящей литературы, развитию реализма.

В последние годы Белинский борется за гоголевскую натуральную школу, тем самым, отстаивая еще большее сближение литературы с жизнью, расширение ее тематики, ее демократизацию. Как раз в это время выступила новая плеяда крупнейших русских писателей – Ф.М.Достоевский, А.И.Герцен, И.С.Тургенев, И.Гончаров, И.Белинский расчищал им дорогу.

Таким образом, В.Г.Белинский обосновал принципы реализма, материалистической эстетики. Он накрепко связал литературу с общественной жизнью, с передовыми идеями. Ему принадлежит заслуга создания научной эстетики и критики.

Во многих критических статьях М.Нуайме явственно выступают вышеуказанные принципы В.Белинского. Критические статьи Нуайме собраны в сборнике «Решето» («Ал-Гирбал», Каир, 1923), который является одним из наиболее значительных трудов писателя. Сборник состоит из ряда теоретических статей, таких как «Просевание», «Стержень литературы», «Арабская пьеса», «Светлячки», «Литературные критерии», «Поэт и поэзия», «Поэзия и аруд» и некоторые другие. Другие статьи являются критическим рассмотрением ряда конкретных литературных произведения писателей современности Амина ар-Рейхани, Джебрана Халил Джебрана, Насиба Ариды, Ахмеда Шауки ряда других.

И в теоретических статьях, и в конкретном анализе литературных произведений Нуайме борется за обновление арабской литературы, переживающей длительный застой, до последнего времени сказанной узам средневековых традиций. Критические статьи в «Решете» анализируют

только поэтические произведения. О прозе Нуайме не пишет. По крайней мере, в названном сборнике анализа прозаических арабских произведений нет. Поэтому и в своих теоретических работах, и в непосредственных критических статьях большое место Нуайме - критик уделяет вопросам поэтического языка, поэтической формы, рифме, ритму. Он требует от поэтических произведений, прежде всего глубокой мысли и искреннего чувства. Стихи, не обладающие ни тем, ни другим, он не считает поэзией, отбрасывая, как ненужное и пустое, все изощренные словесные и формальные выкрутасы, не несущие в себе ни мысли, ни чувства, являющиеся лишь старательным подражанием закоснелым образцам средневековой поэзии.

Программной статьей к сборнику «Решето» помещенной первой, является статья «Просевание» (16). Она посвящена критике: какой должна быть критика, кто может быть критиком и кем для общества и литературы является критик. В статье даны общие положения Белинского о критике.

Прежде всего, автор заявляет, что критика произведения какого-либо автора вовсе не определяет личных его отношений к тому, кого он критикует: - «Давайте, проведем черту между личностью поэта и тем, что они пишут» (17). Цель критики – отделить настоящие от поддельного, в группе поддельных камней выделить настоящие, драгоценные «Главная задача литературной критики – отличить настоящее от поддельного. Прекрасное от безобразного. Истинное от лживого» (18). Этот основной тезис статьи перекликается со статьей Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя», где критик пишет: «Итак, по моему мнению, первый и главный вопрос, предстоящий для разрешения критика, есть – точно ли это произведение изящно, точно ли это автор поэт? Из решения этого вопроса сами собою вытекают ответы о характере и важности сочинения» (19).

Все эти эпитеты по отношению произведения Нуайме – настоящее, прекрасное, истинное – соответствуют определению Белинского изящное, художественное.

Далее следует естественный вопрос – кто может быть критиком? Что помогает ему отличить настоящее от поддельного? Уродливое от прекрасного? И в ответе на этот вопрос мнения обоих авторов также совпадают. Белинский в статье «Стихотворения Вл.Бенедиктова» пишет: «Тонкое поэтическое чувство, глубокая приемлемость впечатлений изящного – вот что должно составлять

первое условие способности к критицизму, вот посредством чего с первого взгляда можно отличить поддельное вдохновение от истинного, риторические вычурности от выражения чувства, галантерейную работу форм от дыхания эстетической жизни...» (20). Также приблизительно пишет в своей статье и Нуайме: «Существует одно общее свойство, без которого критику никак не обойтись. Это врожденное качество уметь оценивать. Это качество существует по своим законам и не поддается никаким внешним правилам. Оно само вырабатывает определенные меры и оценки, а не складывается под влиянием известных мерок и оценок» (21). И. Белинский и Нуайме не признают никаких выработанных оценок изящного. Белинский ссылается на поэтику французского поэта и критика Никола Буало (1636-1711), регламентировавшее эстетические правила классицизма, которые давно уже не признаются эстетическими «правилами» для оценки современных произведений.

Задача критика – развивать вкус, «Он проникает в кладовую души поэта и раскрывает его тайны» (22). Тем самым настоящий критик является воспитателем и наставником общества. Об этом же, но другими словами пишет и Белинский: «Цель русского критика должна состоять не только в том, чтобы расширить круг понятий человечества об изящном, сколько в том, чтобы распространять в своем отечестве уже известные, о с е д л ы е понятия об этом предмете.

...Самое старое будет у нас ново, если вы человек с мнением и глубоко убеждены в том, что говорите: наша индивидуальность и ваш способ выражения и самому вашему с т а р о м у должны придать характер новости» (23). Т.е. такие триумфы, как понятия честность, правда, красоты, и прочь, пропущенные через индивидуальность критика, приобретут новое и свежее звучание».

В статье «Стержень литературы» (24) Нуайме рассматривает вопрос, что является основным предметом изображения в литературе. Ответ недвусмысленный – человек. Статья настоящей панегирик человеку: «Самое разумное и удивительное из живых существ... самая загадочная из головоломок. С того самого момента, когда он впервые осознал себя и до наших дней, человек в постоянной борьбе с природой» (25). И далее: - «Это духовные силы и они неистощимы. Это такие силы, которые ставят нас выше животного мира, освещают нам путь во мраке бытия, призывают любовь к жизни, зажигая внутри нас искру надежды... ведут нас к неизведанному...» (26).

Внутренний мир человека, его чувства, мысли, жизнь, борьба, общественные устройство, освоенных сил природы и проч. Все это и является непосредственным предметом изображения литературы. И такое понимание предмета литературы заложил и развил Белинский в своих критических статьях, которые одновременно являлись и философскими. Вот как пишет Белинский о предмете литературы: «... Литература: ее деятелям и является уже не народ, а отдельные лица, выражающие своей умственной деятельностью различные стороны народного духа. В литературе личность вступает в полное право свое... Литература есть достояние всего общества, которое, через нее, обратно получает себе, в сознательной и изящной форме, все то, что источником было его же собственное непосредственное бытие. Общество находит в литературе свою действительную жизнь» (27). И далее в этой же статье: «Литература есть последнее и высшее выражение мысли народа, проявляющееся в слове» (28).

О том, что предметом искусства является человек и его жизнь в обществе, Белинский пишет и в статье «Общая идея народной поэзии»: «Где жизнь, там и поэзия; для искусства нет более благородного и высокого предмета, как человек...» (29). Литература воссоздает жизнь человека во всех его проявлениях. Накал чувств, мыслей, страстей, переживаний – во всех их степенях и проявлениях и своеобразии делает для человека литературу не только опытом с повторением жизни, но и более жизнью, очищенной от мусора, мелочей, «руды», «Жить значит – чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь – смерть. И чем больше содержания объемлет собою наше чувство и мысль, чем сильнее и глубже наша способность, страдать и блаженствовать, тем больше мы живем» (30).

В статье «Стержень литературы» Нуайме ставил еще одну важную тему: ведь, в сущности, все литераторы пишут о человеке и его чувствах, почему же многие из них остаются незамеченными или быстро исчезают с поверхности жизни, между тем, как некоторые остаются на века. И сам писатель отвечает на этот вопрос следующим образом: «Вечными остаются лишь те памятники, в которых живет вечный дух... Его (человека – А.И.) невысказанные доселе чувства звучат голосом поэта... и он видит в себе то, что раньше было скрыто, говорит о том, о чем раньше не мог...» (31).

Т.е. Нуайме говорит, что настоящий великий поэт высказывает такие мысли и чувства, которые, по словам М.Лермонтова, «находят отклик в душе каждого человека, ибо настоящий великий художник, звучит, как колокол на башне вечной в дни торжеств бед народных» (32). Эта мысль Нуайме находит неоднократное подтверждение во многих высказываниях Белинского, который считал большого поэта всегда выразителем дум чаяний и переживаний многих и многих. Что его субъективные переживания есть объективное выражение чувств и дум целого поколения. Особенно ярко и отчетливо эта мысль звучит у великого критика в статье «Стихотворения М.Лермонтова»: «Преобладание внутреннего (субъективного) элемента в поэтах обыкновенных есть признак ограниченности таланта. У них субъективное означает выражение личности, которая всегда ограничена... Они обыкновенно говорят о своих нравственных неудах, и всегда одно и то же... В таланте великом избыток внутреннего субъективного элемента есть признак гуманности. Не бойтесь этого направления: Великий поэт, говоря о себе самом, о своем «Я», говорит об общем – о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество. И потому в его груди всякий узнает свою грудь, в его душе всякий узнает свою и видит в нем не только поэт а, но и человека, брата своего по человечеству. Призывая его существом несравненно высшим себя, всякий в то же время сознает свое родство с ним» (33).

Интересные выводы содержатся в теоретической статье сборника «Решето» - «Литературные критерии» (34). Начинается она с общих рассуждений о различных ценностях всех предметов, обладающих ценностями материальными и духовными. Но литература обладает только ценностям духовным. В чем они заключаются? Почему еще до сих пор наслаждается Гомером, к произведениям Шекспира относятся с тем же чувством восторга, что и столетия назад? И Нуайме приходит к выводам, что в литературе существуют устойчивые критерии, не поддающиеся ни времени, ни моде. К ним он, прежде всего относит сферу влияния эмоциональных факторов, таких «как надежда и отчаяние, триумф и крах, вера и сомнение, любовь и ненависть, наслаждение и боль, печаль и радость, страх и мужество» (35). Второй устойчивый фактор силы произведения – «потребность, верно, ориентироваться в жизни» (36). Нуайме называет его «светом истины». Стремление к прекрасному – это еще два объективных критерия, которые остаются веч-

ными при оценке значимости художественного материала. Таким образом, к вечным критериям в оценке произведений искусства писатель относит – глубину эмоций, свет истины, красоту и музыкальность звучания. И все это непреходящее богатство выражает «языковый лексический материал» (37).

От степени одаренности художника зависит, как он использует бесконечную сокровищницу человеческой речи. Какие слова он подберет, как их расставит, скомпонует. Нуайме пишет, что лексический материал произведения должен обладать ясностью изложения, стройностью композиции, четкой ритмикой и жизненной правдой. Произведения, обладающие всеми этими компонентами, являются вечными. В них люди всегда находят те начала, которые всегда получают отклик в их душах. Это – шедевры.

Затем Нуайме переходит к рассмотрению критериев оценки литературных произведений в арабской литературе и делает выводы, что таких объективных критериев нет, все они произвольны, временны, субъективны, раскрывают частности, а не произведение в целом («Наша беда не в том, что у нас нет критериев. Беда в том, что некому заняться улучшением их применения в литературной практике. К нашему несчастью, большая часть нашей литературной деятельности доверена газетам и журнала (38). Нуайме иронически приводит их оценки: «гениальный», «выдающийся», «умнейший», «редчайший» и др. и с грустью констатирует, как дезориентирует такая «критика» читателя, как портит его вкус.

Мысли, высказанные в этой статье Нуайме постоянно сопровождают все значительные работы Белинского, где он рассуждает о значении литературы в жизни общества, о непреходящей ценности отдельных литературных произведений. «Эмоциональный фактор» произведения (выражения Нуайме) особенно выделен Белинским в статье «Стихотворения М.Лермонтова», что уже цитировалось. «Свет истины» (Нуайме) раскрывается особенно ярко в статьях о Гоголе и Пушкине. Белинский определяет это так – «Совершенная истина жизни». «Скажите, какое впечатление, прежде всего производит на вас каждая повесть г. Гоголя? Не заставляет ли она вас говорить: «Как все это просто, обыкновенно, естественно и верно. И, вместе, как оригинально и ново!... Какая этому причина? Та, что эти создания озаменованы печатью истинного таланта, что они созданы по непреложным законам творчества» (39). Подводя итог своим рассуждением о верном отражении Гоголем дей-

ствительности, критик заключает: «Совершенная истина жизни в повестях г. Гоголя тесно соединяется с простотою вымысла. Он не льстит жизни, но и не клеветает на нее; он рад выставить наружу все, что есть в ней прекрасного, человеческого, и в то время, не скрывает нимало им ее безобразия. В том и другом случае он верен жизни до последней степени» (40).

Высказывание Нуайме в статье «Литературные критерии» о значении для литературного произведения лексического материала можно сопоставить с аналогичным мнением Белинского: «Поэзия выражается в свободном человеческом слове, которое есть и звук, и картина, и определенное, ясно выговоренное представление. Почему поэзия заключает в себе все элементы других искусств, как бы пользуется вдруг и нераздельно всеми средствами, которые даны порознь каждому из прочих искусств» (40а).

Белинский только более широко определил тот словесный материал, который использует литература и который включает «все элементы других искусств» - краски из живописи, звуки из музыки, объемные из архитектуры и др.

Сочли мы необходимым остановиться и на теоретической статье сборника «Решето» «Поэт и поэзия», настолько ощутили в ней проступают критические установки Белинского. Начинает Нуайме с того, что заявляет: «У нас слишком много сочинений, но мало поэтов, мы разбогатели каскадами, но обеднели поэзией» (40б). И это потому, что у нас нет еще понимания, что же считать истинной поэзией. А истинная поэзия – «сама жизнь, плачущая и смеющаяся, шумная и молчаливая, звенящая и ликующая, перстом указующая, преобразующая и созидющая» (40в). Даже по стилю, этому нагнетанию эпитетов, взволнованному и пафосному, статья напоминает поэтический широкий и философский стиль статей Белинского.

Далее Нуайме говорит, что поэзия с момента появления человека всегда была величайшей и органической его потребностью: «Поэзия была рядом с человеком во все времена – с момента его появления на свет: она стояла у его колыбели, и сопровождает его по сей день... На всем пути развития человечества поэзия была его собеседником, утешителем, вдохновителем и стимулом. Она сопровождала и сопровождает его в работе и отдыхе, горе и радости, войне и мире, во времена достатка и в час лишений. С поэзией знакома игла портного, молот кузнеца, отвес каменщика, серп жнеца и плуг пахаря (41). Нуайме пишет, что все мы часто, как выражение своего настроения и чувства,

повторяем строки известных поэтов. И это мы делаем потому, «что в строках этих касад и «мавалей» (41а) рассказ о жизни живыми образами, объяснение ваших чувств и эмоций, то, чего не может выразить своими словами» (42). Т.е. Нуайме говорит буквально те же, что много раз повторял в своих работах Белинский. «В том-то состоит сущность поэзии, что она бесплотной идее дает живой, чувственный и прекрасный образ» (43) Или: «Лирическая поэзия выражает субъективную сторону человека, открывает нашему взору в н у т р е н и е г о человека, и потому вся она – ощущение, чувство, музыка» (44). А вот определение великого содержания истинной поэзии, так созвучной душе почти каждого человека: «Нигде жизнь не является столько жизнью, как в сфере духовных интересов и различного сознания, которые движут волею человека, и поддерживают его неистощимую деятельность; это самый пышный цвет жизни, ее высшее развитие, ее высшая ступень, это жизнь по превосходству; ... неизмерима расстояние, разделяющее духовную жизнь гения от бессознательных явлений природы» (45).

Можно привести и еще одну цитату из соображений Белинского о сущности художественного произведения. «Истинно художественное произведение всегда поражает читателя своего истинною, естественностью, верностью, действительностью, до того, что, читая его, вы бессознательно, но глубоко убеждены, что все, рассказываемое или представляло в нем происходило именно так, и совершится иначе них и не могло» (46).

Позтому там естественны и глубоко правдивы выводы Нуайме о сущности поэзии: - «Поэзия всегда будет одной из духовных потребностей человека, поскольку в ней воплощаются его мечты о прекрасном, о справедливости, правде и счастье. Поэзия рисует картины жизни, которую любит душа, но не видят глаза и не слышат уши. Она рядом с человеком...» (47).

Далее в статье Нуайме ставится вопрос, что же представляет собой поэзия: акт творчества, воображение или фантазию? Полностью ли изменяет поэт картины действительности, заменяя ее своей фантазией, соображением, выдумывает новую действительность? И совершенно согласуясь с эстетической концепцией Белинского, отвечает, что представленная новая картина художника, поэта – это не фантазия, не воображение, а увиденная оцененной и прозрачной воссозданная реальность: - «Вы не сотворили ни холма, ни леса, ни моря, ни солнца, ни неба, ни ручья. Все это вы видели воочию и

прочувствовали. Но в то же время вы все это сопоставили, оценили, отбросили лишнее, отобрали необходимое, затем скомпоновали все выбранное вами определенным образом и в результате получилась картина, написанная вашим воображением. Вы не изменили реальность. Вы ничего не «сотворили», а взяли реально существующие в природе предметы и явления, отбросили лишнее, добавили недостающее... расставили» все так, как было угодно вашей душе» (48).

Как все это близко не только мыслям, но и выражением Белинского, где он рассуждает о соотношении живой действительности и преображенной им же в поэтическую картину. «Много прекрасного в живой действительности..., но чтоб насладиться этой действительностью, мы сперва должны овладеть ею в нашем разумении», и далее он пишет о том, что как вы видите прекрасный ландшафт, но чуть измените, угол зрения, как он меняется и перестает быть прекрасным, потому что вам в глаза начинают попадаться всякое, на первый взгляд, ненужные, искажающие общую картину предметы: - «А издалека все было так чисто, опрятно, красиво... ландшафт, созданный на полотне талантливым живописцем, лучше всяких живописных видов в природе. Отчего же? – Оттого, что в нем нет ничего случайного и лишнего, все части подчинены целому, все направлено к одной цели, все образует собою одно прекрасное, целостное и индивидуальное. Действительность прекрасна сама по себе, но прекрасна по своей сущности, по своим элементам, по своему содержанию, а не по форме» (49).

В статье ставится и вопрос о цели поэзии. Нуайме рассматривает две точки зрения – идеалистическую (искусство для искусства) и материалистическую – поэзия должна служить потребностям человека. Не указано, не выделено, к каким потребностям искусство приравнено. Нуайме, как и Белинский, отбрасывает обе эти крайние точки зрения, делая упор на то, что искусство служит высшим духовным потребностям человека. «Поэт – это пророк, философ, художник, музыкант и проповедник. Пророк, потому что видит душой скрытое от других. Художник, потому что умеет воплощать увиденные и услышанные им проявления прекрасного в словесных образах. Музыкант, потому что слышит гармонию звуков, там где мы слышим лишь шум и грохот» (50). Затем Нуайме прибавляет еще одно определение к понятию поэта: поэт-апроповедник, поскольку он служит божеству в виде

правды и красоты» (51). Далее идет ряд картин и образцов-сравнений, которые можно найти и у Белинского.

Таким образом, мы остановились на основных эстетических принципах, выдвинутых Нуайме в его теоретических статьях – что такое критика и критик, чем в основном должна заниматься и занимается литература, в чем истинная художественность поэзии, каковы объективные критерии художественности, что такое красота, правда, истина в искусстве, что такое акт творчества, какую роль в акте творчества играет фантазия, воображение, чему служит искусство – и некоторые другие. Конкретно сопоставив мысли и выражения из этих статей Нуайме с мыслями и выражениями соответствующих статей Виссариона Григорьевича Белинского, мы вполне и обоснованно могли убедиться в их очень близком совпадении. Из чего непосредственно следует, как глубоко и действительно воспринял ливанский писатель эстетико-литературную концепцию русского критика, с жаром и страстью применив ее полностью к литературной арабской среде. А как необходима была арабской литературе для дальнейшего движения вперед, к современности, к глубокой осознанности эта, впервые ею услышанная, научно обоснованная критическая концепция. О приложении ее к практике конкретного анализа произведений арабской литературы речь пойдет ниже.

Статья «Светлячки» (52) своего рода обзор арабской поэзии, ее путей и характерных черт за последнее время. Критика ее сурова и беспощадна. Он характеризует ее почти всю убийственным саркастическим образом: – «Поздравленище с вручением» (53). Все эти касиды, поздравления большей частью написаны «по случаю», по положенному трафарету, тянущему свои традиции с далеких времен, когда все эти лирические произведения преподносились покровителю, где в чрезмерных восхвалениях подобострастно возвеличивалась его особа. Прирожденному поэту нельзя было дать вопи своему таланту. Он писал, всегда оглядываясь и приспосабливаясь, скованный бесчисленными правилами и законами средневековой поэтики. А если и появляются намеки на таланты, то они, как жалкие светлячки, не могут озарить ночной тьмы.

«Поймите, люди, не беда, что у нас много стекляшек, беда в том, что мы называем их бриллиантами и соответственно к ним относимся» (54). В отчаянии Нуайме говорит, что арабы погружены в сон, в спячку, что они

еще не ощутили «биения пульса всего остального человечества» (55). Что за последние полтора года арабы ничего значительного не внесли в «литературную копилку». Некого поставить арабам в один ряд с именами Гомера, Вергилия, Данте, Шекспира, Мильтона, Байрона, Толстого. «Наши писатели жили и умерли в воспеваниях степных газелей и великолетия знати, они живописали стук лошадиных копыт и жестокие кровопролития, походку верблюда и руины древних становищ, огонь радушия и многое – многое другое. Некоторые из них... из кожи вон лезли, исследуя наш лексикон в поисках редких рифм для восхваления патриархов, митрополитов, пашей... шейхов, для поздравления приятеля с «рождением мальчика» или «бека» с наградой... (56) А настоящие писатели – это крылья человечества, несущие его к прекрасному, совершенному и любви.

Низкому уровню современной арабской литературы очень способствует и низкий уровень современной арабской критики. Очень часто они от всего настоящего отделяются фразами: «Наша страна – источник божественного откровения», «Наша страна – колыбель человечества». «Наша страна – родина пророка». Эти критики совершают страшный грех, закрывая истинное состояние арабской литературы. «Если бы эти критики только знали, какой грех они совершают, слетая лавровые венки и воздвужая их на головы тех, кому впору разве что терновый венец, или же, наоборот, венчая терновыми венцами головы тех, кто заслуживает лавров и роз. Если бы они только знали, какие беды приносит нации, взвизгивающей на них, словно на идейных вождей, они раскаялись бы и прекратили свое занятие... Прошли века, а мы все стучим лбами о пороги храмов, бьем себя в грудь и ждем, чтобы небо пролилось на нас дождем счастья... Толстый слой ржавчины покрыл наши умы и сердца» (57).

Другую важную причину отсталости арабской литературы Нуайме видит в недостаточном правильном отношении к арабскому языку. Он ревностно относится к сохранению его красоты и чистоты и в то же время критически отзывается об устаревших словарях, ставших настольными книгами многих литераторов, особенно поэтов, которые извлекают из них архаичные, непонятные современникам слова. Нуайме сравнивает эти словари со старым домом, «жители которого отказываются хотя бы немного обновить его обстановку». И, анализируя какое-либо современное произведение, некоторые

«критики» прежде всего старательно выскивают, где автор погрешил против ортодоксальных словарей и закоснелых правил. Таких приверженцев классицизма Нуайме называет «лягушками литературы». В своей любви к застою они никогда не устают поднимать свое «кваканье» при любой попытке внести свежую струю в форму и содержание художественного произведения, приспособить его к требованиям современности. Языковым проблемам и особенно проблемам современной лексики Нуайме придавать большое принципиальное значение. Он считал, что как содержание и форма художественного произведения обусловлены историческим развитием общественной жизни, так и язык меняется в зависимости от эпохи. Новое содержание требует и нового языка.

Язык в представлении Нуайме – живой организм, который постоянно развивается и изменяется, что-то принимает и что-то отбрасывает, и «нет никакой надобности поэту или писателю искать в недрах языковых могил умершие слова или неупотребляемые обороты». Другая крайность, заявляющая о себе в современной литературе, – непонимание значения литературного языка. Для некоторых писателей основное – что сказать, а не как сказать. Нуайме считает это неправильным. Главным критерием художественного мастерства является не то, что сказал писатель, а то, как он сумел выразить все это, как он сумел пользоваться своим родным языком. Язык, по его мнению, сам важен по себе, т.к. активно включается в самое содержание, идею, мысль произведения. «... Язык остается одним из символов, помогающих нам обмениваться мыслями, выражать чувства и в этом смысле он заслуживает бережного к нему отношения, но не из любви к нему, а из стремления к той высокой цели, ради которой мы пользуемся им. Однако, заботясь о языке, мы не должны забывать об экономном его употреблении» (58). Нуайме обращается к писателям с призывом работать над языком, добиваясь отточности, выверенности. Нуайме считает, что до сих пор человеческий язык еще не в силах отобразить все тонкости, нюансы, сложности человеческих мыслей и чувств. Отсюда такое большое значение имеет особый отбор слов, который позволяет читать как бы между строк. «Горе тому писателю, в чьих произведениях не читается между строк, горе тому читателю, который читает в словах лишь буквы» (59), заканчивает свою статью Нуайме.

Статья писателя имела огромное значение в установлении правильного отношения современников к богатству арабского языка: в осторожном его обновлении и, одновременно, в бережном отношении к тому богатству, которое он в себе несет.

Разгромный характер имела и статья «Поэзия и аруд» (60), где прослеживается история возникновения арабской метрики и говорится о подчинении поэтического смысла законам «аруда». Теорию аруда разработал Абу Абд ар-Рахман ал-Халил «еще в сотом году хиджры», т.е. сотни лет назад, а его теория действует неуказанно еще до сих пор. Вот полное название этой теории, которую приводит Нуайме: - «Наука о правилах, определяющих правильность или неправильность арабского стихотворного размера, а также о случаях применения «зихафат» и «илад» (61). Эти последние термины (61а) содержат множество регламентаций арабской метрики стиха. Всем этим регламентациям даны термины, которые расположены группами и по специальной схеме. С горечью и сарказмом пишет об этом писатель: «Аль-Халил, друг мой, давно умер. А мы вот с того времени и до сих пор погружены с головой в изучение целого скопа понятий вроде приложений и дополнений, дефектных слов и ломаных чисел, слогов и слоговых переходов, пропусков и эллипсов, усечений и отсечений и всего прочего, включая зихафные илал и илларадированные зихафат» (62).

Тщательно следя за соблюдением правильности сложения стихов, арабы, пишет далее Нуайме, потеряли поэзию, т.к. на протяжении тысячи двухсот лет все их стремления были направлены только на соблюдение правил аруда. Естественно, что содержание поэзии, ее духовный смысл был искажен и потерян. И Нуайме опять возвращается к мысли – что же такое поэзия? Как определить ее сущность?

Путем логических построений об общности человеческой природы, так как все люди в большей или меньшей степени испытывают одни и те же чувства, стремления, переживания, мечты, надежды, страдания и радость, он делает вывод, что «поэзия – язык души, а поэт – переводчик языка души» (63). То есть он высказывает ту же мысль, что и в прежних своих теоретических статьях. Это определяет Белинского. И на эти совпадения мы уже указывали неоднократно. Сошлемся, лишний раз на соответствующие мысли русского критика: - «В поэзии заключается: - «глубина и сила чувств, роскошь, фантазии, полнота жизни

и резко ощутительное присутствие мысли в художественной форме» (64). Отрывок из другой статьи: - «Постижение поэзии есть откровение духа, а таинство откровения скрывается в натуре человека; между тем, известно, что натуры людей разнообразны до бесконечности и представляют собою бесконечную лестницу с бесконечными ступенями...» (65).

Из той же статьи, в которой Белинский раскрывает душу поэзии Лермонтова: - «Он глубоко знаком с внутренним миром души. Несокрушимая сила и помощь духа, смирение жалоб, елеинное благоухание молитвы, тихая грусть, кропотливая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, целомудренная чистота, недуги современного общества, картины мировой жизни, хмельные обаяния жизни, укеры совести, умиленное раскаяние...» (66) Великий критик как будто бы перечислил все возможные состояния души человека, которые испытывает поэт.

С глубокой горечью раскрывает Нуайме недостатки арабской поэзии. Ее следование бесконечным правилам стихосложения он сравнивает с оккультными обрядами церкви, которые тем самым отторгают идею бога от души человека. «И если вы, мой друг, взгляните теперь на проблему стихотворного размера, то обнаружите, что и здесь все дело сводится к обрядовому поклонению». (67) С регламентированием поэзии арудным размером стихосложение превратилось в глазах масс в ремесло, в искусственность. Поэт превратился в акробата – заключает писатель. Статья заканчивается глубокой уверенностью, что арабская поэзия проснется. Она не умерла, а только уснула.

Вопросов теории драматического произведения Нуайме касается в предисловии к своей пьесе «Отцы и дети» (68), где он не разбирает саму пьесу, а говорит вообще о значении, драматургии в жизни общества, правильно полагая, что существование драматургии в обществе говорит о его зрелости. Белинский в статье «Разделение поэзии на роды и виды, прибегает к ряду исторических примеров. Так, развитие трагедии у древних греков – яркое свидетельство их духовной зрелости, высшей фазы общественного развития. Говорит он и о том, что у арабов не могло быть драматургии: «У арабов, как не у народа, а племени, и при том племени помадного, рассеянного по пустыне, чуждого общественности, существовала только лирически, или лирико-эпическая поэзия, но драматической никогда не было и не могло быть». (69)

С ним согласен и Нуайме, который надеется, что именно теперь, когда жизнь арабских народов вступила в новую фазу, когда наступило «арабское возрождение», можно говорить и о появлении в арабской литературе и жанра драмы ... «Жизнь и литература неразрывно связаны между собой, они опираются друг на друга». (70)

Нуайме глубоко понял и прочувствовал значение драматургии и театра в жизни народа: «В театре западный зритель отводит душу, утомленную трудом и жизненными заботами, находит в ней утешение, отдых и духовную пищу ... театр переносит его в мир человеческих страстей, показывая различные их проявления – от прекрасного до уродливого, от возвышенного до низменного». (71) Приблизительно то же пишет и Белинский в своих статьях об игре Молчалова, в «Горе от ума», в «Ревизоре», а также в десятой и одиннадцатой статьях о Пушкине. Вот, к примеру, отрывок статьи Белинского «О театре»: ... Вы здесь живете не своей жизнью, страдаете не своими скорбями, радуется не своим блаженством, трепещете не за свою опасность». (72)

Нуайме жалуется в своем предисловии не только на отсутствие арабских пьес, отражающих арабскую жизнь, но и на неважительное отношение арабской публики и к театру, который пока является только местом для развлечения, и к актерам. «На актера смотрят, как на шута, на актрису, как на развратницу». (73) Писатель обращается к товарищам по перу с призывом писать для театра. Ведь уже появился национальный театр, а национальных пьес, написанных на мотивы национальной арабской жизни, еще нет.

Почти половину предисловия занимает тема каким должен быть язык действующих лиц. Арабский литературный язык пока развит очень однобоко: или правильный, сугубо литературный, полный изощренности и пафоса язык, или грубый, простонародный. Писать пьесы только на литературном или только на простонародном – нельзя. Нуайме говорит, что ему не под силу решить этот важнейший вопрос. «Самое большее до чего я додумался... наделив образованных персонажей моей пьесы литературной речью, а неграмотных – разговорной. Хотя я и признаю, что такой способ не решает «загвоздку». (74)

Поэтому Нуайме обращается к крупнейшим арабским филологам и писателям с требованием приложить все свои силы для разработки специального драматического языка, на котором должно было бы писать арабские пьесы.

«Надо заложить прочную основу под арабский театр с целью воспитания нашего вкуса к драматургии и усиления роли национальной пьесы». (75)

Остальная часть сборника представляет уже анализ конкретных литературных произведений. Нуайме старается критиковать их, опираясь на широко научные выработанные им критерии, которые он так убежденно высказал в первом разделе книги. Но надо признаться, что это не всегда ему удается. Думается, что это потому, что для критики ему был представлен слишком незначительный художественный материал. Первой он разбирает диван поэта-эмигранта Насиба Ариды (1887-1946), «Растерянные души» («Ал-Аравх ал-хаира», «Нью-Йорк, 1946»). (76) Начинает он с теоретической установки, что источник – поэзия – жизнь. «Жизнь одинакова по своей сути в комаре, верблюде или льве... но в льве она приняла более совершенные и полные формы» (77), поэтому в нем она более привлекательна. Аналогично это проявление жизни и у различных поэтов. – «Мы отдаем предпочтение океану перед прудом». (78) Хотя и тут и там вода одинаковая. «Дыхание жизни» у больших поэтов осязаемое, шире, больше воздействуют на читателя. Нуайме далее утверждает, что только тогда, когда он убеждается по широте дыхания жизни, что перед ним настоящий поэт, что его поэзия присуща индивидуальность, он переходит к анализу формы его стихов.

Насиба Ариду Нуайме считает настоящим поэтом: его отличают всегда оригинальные мысли, эмоциональное напряжение стиха. Он приводит в доказательство ранее стихотворение Насиба Ариды «Кедр», главная мысль которого любовь к свободе. Но если в прошлом поэзия Ариды была совершенно оторвана от реальности, то в новой книге стихов его мысль уже спустилась от звезд к реальной жизни. Правда, жизнь представляется ему очень мрачной, безотрадной, он выявляет его смятенный дух, растерянность. Но, в конечном счете, Насиб Арида нашел свом перспективы – «это горизонты духа, которые венчают купол беспредельности бытия». (79) Определение критика довольно расплывчато, но, как можно понять из дальнейших рассуждений, за внешней неприглядностью жизни поэт увидел нечто настоящее, всю ее сущность. «Оторвавшись от второстепенного в жизни, он коснулся главного, шагнул за грань видимого невооруженным глазом». (80)

Нуайме отмечает в стихах Насиба Ариды тему одиночества и делает вывод, «одиночество, как и смятение, является тем душевным состоянием, в

котором пребывает каждый поэт по мере становления его чувств и развития мысли». (81) Это уже серьезный теоретический вывод: ясность и глубина мысли, постижение жизни приходит со зрелостью, на основании опыта, и это сейчас же отзывается на совершенстве стихов. Нуайме признает в поэзии Ариды масштабность мысли, чувства, воображения. Это верный признак настоящего поэта, которым и является Арида. В конце статьи анализируется форма стихов. Отмечается плавность, изысканность стиля, отсутствие усложненности «топорности, тяжеловесности». (82)

Эта критическая статья интересна своим стремлением к обобщениям, к приведению поэзии к каким-то общим законам. Например, вывод о том, что зрелость стиха приходит со зрелостью мысли.

Разносный и сатирический характер имеет статья «Жемчужина Шауки». (83) Уже само заглавие более чем иронично и пародирует обычные для традиций арабской литературы безмерные восхваления и афористические эпитеты. Речь идет о стихотворении «эмира поэзии» Ахмед бека Шауки (1868-1932). Касыда написана о пребывании поэта в Андалузии по возвращении его в Египет. Критик находит, что стихотворение не столько наполняет жемчужину, сколько порожнюю раковину из-под нее, так бедны ее мысли, отсутствуют настоящие глубокие чувства, так много смысловых противоречий, худольности образов, трафаретности языка. В касыде совершенно не чувствуется «пульса современной жизни». В ней очень много совершенно «пустых строк, смешной сентиментальности, ложного пафоса». Важно то, что свои положения и выводы Нуайме тут же иллюстрирует строками из касыды. Так критик приводит в пример такой стих Шауки: - «Каждый путешественник однажды вернется, если заслужит спасение и путь назад». Нуайме иронично комментирует этот стих словами: «Ночь – это ночь, а день – этот день. (84) Нуайме называет это «банальной мудростью». Он отмечает конкретно множество противоречий и в стихотворении. Можно представить, какую огромную пользу развитию новой арабской поэзии приносили такие критические статьи Нуайме, где в открытую, без приседаний и книксенов, он называл вещи своими именами, конкретно выявляя никчемность и мизерность чувства тем самым, утверждая необходимость наличия в поэзии глубины содержания, что должно было сказаться в важности и серьезности мыслей и в искренности и глубина чувств. Конечно, такие статьи являлись и

школой нравственности и воспитателем вкуса. Как раз тем, чего всегда требовал Белинский от литературы.

Очень интересна небольшая критическая статья Нуайме о писателе эмигранте Амине ар-Рейхани. (85) Он поражается жанровому разнообразию его творчества – эссеист, социолог, политик, литературовед, драматург – сейчас ар-Рейхани представил сборник стихов «Мистические песни и другие поэмы» (“Chant of Myatics”. N.York, White, 1921).

Сравнивая различные жанры его творчества, Нуайме приходит к выводу, что «его публицистика сильнее прозы и поэзии. Это потому, что мысленное превалирует у него над чувственным, логика одерживает верх над фантазией». (86) Обращаясь к прежнему, прозаическому сборнику «Рейханийат», критик выделяет его отличительные черты – «способности и желания ума исследовать, вскрывать и мотивировать явления, подвергать их скрупулезному анализу, раскладывать на элементарные слагаемые...». (87) В поэзии необходимы чувства и фантазия, мелодия. В жанрах, используемых обычно ар-Рейхани, всегда преобладает мысль и логика. И это закономерно и художественно необходимо для определенного вида писателей. К таким и принадлежит ар-Рейхани.

По аналогии можно обратиться к статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», - где критик говорит о двух типах художников -художников живописцах и художниках, у которых превалирует мысль. Исходя из этого тезиса, критик рассматривал только появившиеся романы – И.Гончарова «Обыкновенная история» и романа А.Герцена «Кто виноват?» Вот как об этом пишет Белинский: «Поэт – художник – более живописец, нежели думают. Чувство формы – в этом вся натура его. Вечно соперничать с природою в способности творить – его высочайшее наслаждение». (88)

Это пишется применительно к Гончарову. Совершенно иначе высказывается Белинский о Герцене: «... Главная сила его не в творчестве, не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознательной и развитой. Могущество этой мысли – главная сила – его таланта; художественная манера верно схватывать явления действительности – второстепенная, вспомогательная сила его таланта». (89)

Возникает чувство уверенности, что Нуайме был хорошо знаком со статьёй Белинского о «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» с его удивительно тонким отзывом о существе дарования А.Герцена.

Сборник последних стихов ар-Рейхани написан на английском языке «Мистические песни и другие поэмы». – Поэт сумел придать ему «восточный колорит». Преимущественное содержание стихов – тоска о родине, лирические воспоминания о Ливане. Весь сборник «пропитан арабским ароматом». (90)

К недостаткам стихов ар-Рейхани Нуайме относит неясность и запутанность высказываемых мыслей. Отсюда проистекают вычурность, многословие. «Поэт зачастую пытается выразить важную мысль малым объемом строк, а незначительную идею передать многим строками. И смысл идеи то уродливо стягивается, то теряется в многословии где-то в глубинах стихотворения». (91)

Эта краткая статья выделяет две основные черты творчества ар-Рейхани в прозе – главенство мысли, в поэзии – наличие восточного колорита.

Обращает на себя внимание и совсем небольшая рецензия Нуайме на два сборника Джебрана – «Сумасшедший» и «Предтеча». (92) Уж слишком значителен и интересен автор рецензируемых книг. Нуайме считает, что книга Джебрана «Сумасшедший» - начало нового этапа в его творчестве. До выхода этой книги «Джебран вел себя просто невероятно». (93) Все его предшествующие произведения только и изливали бурный гнев, ненависть и презрение к людям за их постыдную жизнь. Ибо душа Джебрана была настолько нежна и ранима, что сама, первая страдала от пороков общества «... То он намеревался заставить мир идти по его воле, то хотел отдалиться от этого мира. Критиковал, но никто не поддерживал его критики. Плакал, но лишь портил себе глаза. Воспламенялся, но жег сердце лишь себе. Он зывал: «Как вздорна цивилизация и фальшиво все, что в ней есть». Но цивилизация шла себе спокойно своей дорогой и не обращала внимание на его призывы». (94)

В книге «Сумасшедший» сквозит не только оголенное чувство, но к нему присоединилась и мысль о возможности исправления людей. Спасение художника уже в том, что он полюбил людей, он уже не стоит над ними в карающей позе пророка. Для исправления людей художник выбрал самый доходчивый и краткий жанр – притчи и басни. В последующей книге Джебрана – «Предтеча жанр басни превалирует. Критик восторгается баснями Джебрана: несмотря на краткость, они очень емки и глубоки по содержанию, значительны по мысли. Нуайме приводит для доказательства содержание трех басен писателя и приводит для них свои аналогии из жизни.

Обе книги Джебрана написаны по-английски. Кроме басен в обеих книгах имеются и стихотворения в прозе, жанр, силу которого художник обнаружил еще в книгах «Слеза и улыбка», «Бури». «Здесь то же страдание души, рвущейся за пределы осязаемого, души, изнывающей от оков материального мира». (95) Самым глубоким по значению стихотворением книги «Предтеча» является стихотворение «Пролог». Идея его – вечное поступательное движение бытия и преемственность жизни. Получается так, что каждый из нас предтеча для кого-то в будущем. То, на чем мы стоим сегодня, станет основой нашего завтрашнего дня. «Мы сеем в этой жизни зерно прошлого урожая». (96) Мысль очень распространенная в русской литературе. Стоит хотя бы вспомнить рассказы А.Чехова – «Студент», «Огни», «Моя жизнь» и др. Нося ответственность за будущее, человек должен думать о каждом своем поступке, который обязательно отзовется хоть как-нибудь в будущем пусть и далеко.

Автор рецензии считает, что и сама книга Джебрана «Предтеча» является добрым залогом для будущих книг писателя.

Рецензия интересна своим историческим подходом к рассмотрению творчества писателя: Нуайме кратко остановился на предшествующем творчестве писателя, затем на двух последних книгах, а там сделал и заявку на будущее творчество. Типичный подход Белинского, который творчество каждого писателя рассматривал в его движении, развитии. Примеров много: творчество Гоголя, Пушкина, Марлинского, Герцена и др.

Суровому разному подвергся в сборнике переводной роман «Улыбки и слезы» (или «Любовь по-немецки»). Автор – Макс Мюллер, третьестепенный, слезливый немецкий романист. Переводчик романа – арабская писательница Мейй Зияде (1895-1941) Нуайме не нравится и самый роман, и перевод, и предисловие к роману. «Мейй могла бы потратить свое время на перевод другой книги, получше». (97) Критик упрекает Мейй и за качество перевода. Она сама пишет в предисловии, что не знает немецкого языка, т.к. потратила всего двадцать часов на его изучение.

Но более всего Нуайме возмущает содержание романа, утрированно сентиментального. История о том, как простой юноша, еще ребенком полностью принцессе. К тому же она с детства, вследствие болезни, оказалась навсегда прикована к постели в проч. «Автор подмесил сюда изрядную порцию

сентиментализма. Он перебрал с этими «ох», «ах», «увы», «какое горе» и «разбитое сердце... Сентиментализм... придает произведению жалостливость, сверх меры насыщает его истериками, рыданиями и всхлипываниями, так что можно захлебнуться от вздохов и утонуть в потоках слез». (98)

Критика Нуайме этого литературного метода очень созвучна критике Белинского. В статье «Сочинения А.Пушкина» критик отдает должное сентиментализму в развитии русской литературы: - «Порожденные ими сентиментальность и мечтательность, несмотря на их смешную сторону, были великим шагом вперед для молодого общества». (99) Несколькими ранее, во второй статье из цикла пушкинских, критик указывает: «Назначение сентиментальности, введенной Карамзиным в русскую литературу, было – расшевелить общество и приготвить его к жизни сердца и чувства». (100)

Потом это движение выродилось. Бездарные эпигоны превратили его в нечто слезливое, жалкое, чрезмерное: - «Чувствительные души толпами ходили гулять на Лизин пруд; Эрасты, Леоны, Леониды, Мелодоры, Фиалеты, Нины, Лилы, Эмили, Юлии размножились до чрезвычайности, вздох превращали самые тихие дни в ветреные, слезы потекли реками»... (101)

В арабской литературе, запоздавшей в своем развитии, сентиментализм пришел одновременно с романтизмом в начале нового века. Об этом же пишет и Нуайме в своей рецензии: «Сентиментализм как направление сыграл свою роль на подмостках театра западной литературы, а сыграв, исчез за занавесом, и никто из зрителей не удостоил память о нем даже одним хлопком в ладони. Складывается такое впечатление, что сентиментализм после своего провала на Западе отправился на поиски новой сцены и случайно наткнулся на маленький Восток. Обнаружив здесь множество слезливых глаз, а еще больше отзывчивых на боль сердец, он разбил свои шатры в Египте и Сири и стал со своей свитой и слугами дорогим и почетным гостем». (102)

Мы видим, что зорко и пристрастно следит писатель за всеми явлениями родной литературы, воспитывая и развивая вкус и писателя, и читателя. Достаточно было такой злой и доказательной рецензии на слезливый и слабый роман Мюллера, неудачно переведенный арабской переводчицей, чтобы надолго отбить охоту к таким экспериментам.

Значительным вкладом в познании творчества Джебрана Халиля Джебрана явилась обширная статья Нуайме «Бури Бур». Она написана о сбор-

нике «Бури» вышедшем в 1920 г. В него вошли такие примечательные эссе, как «У врат храма», «Волшебница», «Перед самоубийством», «Наркоз и скальпель», «Буря», «Дьявол», «Горная фиалка» и некоторые другие. Отзыв носит восторженный характер. Нуайме восторгается красотой, мелодикой, глубиной мысли его произведений: «Поистине стиль Джебрана, мелодика стиха, точность описаний дали нам новое понимание красоты композиции и изложения. А его блестящие стихотворения в прозе, исполненные внешней и внутренней гармонии, сделали единую рифму украшением в наших глазах» (103). Нуайме находит в этой книге Джебрана нечто общее, что ставит ее в ряд такими гениальными художниками, как Шекспир, Данте, Бальзак.

Прежде всего Нуайме отмечает в Джебрane тему бунтарства, ниспровержения и сокрушения готовых истин, поступков, за которые долги веками держались и держатся арабы: - «Ибо для меня Джебран Халиль Джебран – это прежде всего революция, сама, революция. «Бунтовщик» - так называли его другие, так называл себя он сам». (104) А революция, по мнению критика, не есть нечто внезапное, неожиданное, она является действием многих сил, подспудных, длительных, лишь ждущих своего часа. Только большой художник, живущий единой жизнью со своим народом, являющийся его голосом, выражением его внутренней жизни, может уловить и выразить его самые глубочайшие потребности и чувства. «Так и Джебран, - пишет Нуайме, - он не только сын своего времени, но плод чувств и стремлений нации, которая обрела себя или была обречена судьбой на то, чтобы долгие века говорил лишь ее язык, в сердце молчал бы, сжатое в комок». (105) Поруганный, угнетенный, потерянный Ливан в лице своего поэта обрел свой голос, гнев, протест жажду полных перемен в жизни. Приблизительно такими словами разъяснял Белинский характер лирики Лермонтова.

Книги Джебрана не могли не вызвать соответствующих чувств у ливанцев. Ливан бал бездыханным телом с угасшим пульсом, с застывшим сердцем. «И долгие века влачил Ливан мрачный удел безмолвия, пока не настал час, когда он не мог больше молчать и заговорил... И первым языком, на котором он заговорил, был язык Джебрана Халила Джебрана». (106)

Сердце Джебрана было «сгустком тончайших ощущений и обостренного восприятия». Оглянувшись, он увидел темную власть всяческих традиций убивших в сердцах людей смелость, искренность, творческих дух,

красоту. И он восстал: - «Он восстал, потому что его душа была лирой, и не проходило мгновения, чтобы жизнь не касалась ее струн невидимыми кончиками пальцев». (107) Следует отметить, что критические статьи Нуайме написаны на высоком поэтическом и лирическом уровне, что было и характерно для творчества Белинского.

Из всех приведенных отрывков из статьи о Джебрane, мы убеждаемся, что Нуайме мыслил исторически, неразрывными узами связывая творчество большого поэта с временем, судьбой народа, историческим моментом. Ливан в те годы, как и другие арабские страны, пробуждался к новой жизни, возрождению. И это потребовало, прежде всего «бунта» против всего старого – и в искусстве, и в традициях, и в морали, и в религии. И почти все эссе Джебрана, его притчи, стихотворения в прозе, философские эссеги – несут в себе зерно разрушения старого, бунт, революцию – как это оценил Нуайме. «И видел он вступенный разлад и противоречия во многом и во многих вокруг себя и не знал, удалиться ли ему от этого мира или остаться в нем». (108)

Необычайно точные и глубокие замечания критика, вскрывающие мятущуюся душу поэта, его двойственное отношение к миру, который он и страстно проклинал, и страстно любил, и все же никогда не знал, по какому пути ему надо идти. Поэтому преобладающим чувством произведений Джебрана было чувство одиночества, отединения себя от людей, стремление к природе, гармонии и красоте, целесообразность и истину жизни которой он всегда противопоставлял жизни людей.

Нуайме отмечает, что Джебран был романтиком. Чувства одиночества, смятенности духа, таинственности, мятежности, бунта, протеста, противопоставления себя толпе, стремление уйти в природу, гордость и презрение к толпе, т.е. обывателю, так характерные для великих романтиков типа Байрона, - все это объединяет Джебрана с течением романтизма. Белинский в шестой статье из цикла пушкинских доказывает, что романтизм каждой эпохи имел свой характер, свои особенности. Так, романтизм древней Эллады, отличается от романтизма средних веков: - «Есть в жизни человека пора восточного романтизма; есть пора греческого романтизма; есть пора романтизма средних веков... И не один раз повторяется в жизни человека эта р о м а н т и ч е с к а я история, прежде чем достигает он до нравственной возможности найти своему успокоенному сердцу надежную пристань в этом

вечно волнуемся мире неопределенных внутренних стремлений. И тяжело дается человеку эта нравственная возможность: дается она ему ценою разрушенных надежд, несбывшихся мечтаний, побитых фантазий...» (109)

В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» Белинский основательно разбирает повести эпигона русского романтизма – А.Марлинского. Еще более подробно анализирует критик творчество А.Марлинского в специальной статье «Полное собрание сочинений А.Марлинского». В обеих статьях Белинский ставит в вину писателю отсутствие истинного вдохновения, поэзии. У него вдохновение насильственное, мятежное, бурливое, раздражительное. Чувства, выраженные у этого писателя, – насыщенные, утрированные. Образы – неестественные, гиперболизированные. «Поэт может изображать и страсть, потому что она есть явление действительности, но, изображая страсть, поэт не должен быть в страсти... подобные произведения не удовлетворяют разуму, потому что в них все произвольно, все условно». (110)

Конечно же, романтизм Джебрана – это не романтизм Марлинского. У Джебрана чувства необычайно искренне, его произведения переполняют глубокие философское содержание, мысль. Истинная боль, негодование его стихов и эссе выстраданы, «выходят из глубины оскорбленного духа», как сказал Белинский о некоторых стихотворениях Лермонтова. Романтизм Джебрана по духу и смыслу скорее можно приравнять к романтизму Лермонтова. Тут важна, конечно, степень одаренности, таланта, чего явно не хватало Марлинскому. Да и эпоха русской жизни 30-х годов требовала романтизма типа Лермонтова, отразившего трагизм русских передовых людей после подавления декабристского восстания 1825 г., оказавшихся не только под топором террора, но и потерявших революционные перспективы – идея дворянской революции была разбита навсегда, идея народной революции по определенным историческим причинам – не могла еще даже проклюнуться.

Нуайме в своей статье о Джебране также развертывает мысль об исторической обусловленности проявления лирики Джебрана, с большой художественной силой выразившего потребности проснувшегося ливанского народа. Но об этом уже было сказано.

Интересную мысль высказывает Нуайме и в том, когда он утверждает, что, в сущности, все персонажи творчества Джебрана, хотя и носят разные имена, все они воплощают в себе образ самого поэта: «Несмотря на то, что

имена у них разные, это имена одного и того же человека, и человек этот – Джебран Халил Джебран». (111) Это неумение объективности от себя героя, наделяя его всегда основными чертами своей личности – первый и самый главный признак романтика. На это указывал еще Пушкин, когда писал, что Байрон наделил всех героев своих поем своими же чертами: «Байрон, это был Прометей нашего века, прикованный к скале, терзаемый коршунном: могучий гений на свое горе заглянул вперед, - и, не рассмотрев за мерцающей далью обетованной земли будущего, он проклял настоящее и объявил ему вражду непримиримую и вечную; нося в груди своей страдания миллионов, он любил человечество, но призирал и ненавидел людей, между которыми видел себя одиноким и отверженным, со своею гордою борьбою, со своею бессмертной скорбью». (112)

Как это место из статьи Белинского перекликается со следующими словами из статьи Нуайме о Джебране: «В том и кроется источник горечи в сердце Джебрана и печали в его душе: он, чья душа пробудилась, увидел, что его окружают души, которые по-прежнему безмятежно спят в объятиях жизни, и он пытается разбудить их, но они не просыпаются, - и тогда он находит их странными, порицает, ненавидит, их и в конце концов восстает против них. Порой ненависть доводит его до безумного преувеличения в порицании и протесте... (113)

Статья Нуайме о Джебране, несмотря на некоторые идеалистические свои положения, особенно в той части, где он пишет о сущности поэта и его признании, - свидетельство глубокого проникновения критика в сущность истинно художественного произведения, глубоко поэтического умения понять и раскрыть и выявить то главное, в чем заключается ценность произведения. Как нам представляется, и в данном случае Нуайме показал, как глубоко творчески и органично повлияли на него школа. В.Белинского – критика.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. И.Ю.Крачковский, Автобиография Михаила Нуайме. Избр.соч., т. III, М., - Л., 1956, с. 224-225.
2. М.Нуайме. Мои семьдесят лет. Пер. с арабского М., 1980, с. 208.
3. И.Ю.Крачковский. Арабская литература в XX. Избр. соч., т. III, с.94.
4. И.Ю.Крачковский. Над арабскими рукописями. М., 1965, с. 78.
5. И.Ю.Крачковский Автобиография Михаила Нуайме, Избр. соч. т. III, с.223.
6. Нуайме. Мои семьдесят лет, с. 176.
7. В.Г.Белинский. Идея искусства. Избр.соч. М.-Л., 1949, с. 257 (Далее цитаты приводятся по этому изданию)
8. В.Г.Белинский. Стихотворения М.Лермонтова. Избр.соч. с. 194.
9. В.Г.Белинский. Полное собрание сочинения А.Марлинского. Избр. соч. с. 135.
10. В.Г.Белинский. Избр.соч. с. 195.
11. В.Г.Белинский. Сочинения Державина, Избр. соч. с. 432.
12. В.Г.Белинский. Общая идея народной поэзии, Избр. соч. с.302.
13. В.Г.Белинский. Русская литература в 1841 году. Избр.соч. с. 324.
14. В.Г.Белинский. Полное собрание сочинений А.Марлинского. Избр. соч. с. 140.
15. В.Г.Белинский. Стихотворения Владимира Бенедиктова. Избр.соч. с. 86.
16. Нуайме. Ал-гербалату. Сб. Решето. Бейрут, 1964, с. 13-23. (Далее цитаты приводятся по этому изданию).
17. Там же, с. 15.
18. Там же.
19. В.Г.Белинский. Избр. соч. с. 66.
20. Там же, с. 80.
21. М.Нуайме, Решето, с. 17.
22. Там же, с. 20.
23. В.Г.Белинский. О русской повести и повестях г. Гоголя. Избр. соч. с. 66.

24. М.Нуайме. Михвару-л-адаб. Решето, с. 23-28.
25. Там же, с. 23.
26. Там же, с. 24-25.
27. В.Г.Белинский. Общее значение слова литература. Избр.соч., с. 270.
28. Там же, с. 269.
29. Там же, с. 293.
30. В.Г.Белинский. Стихотворения М.Лермонтова. Избр. соч. с. 193.
31. М.Нуайме, Решето, с. 26-27.
32. М.Лермонтов. «Поэт», Собр. соч. т. I, М., 1957, с. 25.
33. В.Г.Белинский. Избр. соч. с. 210.
34. М.Нуайме. Ал-макайису-л-адабийа. Решето, с. 65-74.
35. Там же, с. 70.
36. Там же, с. 70.
37. Там же, с. 71.
38. Там же, с. 73.
39. В.Г.Белинский. О русской повести и повестях г. Гоголя. Избр. соч., с. 68.
40. Там же, с. 70.
- 40а. В.Г.Белинский. Разделение поэзии на роды и виды. Избр.соч, с. 224.
- 40 б. М.Нуайме. Шайр ва шир. Решето, с. 55.
- 40 в. Там же, с. 56.
41. М.Нуайме. Решето, с. 77.
- 41 а. Маваллун – народная песня, романс.
42. М.Нуайме. Решето, с. 79.
43. В.Г.Белинский. Сочинения Державина. Избр. соч., с. 435.
44. В.Г.Белинский. Горе от ума, Избр. Соч., с. 96.
45. В.Г.Белинский. Стихотворения М.Лермонтова. Избр.соч., с. 192.
46. В.Г.Белинский. Полное собрание сочинений А.Марлинского. Избр. соч. с. 135.
47. М.Нуайме. Решето, с. 80.
48. Там же, с. 82.
49. В.Г.Белинский. Стихотворения М.Лермонтова. Избр. соч., с. 194-195.
50. М.Нуайме. Решето, с. 84.
51. Там же, с. 85.
52. М.Нуайме. Ал-хабахиб. Решето., с.37-64.

53. Там же, с. 38.
 54. Там же, с. 44.
 55. Там же, с. 46.
 56. Там же, с. 48.
 57. Там же, с. 52.
 58. Там же, с. 104.
 59. Там же, с. 106.
 60. М.Нуайме. Аз-зихафат ва-л-илал. Решето, с. 107-125.
 61. М.Нуайме. Решето, с. 108.
 61а. «Аз-зихафат» и «ал-илал» - термины, обозначающие допустимые теорией аруза отклонения от стихотворного метра в арабской классической поэзии. Зихаф (мн.ч.зихафат; букв.: «ослабление») факультативное отклонение в неконечных стопах стиха; илла (мн.ч. илал; букв.: «болезнь») – отклонение в конечных стопах стиха.
 61. М.Нуайме. Решето. с. 108
 62. Там же.
 63. Там же, с. 115.
 64. В.Г.Белинский. Герой нашего времени. Избр.соч. с. 147.
 65. В.Г.Белинский. Стихотворения М.Лермонтова, Избр. соч. с. 190.
 66. Там же, с. 221.
 67. М.Нуайме. Решето, с. 117.
 68. М.Нуайме. Ар-ривайа-т-тамсилыйа ал-арабийя. Решето с. 29-30.
 69. В.Г.Белинский. Избр. соч. с. 226.
 70. М.Нуайме. Решето, с. 30.
 71. Там же, с. 31.
 72. В.Г.Белинский. О театре. М., 1982, с. 21.
 73. М.Нуайме. Решето, с. 73.
 74. Там же, с. 35.
 75. Там же, с. 36.
 76. М.Нуайме. Решето, с. 127-144.
 77. Там же, с.127.
 78. Там же, с. 128.
 80. Там же.
 81. Там же, с. 139.
 82. Там же, с. 142.
 83. М.Нуайме – Ад-дуррату-ш-шаукийя. Решето, с. 145-154.
 84. Там же, с. 149.
 85. М.Нуайме. Ар-Рейхани фи-алим аш-шир. Решето, с. 163-169.
 86. Там же, с. 164.
 87. Там же.
 88. В.Г.Белинский. Избр. соч. т. 994.
 89. Там же.
 90. М.Нуайме, Решето, с. 168.
 91. Там же, 169.
 92. Там же, с. 170-177.
 93. Там же, с. 170.
 94. Там же.
 95. Там же, с. 175.
 96. Там же, с. 176.
 97. Там же, с. 143.
 98. Там же, с. 182.
 99. В.Г.Белинский. Избр. соч. , с. 636.
 100. Там же, с. 503.
 101. В.Г.Белинский. Русская литература в 1845 году. Избр. соч., с. 789.
 102. М.Нуайме, Решето, с. 147.
 103. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, Л., 1911, с. 260.
 104. Там же.
 105. Там же, с. 261.
 106. Там же, с. 262.
 107. Там же, с. 263.
 108. Там же.
 109. В.Г.Белинский. Сочинения А.Пушкина, Избр. соч. с. 500.
 110. Там же, с. 140.
 111. Арабская романтическая проза. с. 268.
 112. В.Г.Белинский. Русская литература в 1842, г. Избр.соч., с. 414.
 113. Арабская романтическая проза, с. 270.

ИСТОКИ АРАБСКО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Как бы не были территориально изолированы страны Ближнего Востока от России, ограждаемые от ее влияния не только расстоянием, но и общей своей отсталостью и конкурирующей пропагандой таких стран Европы, как Англия, Франция и Германия, но и они не могли остаться в стороне от влияния передовой русской культуры. Особенно отчетливо начало ощущаться это влияние представителями арабской интеллигенции в эпоху просветительства, пробуждения национального самосознания в начале XX в.

Вообще процесс взаимодействия культур разных народов, эпох, стран способствует восприятию различных духовных ценностей в общем процессе развития мировой цивилизации и является неотъемлемой составной частью всеобщего прогресса.

И хотя русское культурное влияние на арабском Востоке ощутимо проявляет себя уже с конца XIX века, истоки его восходят еще к началу этого века, когда в Сирии и Палестине активизировалась деятельность духовных миссий из различных европейских стран.

Первыми миссионерами на арабском Востоке были католики. Их деятельность направлялась и поддерживалась Францией. Обосновавшись в Сирии и Палестине, они открыли там много школ и семинарий. В 1820 г. в Бейруте появились и первые американцы - просветители. Они основали Сирийской протестантский колледж, впоследствии преобразованный в знаменитый Американский университет в Бейруте.

С 40-х годов XIX в. в Палестине при православном иерусалимском патриархе начала свою деятельность русская духовная миссия. "Россия не имела непосредственных захватнических целей в Сирии и Палестине - пишет В.Б.Луцкий, - и, учреждая духовную миссию, хотела укрепить свое влияние на православное население Балканского полуострова"¹.

Первую русскую духовную миссию в Палестине возглавил исследователь Ближнего Востока епископ Порфирий (Ф.И.Успенский, 1804-1885). Благодаря его усилиям мировая наука обогатилась собранием уникальных восточных рукописей, которые пробудили интерес русской и зарубежной об-

щественности к истории, культуре и экономике Палестины и сопредельных с ней стран. "Он (Ф.И.Успенский - А.И.) одним из первых обратил внимание на исторические памятники христианско-арабской литературы и сохранил от забвения немалое количество имен, опубликовав в извлечениях на русском языке ряд: открытых им хроник"².

В 1843 г. по поручению Министерства иностранных дел и Синода Порфирий Успенский был направлен в Святую землю для ознакомления с положением православных арабов, проживавших в Палестине и соседних странах. Их материальное положение и культурный уровень были чрезвычайно низкими: они остро нуждались в помощи и нравственной поддержке. Первые русские миссионеры, поддержав сирийско-палестинское обращение к России, и, опираясь на поддержку генерального консула России в Бейруте К.М.Базали и архимандрита Порфирия Успенского, развернули благотворительную деятельность среди православных арабов. Своей основной задачей они считали создание новых церквей, школ и больниц. И надо отметить, что русские миссионеры в этом направлении добились немалых успехов: были созданы школы в Дамаске, Бейруте, Триполи, Иерусалиме, а в 1852 г. в Иерусалиме была открыта первая типография.

Однако деятельность русских православных миссионеров и их покровителей в лице европейски образованного К.М.Базили и ученого-архимандрита П.Успенского была направлена в основном на распространение учения православной церкви среди арабов. Светское образование отходило на второй план. Даже типография служила для печатания исключительно богословских книг. Ведь надо учитывать, что деятельность первых русских миссионеров происходила в правление Николая I. Тем не менее, и среди миссионеров тех лет было немало людей, знакомых с передовыми идеями и проникнутых просветительским духом. Они и сыграли значительную роль в духовном возрождении арабов, в пробуждении их национального самосознания. "Церковные школы, реформированные и созданные ими, - пишет А. Е. Крымский, - как-никак давали и "юным арабчикам", и их родителям, толчок к дальнейшим стремлениям просветиться и усвоить по больше настоящей, жизненнопригодной науки"³.

Начиная с середины XIX в., с целью более эффективной поддержки православия на Ближнем Востоке, у церковных властей возникла мысль об

образовании православного Палестинского общества. Однако свое реальное воплощение эта мысль получила лишь после посещения Палестины В.Н.Хитрово - инициатором, а в будущем бессменным секретарем Палестинского общества. Несмотря на кратковременность своего пребывания в Иерусалиме, В.Н.Хитрово досконально ознакомился с положением православных арабов, изучил деятельность русской миссии в Палестине.

Возвратясь в Россию, В.Н.Хитрово стал активно содействовать образованию Палестинского общества. Он выступал в печати с сообщениями об этой стране, организовал публичные лекции, читал интересные доклады. Так, 23 марта 1880 г. в зале Императорского географического общества на заседании Петербургского отдела общества любителей духовного просвещения состоялся доклад В.Н.Хитрово на тему: "Православие в Святой земле". Им же была выдвинута идея создания "учено-археолого-политико-филантропического палестинского комитета", который в дальнейшем преобразовался в Палестинское общество.

Необходимость создания Палестинского общества В.Н.Хитрово связывал с тремя целями: ознакомить русское общество с Палестиной и поддерживать в нем интерес к Святой земле; помочь улучшению духовного и нравственного быта сторонников, православия на Ближнем Востоке и содействовать распространению православия среди арабов.

Интерес к палестинскому вопросу был так велик, что в мае 1881 г. князь Сергей Александрович (основатель и первый председатель Императорского Палестинского общества), Павел Александрович и Константин Константинович (в будущем президент Академии наук) посетили эту страну. "... Эти "высочайшие особы" познакомились на месте с вредными для "русских" замыслов успехами латинской протестантской пропаганды и с хищническим характером чужеземной греческой иерархии в арабских землях, сумели независимо от самолюбивых взглядов министерства иностранных дел добиться основания (1882). Православного палестинского общества с обязательным защитным титулом «императорское» и с огромными денежными средствами»⁴, отмечает А. Е. Крымский.

Итак, 21 мая 1882 г. было создано Православное Палестинское общество. Протокол первого общего собрания гласил: "Православное Палестинское общество, по получении утвержденного 8 мая сего года устава общества,

...постановило: 21 мая сего года в 2 часа дня, открыть свои действия, о чем были предварительно уведомлены все члены учреждения общества"⁵.

К марту 1883 г. общество имело 100 почетных и 300 действительных членов, а заурядных членов-сотрудников в неограниченном количестве. 24 марта 1889 г. Православному Палестинскому обществу было присвоено наименование Императорское, и все права и обязанности Азиатского Департамента Министерство иностранных дел Палестинской комиссии были переданы обществу.

Как было указано в проекте Устава, основной целью общества было: собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о Святых местах Востока; оказывать пособие православным паломникам этих мест; учреждать школы, больницы и странноприимные дома; а также оказывать материальную помощь местным жителям, церквям, монастырям и духовенству.⁶

В помощь русским паломникам в Палестине со стороны Общества входило устройство для них постоялых дворов, больниц, оплата путевых расходов, издание путеводителей.

Одной из основных задач общества была организация просветительского дела. С этой целью открывались новые школы, причем не только в крупных городах, но и на периферии, приобретались учебные пособия, книги, карты, письменные принадлежности, форма для учащихся и пр. При этом пользоваться книгами и учебными пособиями разрешалось не только ученикам или членам общества, но и всем желающим» Это достаточно характеризовало культурно-просветительскую деятельность общества. Советский арабист Д.В.Семенов (1890-1943) отмечает, что деятельность эта распространилась «в духе русского официального православия, среди православной части арабского населения Палестины, а затем и Сирии».⁷ В свою очередь, религиозные нужды паломников обслуживались русской духовной миссией в Иерусалиме, во главе которой стоял русский архимандрит.

С деятельностью Палестинского общества тесно связаны имена таких крупнейших русских ученых-востоковедов, как проф. К.А.Медников, акад. И.Ю.Крачковский, известный семитолог и гербиалист акад. П.К.Ковковцев, академики Н.Я.Марр, Ф.И.Успенский, Н.П.Кондаков. В 1691 г. общество организовало первую археологическую экспедицию в Палестину и Сирию, ко-

торию возглавил Н.П.Кондаков. В 1903г, выходит первая фундаментальная работа по истории и культуре Палестины "Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов", написанная Н.А.Медниковым.⁸ О деятельности Н.А.Медникова в разработке новой учебной программы для русских миссионерских школ будет сказано ниже.

Православное Палестинское общество имело свой устав и свою официальную печать. Правительство ежегодно субсидировало его. Все эти придало обществу характер официального учреждения и государственное значение. Из отчетов общества видно, что преимущественное внимание было обращено на культурно-просветительскую деятельность. Так, одной из главных статей расхода обществу, являлось содержание учебных заведений в Палестине и Сирии, "Для местного населения самую существенную, самую необходимую потребность составляют народные школы, - пишет А.А.Дмитриевский, русский филолог, профессор Киевской духовной Академии. Он несколько раз побывал в Палестине с целью инспектирования русских школ. По поручению совета общества им была составлена Историческая записка, характеризующая всю деятельность общества за 1882-1907 гг.

Первая русская миссионерская школа была открыта 6 декабря 1882 г. в селении Мджель, недалеко от Назарета, где жило около 160 православных арабов.

Причина возникновения школы была такова. Общество через четыре месяца после своей организации получило известие о том, что жители селения Мджель, ранее перешедшие в протестанство потому, что патриархия не содействовала им в постройке церкви и школы, изъявили желание опять вернуться к православию, если просьба их о создании церкви и школы будет удовлетворена. Общество выразило на его свое согласие и приступило к постройке церкви, а вскоре открыло и свою первую сельскую школу. Школа, эта, производила, однако малоутешительное впечатление. Повещалась она в небольшом, бедно обставленном и темном помещении, вмещавшем не более 10-12 учеников. Преподавались здесь закон божий, арабский язык, арифметика и чистописание.

На следующий год открылись еще три школы в селениях Аккского округа ар-Рама, Кафр Ясир и в аш-Шаджаре. В каждой из этих школ было всего по одному преподавателю русского языка. Программы школ во многом были

близки к программам светских школ России. Как и в последних, преподавание закона божьего и священной истории было для них обязательным.

М.Науйме в первой части своей автобиографической трилогии так описывает открытие первой русской бесплатной школы в его родном деревне Бискинта: "Московский - прилагательное от "Москва" - превратилось постепенно в нашем языке в "Москоби". И Россия стала известна у нас под именем "страна Мискоб. «Мискоб открывает школу в Бискинте! Да поможет им бог!

Весть разнеслась по городку, как разливается свет в зорю. Православные встретили ее с радостью и гордостью. Это не удивительно. Жители Ливана в те времена, когда страна была османской провинцией, привыкли к тому, что Россия была традиционной покровительницей православных, Франция - маронитов, Англия - протестантов и друзей, а Турция - мусульман. Но Россия превзошла своих соперниц потому, что открывала бесплатные школы для православных Палестины, Сирии и Ливана, и эти школы по своим программам и организации соответствовали новейшему образцу. В каком городе будет открыта русская православная школа, обуславливалось лишь суммой пожертвований на постройку здания, подходящего к школе. Учитель, книги, тетради, чернила и карандаши, мебель и содержание администрации школы - все это было бесплатно".⁹

Новая русская школа совсем не походила на старую сельскую школу. Опыт работы первых русских школ ясно показал обществу, что, просветительской деятельностью можно успешно заниматься только при наличии подготовленных учителей и соответствующих материальных средств. Требовалось, по меньшей мере, еще два года для завершения учебы первых выпускников мужского пансиона, после чего они смогли бы приступить к самостоятельной педагогической деятельности. Бывало и так, что для преподавания в миссионерских школах из России приглашались молодые педагоги, питомцы русских учительских, институтов и учительских семинарий. Иногда сюда приезжали даже выпускники восточного факультета Петербургского университета или Московского Лазаревского института восточных языков.

Во время своего пребывания в Сирии акад. И.Ю.Крачковский часто посещал школы Палестинского общества. Вот какое впечатление оставили они у него: "Попадая в какую-нибудь деревушку на Ливане, я прежде всего осве-

домлялся, нет ли по соседству "Медресе Москоби-йе" Русской школы, - и поскорее стремился побывать там... Велико было значение этих маленьких, часто бедно обставленных школ. Через учительские семинарии Палестинского общества проникали и сюда вынесенные из России великие заветы Пирогова и Ушинского с их высокими идеалами. По своим педагогическим установкам русские школы в Палестине и Сирии часто оказывались выше богатого оборудованных учреждений разных западно-европейских или американских миссий. Знание русского языка редко находит себе практическое применение в дальнейшей деятельности питомцев, но прикосновение к русской культуре, русской литературе оставляло неизгладимый след на всю жизнь. Сила книги обнаруживалась здесь во всей своей мощи, и недаром так много современных писателей старшего поколения, не только переводчиков с русского, но и творцов, сказавших свое слово для всего арабского мира, вышли из школ Палестинского общества".¹⁰

Высоко отзываясь об этих школах и Халмл Бейдас, выпускник русской семинарии в Назарете, в дальнейшем известный арабский переводчик произведений русских классиков. "... В те далекие дни, русские школы в Палестине, безусловно, были самыми лучшими. Вот почему мой отец - богатый назаретский купец - решил отдать меня в русскую школу, когда я достаточно подрос".¹¹

Открытие первой начальной женской школы в Назарете состоялось в 1865 г. Русский язык здесь преподавала М.С.Савельева. Отметим, что привлечь в Палестину и Сирию русских учительниц было делом нелегким, ибо условия, которые общество в состоянии было им предложить, были не настолько заманчивы, чтобы заставить их бросить родину и уехать на чужбину. Приглашались в основном выпускницы петербургских женских гимназий. Эти учительницы в скором времени снискали себе большую привязанность и любовь своих арабских учениц.

Одной из таких учительниц была М.А.Черкасова, начальница школы для девочек в Бейруте. В.Н.Хитрово высоко оценивает ее деятельность в своем отчете председателю общества. "Незвизрая на то, что М.А. приехала в Бейрут, не зная ни одного арабского слова, ею достигнуты изумительные результаты. Желая обеспечить детям, обучение арабской грамоты, она применила к ней звуковую методу, нашла возможным параллельно вести обучение

арабского и русского языков... Невольно поражаешься тем чистым материнским, добрым чувствам, с которыми М.А. относится к ученицам и учительницам, и любовным отношениям их последних к ней...".¹²

Но, к сожалению, приезжих учительниц было мало, постоянно ощущался недостаток наставниц, а подготовка кадров из местных жителей оставалась по-прежнему далеко не решенной проблемой.

Первая женская школа, созданная обществом, разделялась на три класса, имела твердую программу и расписание занятий. Число учащихся в них колебалось между 100 и 200. Почти все ученицы были православными. Кроме постоянных учениц, школу вольно посещали взрослые девушки, и даже замужние женщины.

И в женских школах изучались не только богословские и чисто религиозные науки, но и чисто светские, имеющие общественное значение. К сожалению, после окончания школы ученицы часто забывали то, чему они в ней учились; обыденная жизнь, и семейные заботы целиком вытесняли все. Учениц особенно интересовал такой предмет, имеющий сугубо практическое значение, как рукоделие, которое должно было весьма пригодиться им в домашнем быту. Но нельзя утверждать, что следы пребывания в школе исчезали и что оно не оказывало определенного влияния на взгляды и мировоззрения этих женщин.

Некоторые питомицы этой школы и школы в Бейт Джале и в дальнейшем сотрудничали с арабскими переводчиками и в арабских периодических изданиях.

Известная советская арабистка К.В.Оде-Васильева (Кулсум Наср Оде), уроженка Назарета, окончила русскую миссионерскую школу в Бейт Джале (около Вифлеема) и работала преподавательницей русского языка в назаретской женской школе. В 1914 г., во время летних каникул "она приехала познакомиться с Россией и, задержанная войной, осталась у нас на всю жизнь".¹³ Другая выпускница русской школы. Полагая Дафиш (Баладжийа Халил Дафиш) занималась переводами русских классиков на арабский язык.

В 1886 году в Назарете была открыта мужская учительская семинария с интернатом, ставившая своей целью подготовку кадров учителей для городских и сельских начальных училищ Общества. Педагогом русского языка и в то же время директором этой семинарии уроженец Дамаска, окончивший

курс в Петербургской духовной Академии, Александр Гаврилович (Искандер Джабраил) Кезма (1860-1935).

Вся деятельность этой семинарии была тесно связана с именем А.Кезмы, который приобрел славу прекрасного педагога. "Искендер Джебраил Кезма, или муаллим Искандер, как называли его мы... дамаскинец по происхождению, был тем, кому поручили руководство учительской семинарией Назарета с момента ее основания в конце прошлого века и до вступления Турции в первую мировую войну и закрытия всех русских учреждений на Востоке, - пишет М.Нуайме. - Он был хорошим управляющим, под его руководством школа расцветала и выпускала высокообразованных учителей. У Искандера Кезмы, хотя на его лице очень редко появлялась улыбка, было в действительности большое отеческое сердце. Он входил в состав первой группы арабов, которым довелось учиться в Российской империи. Помимо обязанностей директора, он преподавал закон божий во всех трех классах школы..."¹⁴

После окончания первой мировой войны, когда Императорское Православное Палестинское общество прекратило свое существование, А.Кезма, уже известный культурный деятель, русофил, собрал воедино книги всех библиотек русских школ Сирии и Палестины и создал из них одну большую и богатую библиотеку, которой заведовал до конца своей жизни.

Уместно здесь упомянуть и имя брата Александра Гавриловича, Тауфика Кезмы (1862-1958), выпускника Киевской духовной семинарии. В 1926 г. в Киеве вышла его книга по грамматике арабского языка, которая, по словам И.Ю.Крчковского, "полезна своим популярным изложением, приуроченным для начального практического изучения"¹⁵

Программа обучения в Назаретской мужской семинарии была почти та же, что в женской школе, только рукоделие здесь было заменено уроком ремесла. Во время этих уроков ученики занимались плотничеством, портняжничеством, а основное время уделялось переплетению учебных книг пансионата.

Интересно отметить, что одним из преподавателей русского языка в Назаретской семинарии был русский писатель и журналист С.С.Кондурушкин (1874-1914). Окончив Казанский учительский институт, он уехал в Сирию и Палестину, преподавал в русских школах и одновременно был помощником инспекторов этих школ. В 1902 г. в журнале "Русское богат-

ство" появилась серия рассказов С.С.Кондурушкина под названием "Из скитаний по Сирии", которые содержат богатый этнографический материал о Сирии и Ливане,

С.С.Кондурушкин был не единственным энтузиастом, приехавшим в арабские страны для обучения арабских детей русскому языку. Таких, присланных из России для преподавания в школах Общества, передовых, просвещенных и гуманных педагогов и преподавателей было немало, и они оказывали благотворное влияние на воспитанниках школ.

Воспитанники проходили четырехлетний курс обучения. Выдержавший выпускной экзамен получал от Общества диплом и серебряный значок. Отличившиеся, наиболее талантливые ученики могли рассчитывать, что для дальнейшего продолжения образования их пошлют в Россию, в одну из духовных семинарий. Несмотря на то, что основа образования в русских семинариях носила чисто церковный характер, арабы, попадая в них, обычно знакомились и с русской культурой, с лучшими образцами русской словесности "На рубеже XX в. сильно растет число молодых арабов из Сирии и Палестины, кующих в Россию получать высшее, а иногда и среднее образование. Попадали они не всегда в такие крупные центры, как Петербург, Москва, Харьков или Киев, а часть оказывались в провинциальных: городах, вроде Полтавы или Глухова с его учительским институтом. Здесь они могли ближе присмотреться к русской жизни и по возвращении на родину несли уже непосредственное знакомство с русской литературой, в первую очередь, конечно, с классиками"¹⁶

Первым выпускником-отличником Назаретской семинарии был Константин Кенази, в дальнейшем переводчик с русского языка. В 1890г. в качестве стипендиата Общества он был послан в Киевскую духовную семинарию, а после этого закончил Глуховский учительский институт. По возвращении на родину он работал преподавателем в учительской семинарии Назарета. "Этот учительский институт в Назарете, - пишет И.Ю.Крчковский, - имел большую заслугу, распространяя знакомство с русской литературой в арабских странах. Кроме упоминаемых в дальнейшем писателей¹⁷, из него вышли не менее известные переводчики, такие как Селим Кобеин (редактор "ал-Иха" в Каире), Халил Бейдас (редактор "ал-Нафис ал-асриййа" в Хайфе и Иерусалиме), Антуат Баллан, Константин Кенази и др."

К школьной деятельности в Сирии Общество приступило несколько позднее, чем в Палестине. Это, в первую очередь, объясняется материальными затруднениями, но также и тем, что многие члены Общества считали, что их первоочередный долг - развернуть деятельность, прежде всего в Палестине.

"Деятельность в Сирии началась с передачи Обществу антиохийским патриархом Спиридоном в 1897 г, 23 школ. Через два года количество школ Общества в Сирии уже дошло до 64, причем в обязанность местных православных общин входило предоставление для школы соответствующего помещения; оборудование же школ, снабжение их учебными принадлежностями и содержание педагогического персонала лежало на Палестинском обществе. Ранее других в Сирии возникли бейрутские школы Общества"¹⁹

В палестинских, а также и в сирийских миссионерских школах ведущим и основным языком служил арабский, и преподавался этот язык, следует признаться, весьма добросовестно. С историей арабской классической литературы учеников знакомила известная хрестоматия Петербургского профессора-арабиста Ф.В.Гиргаса (1835-1887), переведенная на арабский язык М.О.Аттаею, преподавателем Московского Лазаревского института восточных языков. Наряду с арабским большое значение придавалось изучению русского языка. Проф. А.А.Дмитриевский, высказывая свое мнение по вопросу о преподавании русского языка и русской литературы в учительских семинариях общества, отмечает, что "русский язык должен бы служить для них (арабов - А.И.) главным и верхней средством в их дальнейшем умственном и нравственном развитии"²⁰

Прогрессивные люди Сирии и Палестины придавали большое значение русским миссионерским школам и всеми силами содействовали изучению русского языка в этих арабских странах. Сириец по происхождению, питомец Московского университета и Казанской духовной Академии, доктор Юлиан Халеби при посещении Хомских школ Общества, обращаясь к учащимся и учителям, говорил: "До самого последнего времени, господа, изучение русского языка в русской школе казалось здешнему населению, имеющему на все узко утилитарный взгляд, чем-то лишним. Красота вообще, и в частности, красота русского языка, живого, гибкого, мощного тургеневского языка, не может быть понятной народу, для которого на первом плане стоит вопрос о куске хлеба. Образование, по его убеждению, должно, прежде всего дать

средства к существованию, а русский язык, в этом смысле у нас в Сирии далеко уступает французскому и английскому, ввиду непрерывных и широких торговых отношений с Францией и Англией, не говоря уже об эмиграции в Америку, размеры которой вам хорошо известны. Отсюда вывод вполне ясен: чтобы русский язык занял в Сирии место наряду с французским и английским, надо завязать и укрепить, и расширить торговые сношения с Россией и Турцией и ее европейскими азиатскими провинциями."²¹

С целью поддержания интереса среди населения к изучению русского языка и литературы Совет общества решил произвести большую реорганизацию в школах, пересмотреть учебные программы, широко ознакомить учащихся с историей, литературой, бытом России. Решили также практиковать публичные чтения, организовывать выставки книг и картин, расширить издательскую деятельность Общества, систематически переводить произведения русских классиков на арабский язык, создать в школах хорошо оснащенные библиотеки с образцами русской народной и классической литературы.

Особое усердие высказывали сами учителя русского языка, они самоотверженно отдавали все свои силы, знания и опыт, чтобы привить учащимся интерес и любовь к русскому языку. Они старались поставить изучение его на более жизненную, практическую почву.

Таким образом, невольно убеждаешься в том, что основная масса учащихся поняла, что "русский язык не главная цель в их тяжелом труде, который потом, по выходе из семинарии, должен пропасть даром, но могущественное орудие для их самообразования, средство приобщить себя к культуре той благодающей и издавна покровительствующей нации, богатая литература которой в конце XIX и в начале XX века сделалась предметом серьезного изучения всех образованных европейских народов"²²

Пробудившийся и затем укрепившийся интерес учащихся к изучению русского языка и русской литературы подтверждается и в дневнике Нуайме, который на себе испытал увлеченность русской словесностью. «Того немного, что я прочел, было достаточно, чтобы зажечь в моей душе огонь стремления, углубиться в изучение основ русского языка и литературы»²³ Уровня знаний русского языка выпускников последующих лет оказалось настолько высоким, что многие из выпускников даже пытались перевести произведения русских классиков. До первой половины XIX в. у арабов еще

не существовало произведений русской литературы в переводе на родной язык. "Первая статья о русской литературе на основе английских материалов была помещена в арабской энциклопедии 70-х годов, изданной в Бейруте",²⁴ - пишет И.Ю.Крачковский. «С изящной русской литературой (Пушкиным, Гоголем, Тургеневым и другими классиками) Сирия времен Палестинского Общества»... приобретала, знакомство, прежде всего учебным путем, на школьных скамейках училищ Палестинского общества и одновременно через библиотеки, заведенные при русско-палестинских школах и далеко не бедные подбором русских книг²⁵, - читаем у А.Е.Крымского.

Единичные переводы русских писателей на арабский язык и непосредственное знакомство арабов с русской литературой начинают чаще встречаться с 60-х годов прошлого столетия. Вполне можно согласиться с мыслью о том, что "в значительной мере здесь сыграла роль Назаретская учительская семинария, ... которая дала; несколько серьезных знатоков русского языка и литературы"²⁶.

С этой мыслью перекликаются и высказывания А.А.Долиной о том, что «впервые переводы произведений русских писателей появляются в арабских странах на рубеже XIX-XX вв., и появление их связано с культурной деятельностью Русского Палестинского Общества».²⁷

С первого же десятилетия XX в. начались почти регулярные переводы русских классиков - Пушкина, Тургенева, Гоголя, Достоевского, Толстого. Вначале эти переводы были очень несовершенны и являлись своего рода voluntary переложением. Но постепенно их уровень возрастал, переводы становились более квалифицированными и современными.

В общей массе перевода русской литературы на родной язык со стороны переводчиков-арабов необходимо выделить роль выпускников русских миссионерских школ, в частности, Назаретской учительской семинарии, выпускники которой внесли немалый вклад в развитие русско-арабских культурных связей и пропаганду русских переводов идей, на арабском Востоке.

Два почти одновременных перевода басни И.А.Крылова стали первыми произведениями русских писателей, переведенными на арабский язык. Один из переводов принадлежит Абдуллаху Кельзи, арабу по происхождению, приехавшему в Россию еще*18-летним юношей. Впоследствии он стал преподавателем арабского языка в Петербургском универси-

тете и вошел в историю русского востоковедения как Федор Иванович Кельзи (1819-1912). Он сделал подстрочный перевод 10 басен Крылова и включил их в качестве приложения к своему учебнику «русско-арабские общечеловеческие разговоры», изданному в 1868 г. в Петербурге.

Именно благодаря этому переводу творчеством И.А.Крылова заинтересовался профессиональный литератор, уроженец Алеппо, Ризкаллах Хассун ал-Халаби (1825-1880), которому и принадлежит второй перевод. Р.Хассун перевел 41 басню Крылова, которые поместил в литературно-политическом сборнике "Нафаса" ("Брызги", Лондон, 1867 г.). Сборник этот попал в черный список турецкой цензуры и поэтому басни Крылова не смогли стать известными широкому кругу арабских читателей.

Более обстоятельное и серьезное знакомство с русской литературой мы наблюдали у арабов уже в конце XIX столетия. В первое время переводы образцов русской литературы помещались в периодических изданиях Сирии и Ливана.

Первым прозаическим произведением, переведенным на арабский язык, была "Капитанская дочка" А.С.Пушкина. Перевод был выполнен Халилом Бейдасом в 1900 г., вероятно, в связи со столетним юбилеем со дня рождения поэта.

Переводчиком А.С.Пушкина в 20-х годах был Селим Кобейн. Он перевел "Арапа Петра Великого" и "Барышню крестьянку" (Каир, 1929г). В 1933 г. был переведен "Выстрел" под названием "Дуэль". Перевод был выполнен Абд ал-Хамидом Луисом. А в 1937 г. Абд ал-Латифом была переведена повесть "Кирджали". Перевод приурочен к столетию со дня смерти Пушкина.

Как отмечает акад. И.Крачковский, приоритет переводчика с русского языка на арабский классиков русской литературы принадлежат Халилю Бейдасу.²⁸ Ему принадлежат переводы из творчества А.П.Чехова; Л.Н.Толстого, А.К.Толстого, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского. Его любимым писателем был Л.Толстой. "Для арабов Лев Толстой, - самый понятный русский писатель, - отмечал Бейдас, - он часто выражает свои мысли в форме притчи - это знакомо арабу".²⁹ Его привлекали именно те произведения этих писателей, где был протест против самовласти монархии, тирании, произвела сильных мира сего и социального угнетения, где ярко выражались пафос борьбы за свободу и патристические идеи. Например, он перевел "Воскре-

сение" Л.Н.Толстого. "Преступление и наказание Ф.М.Достоевского, "Трагедия Бульбу" Н.В.Гоголя, "Князя Серебряного" А.К.Толстого.

В переводе произведений русской литературы на арабский язык и ознакомлении арабов с образцами русской литературы не меньшая заслуга принадлежит Селиму Кобейну - питомцу той же Назаретской учительской семинарии. После завершения учебы в 1901 г. он обосновался в Каире, где занимался публицистической деятельностью и специализировался, в основном, на переводах произведений Л.Н.Толстого. "Владея в совершенстве русским языком, он посвятил часть своих литературных занятий ознакомлению единоплеменников с великими писателями земля русской"³⁰, - так отзывается о нем И.Ю.Крачковский.

В Каире Селим Кобейн на основании исследований произведений Л.Н.Толстого издает свою первую книгу о нем - "Учение графа Д.Н.Толстого" ("Махзаб Толстой", Каир, 1901). За этой книгой последовали переводы "Евангелия" и "Крейцеровой сонаты" (1904 г.). В 1909 г. вышел перевод "Восстановление ада", в 1912 г. - "Изречения Магомета".

Обращение Селима Кобейна именно к творчеству Л.Н.Толстого не было случайным, так как Л.Н.Толстой был одним из тех русских писателей, для которых была характерной, прежде всего, нравственно-дидактическая направленность творчества. Произведения Л.Н.Толстого всегда стояли в центре внимания восточных литераторов, вызывая активный интерес и снискав большую популярность на арабском Востоке. Проповедь нравственного самоусовершенствования, истинного христианства находила живой отклик в душе многих арабов. Поэты посвящали ему стихи, ставя его в ряд с крупнейшими мыслителями Востока, литературоведы писали исследования о его творчестве.

П.Бирюков в своей статье "Толстой и Восток" указывает на то, что "Л.Н.Толстой своими резкими выступлениями и обличениями угнетателей, к какой бы нации или к какому бы классу они не принадлежали, привлек к себе внимание и симпатии угнетенных в разных, самых отдаленных концах земли".³¹

Арабским переводчикам были интересны и понятны и религиозные идеи Толстого, и гуманистический пафос его произведений, и его гневный протест против всякого рода несправедливости, угнетения и, наконец, сама личность писателя-проповедника.

Видное место в переводческой деятельности С.Кобейна занимает и творчестве Максима Горького. О Горьком, в сравнении с другими представителями русской литературы, арабские читатели знали очень немного. Если даже и имелись кое-какие сведения о нем, то они носили обычно поверхностный и случайный характер. Русская революция 1905 года дала значительный толчок более близкому знакомству арабов с М.Горьким. "Начало XX века заставило во всех странах Востока обратить взоры к России. Раскаты заревавшей русско-японской войны гулко отозвались не только на Дальнем, но и Ближнем Востоке. Если она произвела потрясающее впечатление, то все же более вдумчивые наблюдатели и в войне, и в других явлениях быстро увидели предвестников приближающейся революции. Для арабов война прозвучала громко, и отголоски ее слышались еще через десятилетия, даже после Великой Октябрьской социалистической революции", - пишет И.Ю.Крачковский.³² В 1907 г. в Каире С.Кобейн выпустил небольшой сборник, куда вошли четыре произведения Горького: "Король, который высоко держит свое знамя". "Один из королей республики", "Прекрасная Франция" и "О евреях".³³ С. Кобейн снабдил сборник небольшим предисловием, в котором отметил революционную направленность деятельности Горького и ее значение для всего Востока. С.Кобейн характеризует Горького как гласателя русской революции и старается выявить его значение для Востока.

Он представляет Максима Горького арабским читателям как свободомыслящего писателя, писателя-борца и реформатора, известного не только в России, но и во всем мире. Говоря о популярности Горького в западных странах, С.Кобейн пишет: "... Как только появились его речи, руки писателей хватили их с полным восторгом, они торопились перевести их с полным восторгом: они торопились перевести их и печатать, так что его произведения имели в западных странах успех, превосходящий всякое описание. Эти книги имели успех и производили на души жителей Запада такое сильное впечатление, что его не смогли бы писать самые красноречивые писатели".³⁴

Переводческая деятельность Селима Кобейна не ограничивается только вышеперечисленными переводами. Он также проявлял большой интерес к русской детской литературе. О влиянии русской детской литературы на арабском пишет Л.А.Дмитриевский: "Детская арабская литература также питается произведениями русской, детской литературы. В этой области ра-

ботают с успехом питомцы наших семинарий Пелагея Дафиш, Ибрагим Хамбер и Селим Кобеин".³⁵

Следует упомянуть имя еще одного питомца Назаретской семинарии, Антуна Баллана, который сделал также немало в деле распространения русской литературы в арабских странах.

Антун Баллан относится к числу арабов - "академистов". Так, называли тех арабов-семинаристов, которые после завершения учебы на родине при содействии Палестинского общества или православных общин отправлялись в Россию для получения среднего или высшего образования. В дальнейшем эти арабы по-разному определяли свое будущее. Не все командированные возвращались на родину. Часть из них пристраивалась в различных районах Российской империи, служили в ведомствах, в издательствах или же продолжали свою учебу в коммерческих и медицинских вузах. Вернувшиеся по окончании учебы на родину, "академисты" часто становились видными торговыми деятелями, занимали разные религиозные посты или же посвящали свою жизнь изучению русской истории и литературы.

Антун Баллан относился к тем арабам-академистам, которые после окончания учебы в России возвратились на родину и стали проводниками русской культуры, в совершенстве владевший русским языком А.Баллан в начале XX в. начал переводить произведения русских писателей и печататься в различных сирийских провинциальных изданиях.

В то время было очень велико значение именно провинциальных периодических изданий в распространении и пропаганде русской литературы среди местного населения. Так, газета "Хомс" напечатала целый ряд переводов с русского, из которых потом составилась сборник следующего содержания: Лесков - "Зло не победит зла", "Праведный дровосек", "Авраам Жидович"; Чехов - "Дипломант", "Жених и папенька", "Гость", "Интеллигентное бревно", "О вреде табака"; Лев Толстой - "Сколько земли нужно человеку", "Где любовь, там и бог", "Оружие сатаны", "Беседа в тракторе", "К святой земле", "Божье дело", "Камни"; М.Горький - "Старик" и др.

Сборник, на который указывает А.А.Дмитриевский, вышел в 1913г. в Хомсе под названием "Сборник юмористических литературных произведений, принадлежащих перу философа Льва Толстого и прекрасных писателей Чехова, Лескова, Марка Твена и других, переведенных на арабский язык с

русского". Большинство переводов в нем принадлежит А.Баллану. К переводу рассказа М.Горького "Старик" Баллан написал небольшое вступительное слово, где он очень четко определяет значение Горького как революционного писателя.

Здесь следует упомянуть имена представителей еще одной категория арабов-"академистов", а именно тех, кто после окончания учебы осели в России, посвятив свою жизнь и деятельность русской ориенталистике, и вскоре добились больших успехов. К их числу относятся преподаватель Петербургского университета, уроженец Триполи Антун Хашшаб, профессор Назаретской духовной семинарии, иерусалимец П.К.Жузе, преподаватель Киевской духовной семинарии Тауфик Кезма, преподаватель практического арабского языка в Московском Лазаревском институте восточных языков М.О.Аттая, автор научного труда "Новейшая литература арабов".³⁶ К таким деятелям, много способствовавшим развитию арабистики, относится и Г.А.Маркос, много лет бывший секретарем и помощником Порфирия Успенского, Ф.Сарруф и другие. Они обогатили русскую арабистику своими трудами и своей деятельностью сделали очень многое для подготовки отечественных кадров востоковедов, значительно содействовали развитию русско-арабских культурных взаимоотношений. Несмотря на то, что эти люди жили вдали от родины, все они много времени отдавали своей патриотической миссии, жили духовными интересами своей родины, часто выступили на страницах арабской прессы. Польза и значение их трудов заключается еще и в том, что они познакомили своих соотечественников с достижениями русских арабистов.

Имена людей, которые впервые познакомили своих соотечественников с достижениями русской культуры, в частности с лучшими образцами русской классической литературы, не будут забыты ни арабами, ни советскими востоковедами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В.Б.Луцкий. Новая история арабских стран. - М., 1966, с.115.
2. И.Ю.Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. Избр.соч. т.V. М. - Л., 1958, с.108.
3. А.Е.Крымский. История новой арабской литературы. - М., 1971, с. 303.
4. Там же, с.303.
5. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность (1882-1907 гг.). Историческая записка.- СПб.,1907.с.117.
(Далее: Историческая записка ИППО).
6. Седьмой отчет Императорского Православного Палестинского общества (за 1889-1890 гг.). СПб., 1891. Приложение I, с.1 (Далее: Седьмой отчет ИППО).
7. Д.В.Семенов. Русское Палестинское общество и его деятельность до войны 1914 г. - Журн. Новый Восток. - М., 1925, № 8-9, с. 210.
8. А.Ф.Берднихов. Е.А.Сердюк. Современное искусство арабского народа Палестины. - М., 1982, с.9.
9. М.Нуайме. Мои семьдесят лет. (Перев. с арабск.) - М., 1980, с. 60.
10. И.Ю.Крачковский. Над арабскими рукописями. - М., 1965, с.75-76.
11. Д.Меренз. Человек который познакомил арабов с Россией,- Лит. газета; 1946, 27 апреля.
12. Седьмой отчет ИППО. Приложение 12, с.3-4.
13. И.Ю.Крачковский. Над арабскими рукописями. - М., 1965, с.78
14. М.Нуайме. Мои семьдесят лет, с. 93.
15. И.Ю.Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. Избр.соч.т.V, с.150.
16. И.Ю. Крачковский. Русско-арабские литературные связи. Избр.соч.т. III, М.-Л., 1956, с.274.
17. Имеются в виду известные арабские писатели Михаил-Нуайме (р.1889) и Насиб Арида (1887-1946).
18. И.Ю.Крачковский. Литературные характеристики. Избр.соч., т.III, с. 226, прим. 1.
19. Д.В.Семенов. Указ.статья. В журнале Новый Восток. - М., 1925, № 8-9, с. 212.

20. Дмитриевский. Русская литература в арабских переводах. Пч., 1915, с.4.
21. Цит. по указ.труду А.А.Дмитриевского, с.9-10.
22. А.А.Дмитриевский. Русская литература в арабских переводах, с. 12.
23. М.Нуайме. Мои семьдесят лет.с.III.
24. И.Ю.Крачковский. Басни Крылова в арабских переводах. Избр.соч. т. III. С. 319.
25. А.Е.Крымский. История арабской литературы, с.314.
26. И.Ю.Крачковский. Русско-арабские литературные связи. Изб. соч., т.III, с.267-268.
27. А.А.Долинина "Арап Петра Великого" и "Барышня-крестьянка". Пушкина на арабском языке. В ст. Памяти акад. И.Ю.Крачковского. Изд. ЛГУ им. А.А.Жданова, 1953.с.67.
28. И.Ю.Крачковский. Русские писатели в арабской литературе. Избр.соч. т.Ш, с.268.
29. Литературная газета. 1946, 26 апреля.
30. И.Ю.Крачковский. Русские писатели в арабской литературе. Избр.соч., т.Ш, с.268.
31. П.Бирюков.Толстой и Восток. - Журн. Новый Восток. - М., 1924, № 6, с.393.
32. И.Ю.Крачковский. Отзвуки революции 1905.г. в арабской художественной литературе - Советское востоковедение. 1945, №3, с.5.
33. О переводах произведений М.Горького на арабский язык. См.: И.Ю.Крачковский. Горький и арабская литература. Избр.соч. т.Ш. с.270-311. А.А.Долинина. Первый сборник произведений Горького на арабском языке. В сб.: М.Горький и литература зарубежного Востока, М., 1963. с.230-248.
34. Цит. по статье И.Ю.Крачковского. Горький и арабская литература. Избр.соч. т.Ш., с.277.
35. А.А.Дмитриевский. Русская литература в арабских странах, с.14.
36. См. в кн. Всеобщая история литературы. Под ред. В.Ф.Корша и В.Кирипичникова, т.П.,-СПб. 1885, с.374-380.

ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ АМИНА АР-РЕЙХАНИ

Один из любимейших писателей на арабском Востоке Амин ар-Рейхани (1879-1940) наряду с Джебраном Халил Джебраном (1063-1931) и Михалом Нуайме (р. 1689) многое сделал для развития новой арабской литературы, сблизив ее с современностью, со всеми жгучими проблемами действительности. Все его творчество, впитавшее в себя идеи просветительства, гуманизма и демократизма, было целиком направлено на приобщение арабов к жизни, более совершенной и справедливой, чем та, которую писатель наблюдал на Востоке и Западе. Самый характер жизни писателя, заставлявший его странствовать из Парижа в Нью-Йорк, оттуда в Ливан, а там и по всем странам Востока, предопределил широкий круг его познаний и интересов, творческих поисков.

Совершенно новаторское для арабов его творчество, многогранное по тематике, проблемам, жанрам и стилю, указывало на близкое знакомство писателя со многими достижениями западно-европейской и американской литературы.

Особое воздействие оказали на него американские романтики Эмерсон и Уитмен. Но творческое развитие ар-Рейхани на этом не остановилось - в некоторых своих рассказах, в поэме "Посвящение Джебрану"¹, повести "Вне стен гарема"² и др. писатель подходит к началу реализма.

Ар-Рейхани считают классиком новой арабской литературы, до сих пор переиздают и много читают. "В литературе европейских народов такой писатель, как ар-Рейхани, может быть и не приобрел бы известности, выходящей за пределы средней; для новоярабской... он представляет достаточно крупное явление, и е его именем в истории литературы будет связано определенное направление. Роль ар-Рейхани можно характеризовать как расширение рамок обычного в современной арабской литературе материала до пределов мировых вопросов, как попытку объединения двух противоположностей, которыми в ходячем представлении являются Восток и Запад"³.

А.ар-Рейхани много писал, работал в различных жанрах: поэт, эссеист, прозаик, публицист, критик, журналист, историк, переводчик. Его писательский путь продолжался почти четыре десятилетия, при жизни писателя вышли

четыре сборника его произведений "Ар-Рейханийят" ("Ар-Рейханийят, Маджмуа малакат ва хуаб ва шир' мансур", т. I-IV, Бейрут, 1910-1924). Сюда вошли статьи, речи и стихотворения в прозе; повести, пьесы; сборник притчей и афоризмов "Зерна для сеятелей"; исторические труды "Арабские короли или путешествия в арабские страны" ("Мулк ал-араб ау рихла фи-л-билад ал-арабийя", т. I-II, Бейрут, 1924), "Сердце Ирака" ("Калб ал-Ирак. Китаб сийаха ва сийаса ва адаб ва тарих", Бейрут, 1935), "Сердце Ливана" ("Калб Лубнан. Рихлат сагира фи джибалийя", Бейрут, 1947), "Дальний Запад" ("Ал-Магриб ал-акса", т. I-II, Каир, 1952) и др. В них ар-Рейхани затронул прошлое и настоящее арабских стран, обычаи, образ жизни и нравы населения.

И.Ю.Крачковский пишет, что в странной и необычной судьбе ар-Рейхани, метавшегося между центрами западной цивилизации и лирической и тихой долиной ал-Фурейки, как бы запечатлелось "отражение всей новоарабской литературы"⁴.

Жизнь и судьба ар-Рейхани, во многом типичны для передовой арабской интеллигенции: миссионерская школа, переселение в Америку, университет, затем страстное увлечение классической арабской литературой, разочарование в идеалах западной цивилизации, непреодолимое желание помочь любимой родине, возвращение домой, участие в общественной жизни, горькое разочарование при виде нищей, отсталой и угнетенной страны, бегство в природу, как в некую нирвану, готовую исцелить и утешить от тяжелых разочарований, от общей картины жизни людей. Все это глубоко типично для первых писателей новой арабской литературы сиро-американской школы, членов "Ассоциации пера", таких как Джебран, Михаил Нуайме и некоторых других.

Мотивы творчества А.ар-Рейхани также были характерны для многих просветителей-публицистов. Происходившие в египетском и сирийском обществе социальные перемены нашли отражение в творчестве крупнейших арабских публицистов как Мухаммед Абдо, Абд ар-Рахман ал-Кавакиби, Касим Амин и др. Они не были ни философами в узком смысле слова, ни социологами, но "остро ставили актуальные вопросы общественного и политического, бытия арабов, стремясь разрешить их в интересах прогресса, что имело большое воспитательное значение для арабского общества"⁵.

Типичны для ар-Рейхани и поиски позитивного мировоззрения и своего художественного метода. Необладающая глубокой культурой и выношен-

ными традициями передовых деятелей запада, очень критически настроенная к современной западной цивилизации и к жизни арабских стран и одновременно в какой-то степени идеализирующая ее древнюю культуру и историческую жизнь арабская эмигрантская интеллигенция не смогла, в конечном счете, придти к каким-то твердым и выношенным позитивным идеалам общественной жизни. Это, конечно, относится к ар-Рейхани. "Философские взгляды Амина ар-Рейхани отмечены стремлением примирить материализм с идеализмом... Элементы материалистического мировоззрения не получили у ар-Рейхани полного и последовательного развития. Приняв некоторые материалистические посылки в пантеистическом оформлении, он не пришел к материалистическим выводам⁶. Смутные и расплывчатые представления о спасительной народной революции (стихотворение "Революция", написанное, по мнению академика И.Ю.Крачковского, под влиянием революции 1905 г.)⁷, мечты о "справедливой" демократической республике, о равенстве и братстве людей и в то же время отчетливое понимание, что равенство и братство в такой стране, как Америка, быть не может ("Около свободы"). Наряду с этим остается и призыв вернуться к природе и понимание необходимости деятельного и творческого труда. Писатель восхищается техническим прогрессом ("С Бруклинского моста"), одновременно страстно обличая пороки капиталистической Америки ("В такой день мила и геенна"), где развращаются и гибнут такие качества человека, как нравственная чистота, доброта, искренность. Все это, естественно, не могло стать основой для твердых и убежденных выводов о путях совершенствования и становления арабского общества. В конечном счете, у арабской интеллигенции тех лет отчетливо всего звучат ноты необходимости реформ, спасительности просвещения и нравственного самоусовершенствования каждого человека в отдельности да еще глубокая и мудрая мысль о необходимости непрерывного и творческого труда, создания. "Ар-Рейхани - один из самых убежденных сторонников эволюционной теории на Арабском Востоке. Все в мире, отмечает он, подчинено закону развития и превращения - эволюции, которая есть "закон жизни"⁸. Он же утверждает могущество человеческого разума.

Естественно, что шаткость, неустойчивость и некоторая неопределенность мировоззрения писателя не могли прямым образом не отразиться и на его художественном методе. Об этом писали исследователи новой арабской

литературы: И.Ю.Крачковский, А.А.Долинина, К.В.Оде-Васильева, Д.И.Юсупов, З.И.Левин и др.⁹ "Идеалистическое мировоззрение ар-Рейхани достаточно противоречиво... Противник официальной церковной религиозности, ненавидящий дух меркантилизма, пронизывающий буржуазное общество, он воспевае идеалы свободы, равенства, братства всех людей, мечтает о единении человека с богом-природой. Однако при этом ар-Рейхани не выступает противником достижений цивилизации"¹⁰.

А ар-Рейхани относится к той плеяде арабских писателей, которая шла след за передовой культурой и цивилизацией Европы. "Появление таких писателей обусловлено тем, что, а странах Востока, в процессе соприкосновения их с передовыми странами Европы складывался слой вполне европеизированной интеллигенции, полностью знакомой с наукой, литературой, общественной жизнью передовых стран Европы, свободно владевшей языками этих стран. Он был немногочисленный, этот слой; его развитие опережало общее культурное развитие буржуазии, к которой эта интеллигенция принадлежала; поэтому писатели, входившие в этот слой, играли роль провозвестников или основоположников какого-либо литературного направления, само же направление оформлялось и приобретало соответствующую общественную значимость только позднее"¹¹. Эти мысли Н.И.Конрада можно целиком и полностью отнести к жизни, общественному и художественному творчеству ар-Рейхани, ибо его личность и роль, именно в этом смысле, крайне показательна.

Воспитанный и выросший на противоречиях между Западом и Востоком, ар-Рейхани на протяжении всей творческой жизни призывал своих сограждан перенять у Запада все передовое, прогрессивное, Промышленный и культурный подъем, стремился создать и укрепить научные, культурные и экономические связи между развитыми странами Запада и арабским Востоком, еще не полностью покончившим с феодальной отсталостью. "Однако Рейхани был глубоко убежден, что одно умственное развитие и прогресс в материальной сфере еще далеко недостаточны для постоянного нравственного и социального возрождения человека на Западе, как недостаточно одной только поэтической настроенности и философского глубокомыслия для совершенства человека на Востоке". И Рейхани взял на себя миссию нести на Восток знания Запада, а на Запад - философию и поэзию Востока.¹² Неда-

ром Ар-Рейхани называли связующим звеном между Западом и Востоком. Писатель приобрел известность пропагандиста западной цивилизации на Востоке, а также древневосточной культуры - на Западе.

Отношение ар-Рейхани к Востоку и Западу особенно впечатляюще раскрыто им в стихотворении "Я - Восток"¹³, написанном в Каире в 1922 г. Восток сразу же определяется писателем как "краеугольный камень первого из храмов Аллаха" (под Аллахом в данном случае можно подразумевать все человечество в целом). Восток - "мост солнца", он вечно в пути: то в Ливерпуле, то в Самарканде, а то и в Нью-Йорке. На своем долгом-долгом пути он впитал в себя бесконечно много, многое пережил и познал. Теперь он может поделиться своим богатством с Западом:

"О молодежь Запада, я пришел к тебе другом

У меня есть то, что излечит сердце твое от болезней
цивилизации ...

У меня есть то, что возродит в тебе справедливость...

У меня есть то, что сделает твой ум ясным и сердце
спокойным...

Так чтобы ты вдумался в секреты бытия».¹⁴

Кончая стихотворение многозначительными словами:

"Я - Восток. У меня есть философия и религия».¹⁵

Значение восточной культуры, оказанное ею на страны Европы, еще далеко полностью не раскрыто. "Восток в поэзии Запада - тема духовная прежде всего"¹⁶ - пишет В.Иванов. Глубинные восточные традиции - это прежде всего вечный поиск всеми поэтами земли вечных духовных очагов, питающих поэзию, которые зародились и развились на Востоке. "Основные мысли о бытии к смерти, вечно мучившие человечество, мы найдем в более древних памятниках того же древне-ближневосточного круга...».¹⁷

Так В.Иванов пишет о великом Гете, который постоянно обращался к восточным поэтам: "Ему хотелось раскрыть в темах и мотивах персидской классической поэзии общечеловеческое, соединение чувственного и сверхчувственного".¹⁸

Амин ар-Рейхани родился в одном из самых живописных мест Ливана, в деревне ал-Фурейки. Здесь же познакомился с начальной грамотой. Затем стал посещать французскую миссионерскую школу. Двенадцатилетним подростком вместе с родными эмигрировал в Америку. Изучает английский язык, увлекается литературой. Читает много и бесистемно. Посещает вечернюю школу, а затем становится студентом Ньюйорского университета по разделу юридических наук. Упорно работает над своим самообразованием. Состояние здоровья вынужден, его переехать в Ливан, где он серьезно изучает арабский язык и литературу. Вскоре он опять вернулся в США.

"...Амина ар-Рейхани судьба жестоко кидала. После Сирии - Париж, Лондон, Америка, затем Бейрут в эпоху расцвета надежд после турецкой революции 1908-1909 гг., - опять Англия и Америка, но уже с разбитыми надеждами - и, как долгий кошмарный финал, мировая война, истерзавшая и родину-страдалицу. И журналинная деятельность, и политические выступления, и театральные подмостки - через все это прошел ар-Рейхани, но не вынес он мира оттуда для своей души..."¹⁹ - пишет И.Ю.Крачковский.

Отношение ар-Рейхани к классической, арабской литературе в какой-то степени высказано им в его поэме, посвященной Джебрану. Писатель с восхищением отмечает в ней, что поэт вобрал в свое творчество все богатство классической арабской поэзии. Ар-Рейхани так хорошо изучил классическую арабскую литературу, что в 1903 г. он переводит на английский язык знаменитые четверостишия Абу-л-Аля ал-Маари (979-1056) "Лузумийат" ("Лузум ма ла Йальзам" - "Обязательность необязательного"). Этот перевод сделал ар-Рейхани известным не только в арабской, но и в американской литературе. Американский поэт Эдвин Маркхам писал тогда об этом переводе: "Несомненно, Абу-л-Аля истинный поэт, поэт-творец, философия которого выше и благороднее философии Омара Хайяма, и на переводе избранных четверостиший, выполненных Амином ар-Рейхани, лежит печать исключительности".²⁰

Перевод сразу же был перенесен в Англию. Это и можно считать началом литературной деятельности ар-Рейхани, которую он всегда понимал не только как художественную, но и как ответственную общественную деятельность.

Любимым эпиграфом ар-Рейхани был девиз: "Скажи свое слово и иди. Если мы станем останавливаться, чтобы слушать хвалителей и хулителей, гово-

рящих камнями и говорящих цветами, тогда мы не достигнем того, ради чего созданы - распространения среди людей свободных и здравых понятий, и обратимся к тому, что мешает нашему движению, ослабляет силу и мутит чистоту мыслей..." - говорил он. И ар-Рейхани сумел сказать свое слово. Уже полвека, как оно звучит во всем арабском мире. На перстне у него была надпись:

"Сила у истины, а истина не умирает!" "И его слова не умрут, по тому, что у них было много истины"²¹, - пишет И.Ю.Крачковский.

Нам представляется важным раскрыть взаимоотношения ар-Рейхани с природой, где с полнотой и поэтичностью раскрываются самые душевные моменты его внутренней жизни. Еще И.Ю.Крачковский писал, что ар-Рейхани - тонкий пейзажист, любящий природу, находящий в ней забвение, отдых, смысл и красоту жизни. "Ар-Рейхани восторженно любит природу, - пишет он. - Я не знаю другого арабского писателя, у которого было бы так сильно развито чувство природы. Иногда он возвышается до пантеизма... Поэзия и природа для него неразделимы."²² В этом нетрудно убедиться, познакомившись с такими его произведениями, как "Долина ал-Фурейки, или возврат к природе"²³, и со стихотворением в прозе "Исцели меня, богиня долины"²⁴ и др. Само заглавие отрывка звучит в ключе философии Руссо - возврат к природе, естественности, теплоте чувств, эмоциональной полноте, простоте жизни, отказу от роскоши и излишеств достижений цивилизации. В отрывке писатель рассказывает, как провел он целый день в родной долине, откуда он был родом. Долина зовет любителя природы: "Иди ко мне со своими мыслями и мечтами!..

Я ведь иду в долину, как идет земледелец..."²⁵ Ар-Рейхани чувствует себя в долине сыном природы. Он растворяется в ней, чувствуя единство с ней: "Я чувствовал, что дух долины воплотился во мне, а моя душа перешла в долину. Значит, и я, и долина - одно и то "в душе моей такие же тени, призраки и пещеры, в душе моей такие же гордые скалы, страшные спуски, низвергающиеся водопады и текущие реки..."²⁶ Ар-Рейхани обращается к людям с призывом радоваться каждому проявлению природы, учиться у нее мудрости, спокойствию, стойкости. Прими от нее с благодарностью все ее проявления - солнце и ветер, бури и ураган, тепло и холод, ибо это есть естественные проявления ее бытия. И не надо хорониться от бури: "Неужели человек боится своего Господа? Неужели сын природы опасается ма-

тери?"²⁷ Как пантеист, ар-Рейхани воспринимает природу, как часть целого, состоящего из триединства: бог-человек-природа. Чтобы сблизиться, слиться с природой, надо "наступать на шипы предрассудков, идти через терновник традиции... переправляться через потоки ложной любви... попасть в заросли властителей, в чащи правящих, рвы законов"²⁸

На лоне природы человек с отвращением вспоминает мир лжи, лицемерия, искусственности, угнетения и нищеты. Автор зовет всех в природу, где нет несправедливостей, и где все равноправно. Все стихотворение - гимн, молитва природе. Все в ней - начиная от тонкой травки, маленького паучка, и комара, до роскошных сосен, пышных цветов и грозных зверей - полно смысла, красоты и гармонии. Но вместе с тем стихи ар-Рейхани, посвященные восхвалению природы - не монолог романтического героя, бежавшего в природу из-за презрения к цивилизации и к людям. В этих страхах чувствуется любовь к ним, боль за них, тревога и страстное желание помочь им.

Думается, что восхищение природой у ар-Рейхани, признание своего единства с ней идет, не столько от арабов, у которых, по словам И.Ю.Крачковского "... чувство природы очень мало развито. В их древней поэзии мы находим иногда очень подробно, даже фотографическое воспроизведение окружающего мира, но никогда - восприятия природы"²⁹ сколько от поэтов трансцендентальной школы, особенно от поэзии Эмерсона, которого он хорошо знал и очень любил, "я не перенял американские нравы, подобно некоторым проживающим в Америке сирийцам. В этом заслуга великого американского философа Эмерсона,³⁰ произведения которого были моим первым гидом, открывшего мне достоинства англичан. Эмерсон познакомил меня с Карллейлем,³¹ первым человеком, который вернул меня из-за океана в арабские страны... Теперь к моему американско-французско-английскому образу мыслей приметалось что-то от восточной мечтательности."³²

Явственно о статье "Долина ал-Фурейки, или возврат к природе" скандывается влияние ученика и последователя Эмерсона Генри Торо (1817-1962), оставившего после себя замечательную книгу «Уолдэн или жизни в лесу». Книга явилась результатом дневниковых записей, в которых автор регистрировал то время, когда он на протяжении двух лет жил вдали от людей, построив себе хижину и питаясь только тем, что он сам вырабатывал земледелием и рыбной ловлей, но не охотой. Этим он выразил протест против не-

которых материальных и духовных сторон современной цивилизации. «В антиурбанизме Торо выразилось характерно-романтическое недовольство теми изменениями в человеческой личности, которые сопровождали индустриальный прогресс».³³

Торо идеализирует примитивный уклад жизни и натуральное хозяйство американского фермера-пионера. Утопия Торо явилась протестом против антагонистического, противопоставления деревни городу, физического труда и умственного развития, против нездоровых черт промышленного капиталистического прогресса, сопровождающегося физической и духовной деградацией общества. Он, как и Уитмен не возражает против механизации жизни, поэтизирует мощь человеческой мысли. Главное - освободить промышленный прогресс от капиталистической корысти, эксплуатации человека. Видно двойственное отношение Торо к современной цивилизации: признание машинизации, но разоблачение капитализма.

Представляется, что между мирозерцанием американского романтизма и ар-Рейхани много общего: это, прежде всего тяга к естественной жизни в природе, которая отрывает человека от пошлости, приземленности, борьбы за материальные блага жизни. И второе - как и у Торо, отношение ар-Рейхани к современной цивилизации носит двойственный характер: он принимает технический прогресс («С Бруклинского моста») и отрицает, критикует капитализм за униженное и тяжелое положение низких классов. "Скитание по улицам больших городов напоминает человеку про человека, а скитание в долине или роще напоминает путнику про великого Творца... А сын природы идет в роще среди зарослей, под деревьями и кустарниками; его живит аромат сосны и пьянит благоухание душистой земли, смешанное с запахом шалфея, скипидара и даяра. Из дома своей матери он выходит полный энергии, решимости и радости, особенно если видел ее в час волнения. Он выходит с сознанием того, что имеет право на отношение природы к нему, как к равному или, вернее, как к одному из ее членов, равному перед общим вечным законом, который не приостанавливается для богачей и не отменяется для царей и князей"³⁴ - пишет ар-Рейхани.

Сходный по смыслу отрывок можно привести из книги Торо: "Дикая природа нужна нам как источник бодрости... Природой невозможно пресы-

титься. Нам необходимы бодрящие зрелища ее титанической мощи... Нам надо видеть силы, превосходящие наши собственные...».³⁵

У обоих писателей, в их, таких неравных по объему произведениях прорывается огромная любовь к природе, наслаждение от ее лицезрения, от соучастия с ее жизнью. Но если у ар-Рейхани эта любовь носит созерцательный, чисто эстетический характер, то любовь к природе у Торо отличается в известной степени утилитарностью - она не только источник эстетического наслаждения, но и источник материальной жизни. Она не только одаряет его бодростью, силами, верой в свое могущество, но она учит быть стойким, терпеливым, зовет безостановочно трудиться.

И этот подход к природе у каждого имеет свои оттенки, обусловлен разностью их целей и мировоззрений. Для ар-Рейхани природа - источник духовных наслаждений. Зовет он в природу не трудиться, не "открывать", а заряжаться духовным началом, чтобы затем передать этот заряд бодрости, красоты и очищения людям. Он не руководствуется позитивной теорией, связанной с природой, как определенным орудием переустройства жизни. Возможность переустройства жизни ар-Рейхани связывает только с реформаторской деятельностью и самоусовершенствованием и перевоспитанием людей. Торо же мелкобуржуазный утопист, он рассматривает природу и жизнь в ней как один из методов переустройства жизни. В книге самая большая глава называется "Хозяйство". В ней Торо скрупулезно анализирует выгоды жить в природе, сводить до минимума расходы на себя и тем самым ни от кого не зависеть и быть счастливым. Он предлагает сократить насколько возможно материальные потребности, получая, наслаждение и смысл жизни от сближения с природой, духовной сосредоточенности, углубляясь в свою нравственную и духовную жизнь.

Обращение к природе - в сущности, общая черта всех европейских и американских романтиков первой половины XIX в. Но каждый из романтиков выделяет в этом стремлении к природе свое индивидуальное начало. Для Руссо возврат к природе - это возврат к естественности, мудрости природы, учащей людей жить согласно тем началам, которые заложены в них его - матерью-природой. У американских трансценденталистов - стремление установить общность человека с красотой, величием, глубиной, мощью природы. Ведь человек - часть природы, имеет с ней одну душу, тот же вечный

смысл жизни. Для Шелли природа - вечный источник и пример обновления, возрождения, изменчивости, движения вперед. Отсюда его оптимизм, вера в конечное наступление гармонии в человеческом обществе. Для Вордсворта природа - призыв к патриархальности, к спокойному и тихому наслаждению. Для Уитмена - бесконечный источник реальной красоты, мощи, движения. Вечность природы - наглядное и естественное подтверждение вечности, бесконечного совершенствования и величия человека.

Арабские романтики взяли у европейских то, что соответствовало больше всего каждому из них. Джебран - понимания эстетического и духовного значения природы в жизни человека; ар-Рейхани природа имеет и эстетическое значение и является призывом к душевному прояснению, успокоению, очищению. Но в отношении ар-Рейхани к природе лежат и другие начала, слышатся ноты почти всех романтиков.

Обратимся еще к одному стихотворению в прозе ар-Рейхани, посвященному природе, - "Исцели меня, богиня долины", где в какой-то степени можно констатировать воздействие на писателя еще одного представителя американской школы трансцендентализма - Уолта Уитмена. Демократизм и гуманизм поэзии Уитмена питали борьба за независимость, борьба с рабством и великий воодушевляющий пафос Декларации прав человека.

Уолту Уитмену, как и остальным приверженцам трансцендентализма, близки идеалы демократии, ненависть к рабству, мечты о братстве и равенстве людей. Они - выразители той ранней Америки, которую засеяли пришельцы с Запада - Англии, Франции, Германии и др. Разочарованные в Старом Свете, и достижениях его цивилизации, они привезли в Новый Свет не только неугасимую энергию первооткрывателей, осваивающих новое, но и мечту о построении более совершенного общества, не похожего на то, которое они покинули. С наибольшей силой этот оптимизм, веру в возможность построения совершенного демократического общества, этот восторг жизни, преклонение перед человеком, его созидательной мощью раскрыл Уитмен. В книге "Листья травы" он выразил свое великое восхищение простым тружеником, фермером, землепашцем, строителем. Человек - это божественное начало. И его божественность не только в его духе, но и во всех естественных проявлениях человеческой жизни. В противоположность тому же ар-Рейхани Уитмен неоднократно повторяет, что, он поэт не только

души, но и тела. "Это произведение (книга "Листья травы" - А.И.) о людях, которых веселит беззаботное блуждание "по полям и горам", "тонкий запах земли на заре и в полуденный час", "свежее молчание леса", "сладость майского утра".³⁶ Непреложным законом существования человека является его личная свобода и стремление к самораскрытию.

"Листья травы" Уитмена - это голос простого американца, человека, почувствовавшего себя раскрепощенным, личностью, имеющим право на полное самовыражение. "Сам Уитмен как в своих статьях, так и а поэмах упорно настаивает на том, что его лирика - не только выражение его эмансипированной личности, но и отражение действительности, что "я" поэта в его стихах - на самом деле воплощение человечества, что в его "я" раскрыта сущность массы, заключено эпическое содержание. В стихотворении "Песня о себе" эта мысль выражена так:

Я - голос твой - в тебе он молчал - во мне он
начинает говорить,
Я славлю себя, чтобы прославить каждого мужчину
и каждую женщину на свете.³⁷

Через все стихотворение красной нитью проходит истинное "я" поэта, впитавшее в себе многих и многих:

Я и молодой, и старый, я столь же глуп,
сколь и мудр,
Нет мне забот о других, я только и забочусь
о других...³⁸

И в стихотворении "Исцели меня, богиня долины" ар-Рейхани объявляет себя выразителем чувств и желаний людей, вещает от лица многих и многих:

Я - флейта пастухов среди твоих рабов,
Я - лютица влюбленных среди своих рабов.
Я - орган скитальца среди твоих рабов,
Я - кифара танцовщиц в ночь твоего праздника...
Я голос твой, который воплотили века; я - дух твой,
Ниспосланный в ведах и псалмах...
Да, я - песня, которую ночи повторяли годами.³⁹

Каждый человек - это целый мир чувственного восприятия. Все люди, природа - братья между собой. Все в родстве с растущей травой, ибо она растет также из людского праха. Он - поэт - выразитель всех голосов, душ. Все люди обрели в нем свой голос. Отсюда несколько проповеднический тон провозглашения истины, открывателя людям новых понятий, мыслей и чувств.

Критерием идеальной жизни человека для ар-Рейхани является степень его единения с природой. В природе он видел гармонию и справедливость и призывал людей учиться у природы, воспринять у нее лучшие качества, быть таким же щедрым, совершенным и возвышенным, как сама природа: "Послушай! Воробей начал свои песни, и ласточка декламирует! Послушай! Из золотой глотки шегла несутся серебряные переливы. Птицы обновляют твою веру и надежду... Они зовут тебя к делу и вдыхают в тебя душу усердия и надежды..."⁴⁰ ("Мой храм в долине").

Мечтая "создать самую радостную песню", американский поэт (Уитмен - А.И.) хочет, чтобы она была полна жизнью.⁴¹

О, создать самую радостную песню!

О, если бы ей голоса всех животных, быстрота
и равновесие рыб!

О, если бы в ней капали капли дождя!

О, если бы сияло в ней солнце и мчались бы волны!⁴²

Сближает ар-Рейхани и Уитмена и то, что они не искали в природе убежище от людей, не воспринимали отшельничество на лоне природы как идеал. "Уитмен... сделал основой своего мировоззрения неутомимое влечение к другим людям..."⁴³

Это же качество мы наблюдаем и у ар-Рейхани: "Я не отрицаю, что одиночество прекрасно, - писал он, - но... хоть бы единственный друг, которому я мог бы говорить время от времени, что одиночество прекрасно! Вблизи природы я жажду другой человеческой души, которая обнаружила бы предо мной такую же силу и слабость, какие скрыты во мне самом".⁴⁴

О стремлении к людям, их борьбе и страданиям, к соучастию с их жизнью говорит и стихотворение ар-Рейхани "Вернись в долину".⁴⁵

В нем рассказывается, с каким страстным нетерпением стремился ар-Рейхани в родную долину ал-Фурейки. Но, когда он прибыл туда, его дом в долине оказался пустым. И тайный голос сказал ему: "вернись к людям, уезжай". И поэт вернулся к людям, бросил свой опустевший "немой и глухой" дом в долине, вернулся к людям, где он "услышал бесконечно разнообразный голос". Но вернулся он из долины, захватив с собой "веру бедуина в жизнь, его мужество и благородство".

Стихотворение "Вернись в долину" представляет собой целую декларацию, утверждающую веру поэта в людей, в совершенствование жизни, в будущее, в единение двух миров, двух культур - Востока и Запада. Это стихотворение отвергает и положение о том, что поэт звал в природу, чтобы скрыться от людей, от их забора и тревог.

К стихотворениям о природе, кроме уже названных, можно причислить еще много других, это и стихи "У колыбели весны"⁴⁶, "Они покинули ее"⁴⁷, "Увядающая лилия"⁴⁸, "Веточка разь"⁴⁹ и др. Но для лирики ар-Рейхани характерно и то положение, что почти всегда, в произведении на любую тему он включает хоть небольшие, но всегда яркие пейзажные зарисовки, показывающие его как тонкого наблюдателя всех проявлений жизни в природе.

Ар-Рейхани, как и Уитмен и как другие романтики - пантеист. Он воспринимает природу как цельную, одухотворенную картину бытия, являющуюся составной частью бытия человеческого. Ее задача - активно приобщать человека к красоте, духовности, нравственной чистоте, к пониманию истинной сущности жизни. Но ведь все это есть почти неизменная черта эстетической концепции всех ответвлений романтизма.

Отметим, что в восприятии природы у Уитмена и у ар-Рейхани, при различии у них разных романтических интонаций, это всегда и наличие реалистических "маяков". Всюду в книге У. Уитмена "Листья травы" вкраплены реалистические приметы, черточки, смешанные с чертами повседневной жизни американцев, типичной, так, как и изучение природы (приближает человека к познанию основного закона, действующего в данной части природы)"⁵⁰.

Для пейзажных зарисовок ар-Рейхани особенно характерны живописные приемы, когда точно фиксируются все оттенки красок, их переливы, при помощи которых автор точно воспроизводит картины сутки, времен года и т.д. Для иллюстрации приведем небольшой отрывок:

Нахмурилось чело, и стали великолепные
цвета частью ночи.

Устремился аромат ветров в пространство
выше темных туч.

Погрузились в темноту освещенные города
и исчезли.

Погрузились серебристые острова в поря.

Золотые озера превратились в свинцовые.

День угас в родной пучине,
накрывшись саваном, который выпекала ночь
из небесных лучей.⁵¹

Отрывки в ритмических строках стихотворения очень неравны. Мелодия ритма чисто внутренняя, строго согласованная музыкально с внутренним смыслом каждого на них, также как и у Уитмена.

Как мы уже указывали, в стихотворной структуре некоторых стихотворений ар-Рейхани, кроме написанных на чисто философские темы, обнаруживаются явные черты сходства с поэзией Уитмена: тонкая музыкальность, напряженность ритма, ораторская интонация, "высокий" стиль, сложная символика, элементы проповедничества и некоторые другие.

Обратимся к другому примеру из творчества ар-Рейхани:

Исцели меня, богиня долины, исцели!
Богиня рощи, помяни меня! Богиня лугов, излечи меня!
Богиня песен, помоги мне!⁵²

Стихотворение построено на сложной символикe! поэт обращается к некоему божеству, которое олицетворяет собою волшебные и прекрасные силы природы. Обращение на всем протяжении стихотворения сопровождается музыкальным аккомпанементом - все время звучат струны кифары, им соответствует музыка стиха:

Сыграй мне на твоей кифаре напевы, отзвук коих
Повторяют сегодня роща птиц и дрозды в саду.
Спой мне песни, которые распевают пастухи.
Голос флейты твоей в ночном мраке, голос органа
твоего на утренней заре - дай мне услышать.⁵³

В стихотворении много обращений, восклицаний, повторов, всего того, что соответствует проповеднической интонации. Эмоции, наполняющие стихотворение - любовь, нежность, истома, призыв, утешение. Само построение стиха невольно вызывает ассоциацию с построением строк-стихов в Новом завете в песнях Соломона, Давида:

Окутай меня любовью твоей, окружи благоуханием твоим
Шепотом губ твоих, прикосновением пальцев твоих,
Повтори теперь в уши мои забытые мною песни,
которым ты меня раньше учила.⁵⁴

Характерным для пейзажной лирики ар-Рейхани является стихотворение "У колыбели весны".⁵⁵ Оно состоит из ряда пейзажных зарисовок самой долины ал-Фурейки, отдельных картин, соединенных в одно целое без видимой органической связи, видимой последовательности, как у Уитмена. Все стихотворение звучит, как элегическая музыкальная пьеса, выдержанная в определенном ритме. Все строки начинаются с повтора: "Я узнал тебя до того...":

Я узнал тебя до того, как горы соткали для твоих
дворцов
Ковры из дикого шалфея и маргариток,
До того, как они украсили твою постель
подушечками из базилики,
До того, как они наполнили твой бокал
миндальным маслом, розовой водой и гранатовым соком,
Узнал тебя до того, как последняя буря
воздвигла для тебя триумфальную арку из крови, слез
и стона,

До того, как облака разразились плачем...⁵⁶

Так построено восемнадцать строф, каждая из которых занимает от шести до двенадцати строк. Образы природы антропоморфичны, то есть, одушевлены: горы соткали ковры, буря воздвигла триумфальную арку, небо провело тебя в последний путь, облака разразились плачем, сосны исполнили бокал и т.д. В других случаях черты, человеческого лица, действие их на окружающих, дается через их влияние на явления природы. Например, «ресницы твои растопили снег, на лицо опустилась вуаль туч, твои глаза узнали смысл слез» и проч.

Все это наизывание отдельных картин, зрительных образов, кратких явлений природы - также идет от Уитмена. Основа этой цепи, состояли из отдельных звеньев - мелодия, настроение светлой печали и красоты, вызванные смертью ребенка (элегия посвящена смерти племянника поэта).

Один из характерных признаков поэтики Уитмена - бессюжетность, особенно в построении его больших стихотворных произведений. То же можно сказать и о многих стихотворениях ар-Рейхани. Передать содержание многих его стихов о природе невозможно. Большинство из них - музыкальные пьесы, в которых главное - приятное звучание, певучесть.

Большое место в поэзии ар-Рейхани занимает философская тема: бог и человек, пространство и время, бытие и смерть, человек и природа, сущность жизни и религии и другие. Трактуются и темы бесконечности существования жизни и человека, вера в непрерывность их совершенствования, утверждение духовного начала, прославление "парящей" мысли. В самом обращении, поэта к этим кардинальным глобальным темам, в отвлеченном и прямолинейном их решении, формах поэтической разработки — ясно ощущается теснейшая связь поэзии ар-Рейхани с традициями арабской классической поэзии: космолизм, сила напряженных эмоций, выраженная в восклицательно-вопросительной интонации, ораторский пафос, сложная символика, выпренность, абстрактность образов, устойчивость словосочетаний. Во всех этих приемах чувствуется близость не столько к романтикам, традициям европейской поэзии, сколько к поэзии коранической, библейской, к сурам и притчам Корана, молитвам, причитаниям. Часто встречаются и моменты диалога с богом, пророком, с отвлеченным соратником или про-

тивником, ведется диалог между взыскующим истину человеком и богом или духом, воплощающим зло.

В "Тайной молитве"⁵⁷, написанной в 1922 г., автор проводит мысль, что бог есть создание человека, его вечное стремление к идеалу, отвлеченный символ этических представлений самого человека: диалог происходит между человеком и богом. Бог говорит человеку:

Я - начало вечной жизни и источник любви и силы.

Я жив в тебе и ведаю с твоей тайной молитве⁵⁸

И далее:

Я - источник человеческого познания. Я умножу твоё познание, потому что ты - часть меня.

Я - биение жизни в тебе, я - дух любви в тебе, я - свет мудрости в тебе.

Понимание сущности бога арабским поэтом совпадает с философской концепцией Р.Эмерсона. Построено стихотворение на внутреннем монологе двух голосов - человека и его бога. В нем много устойчивых коранических словосочетания: "О, обладающий вечным светом!", "О, обладающий величием души!", "О, вечный источник, из которого исходит свет любви!" и т.д. Философская проблема пространства и времени лежит на основе стихотворения "Две дороги".⁶⁰

Пространство и время - основные формы существования материи. Реальны ли они, или это абстракции, существующие только в сознании? "Идеалисты отрицают их зависимость от материи и рассматривают их как формы индивидуального сознания".⁶¹ Материалисты утверждают объективность существования пространства и времени, они неотделимы от материи. Как разрешается эта проблема Амином ар-Рейхани?:

Поистине этот час, в который мы живем, есть граница двух

миров.

Поистине, две части вечности находятся постоянно

впереди нас и позади нас.

В каком бы месте мы не поставили опорный столб дома, там находится пространство и сердце времени.⁶²

Как видно, эта философская проблема ар-Рейхани субъективна – она накрепко связана у него с индивидуальным сознанием каждого отдельного человека, всегда ощущающего себя в середине бесконечности того и другого.

Стихотворение написано очень строго, в нем нет ни одной метафоры. Повторы первых слов на протяжении всего стихотворения /"Поистине"/, высокий стиль сближают его с кораническими традициями арабской поэзии.

Интересно философское стихотворение "Ветер Самум",⁶³ сильно напоминающее по построению и композиции такие стихи-поэмы Уйтмена, как "Песнь о топоре", "Песня о себе, "Привет миру" и некоторые другие. В них нет развития сюжета, только вольное перечисление явлений, картин, иногда просто предметов, включающихся в основную идею произведения. Причем, если их переставить или часть выкинуть, в идейном замысле поэмы, в ее содержании ничего не изменится. Так «Песня о топоре» начинается у Уйтмена с перечисления стран по признакам произрастающих в них основных растений:

Привет странам земным, каждой за ее свойство:

Привет странам сосен и дуба,

Привет странам лимона и инжира,

Привет странам золота,

Привет странам мака, пшеницы, привет виноградным странам,

Привет странам сахара и риса,

Привет странам хлопка и странам картофеля белого, сладкого и т.д.

Потом идет перечисление вещей:

Чурбан в груди дров и воткнутый в него топор.

Хижина в лесу, плющ под дверь, расчищенный для сада

участок,

Шум неровный дождя в листве после утихшей бури⁶⁴ и т.д.

/Пер. М.Зенкевича/.

Отрывок из стихотворения "Привет Миру":

Что слышишь ты, Уолт Уйтмен?

Я слышу, как поет рабочий, как поет жена фермера,

Я слышу вдали голоса детей и крики животных рано утром,

Я слышу крик австралийцев в погоне за дикой лошадью,

Я слышу, как пляшут испанцы в тени каштанов под звуки константей и трехструнной скрипки, гитары.

Я слышу шум саранчи...⁶⁵ и т.д.

/Пер. Н.Банникова/

Так же написана "Песня радостей", "Из колыбели, вечно баюкавшей" и многие другие.

Стихотворение ар-Рейхани "Ветер Самум" начинается с основной мысли, заложенной в нее: «все, что видишь - существует». Затем на пятидесяти строках идет перечисление того, что существует: голоса, дворцы, башни, фабрики, туннели, суда, мосты, каналы, двадцатипятиэтажные дома и проч. И конечный вывод - существует не то, что ты видишь, а нечто другое, о чем ты и не думаешь:

Погоди, брат мой, погоди. Во всем мире

Существуют лишь редчайшие душевные качества.

Чудесные качества человеческой души.

Тогда прекратится спор и будет сломлено могущество денег,

И объединятся мужчины и увеличатся надежды.

Тогда произойдут перевороты в обществах

И содрогнутся устои жестокой тирании

И разразятся на земле пыльные бури".⁶⁶

Поэт противопоставляет два начала в человеческой деятельности-материальную и духовную. После торжества последней наступит "золотой век", человечество придет к гармонии. Чисто идеалистический тезис, напоминающий и толстовскую философию. Стихотворение лишено каких-либо поэтических приемов и звучит, как проповедь.

В стихотворении "Христу",⁶⁷ являющимся переводом из творчества Уйтмена - ар-Рейхани раскрывает свою приверженность к заветам и духовной деятельности Христа. Он пишет, что истинных последователей Христа мало, но следы их деятельности неизгладимы: "Мы работаем для того,

чтобы люди жили по одному завету".⁶⁸ Для последователей заветов Христа равны люди всех стран, рас, классов, приверженцев всех религий: "Мы любим, создаем, понимаем и соединяем враждующих между собой",⁶⁹ "Мы несем миру освобождение и нет таких оков, способных остановить нас и слово божье".⁷⁰ Настроение стихотворения оптимистическое, оно выражает твердую веру в возможность мира и единения людей в результате их нравственного самоусовершенствования. В основе его - толстовское учение о преобладающей силе любви и нравственных усилий каждого человека в борьбе со своими пороками.

Эта же идея неоднократно высказывалась ар-Рейхани и в публицистических выступлениях: "В исправлении личности - исправление нации, в исправлении нации - исправление ее руководителей".⁷¹ И в этом высказывании обнаруживается идейная близость арабского поэта к Уитмену, также полагавшему больше всего на "исправление нравов": "Я не стремлюсь к преобразованию политики средствами самой политики, я уповаю на силы вне ее, великие моральные духовные силы."⁷² Как замечает З.Левин в своем исследовании "Общественные отношения здесь сводятся к отношениям морального порядка. Такие категории, как мораль, воля, счастье, истина, по мнению Рейхани, вечные категории, а потому и надклассовые",⁷³ пишет З.Левин.

Примерный анализ философских стихотворений ар-Рейхани можно, немного увеличить. Все они обладают почти одинаковым построением: вначале заданный тезис, затем измелчание его на множественных примерах, и итоговый вывод. Язык простой и сильный, художественные ухищрения - отсутствуют. По стилю близки к традициям арабской коранической поэзии.

Ар-Рейхани - оптимист. Он верит в будущее человечества, в прогресс, в совершенствование человеческой личности, в общественную гармонию, которая обязательно наступит и явится результатом реформаторской деятельности, просвещения, воспитания, нравственной работы над собой каждого отдельного человека. Эта вера в поступательных ход истории сказалась на многих произведениях писателя. В стихотворении "Жатва времени"⁷⁴ ар-Рейхани утверждает мысль о бесконечном течении, жизни, поступательный ход которой ведет ко всему большему и постепенному совершенствованию: время уносит сухие стебли, солому и оставляет в земле зерна, которые прорастают и обновляют заложенные в них начала:

Земля обладает жизнью даже после смертей
И народы непременно проснутся по прошествии времени.

...Уже посажены саженцы невидимой рукой.
Всякая собственность исчезнет
Только красота будет существовать
Поспешите унести сухие стебли
И поспешите разогнать облака.⁷⁵
В стихотворении "Воскрешение"⁷⁶ читаем». Да, "невидимая рука" посеет завтра, так же, как посеяла вчера.
Почва в древней долине
Такая же росистая и влажная.⁷⁷

Итак, Амин ар-Рейхани - крупный и талантливый писатель, работавший в различных жанрах, где затронул самые острые и злободневные темы современности - преклонялся перед величием и красотой природы и видел в ней одно из средств нравственного возрождения человека. Сильное воздействие оказали на творчество арабского писателя американские романтики - Эмерсон и Уитмен. Их демократизм, пантеистическое отношение к природе, понимание божественного начала как основ любви и добра, оптимистическое отношение к развитию жизни как движению по восходящей линии и в общество, и в природе, вера в человека и в его творческие, созидательные и нравственные основы - все это оказалось близким и созвучным основным мировоззренческим взглядам Амина ар-Рейхани.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ила Джубран. В кн.: Хитаф ал-аудийа. Бейрут, 1955, с. 123-135.
2. Хариди ал-харим ау Джихан. Нью-Йорк, 1917.
3. Крачковский И.Ю. Предисловие в кн.: Амин Рейхани. Избранные произведения. Пг. Огни. 1917, с.5-19, См. Крачковский И.Ю., Избр. соч. т. III, М., -Л., 1956, с. 140.
4. Крачковский И.Ю. Предисловие в кн.: Амин Рейхани. Стихотворение в прозе. См. Крачковский И.Ю. Избр.соч. т.II. с.115.
5. Левин З.М. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте. М. Наука, 1972, с. 160.
6. Там же.
7. Крачковский И.Ю. Отзвуки революции 1905 года в арабской художественной литературе. - Советское востоковедение. М.,Л., 1945, т. III, с.14.
8. Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте, с.204.
9. Крачковский И.Ю. Амин Рейхани. Предисловие. - В кн.: Амин Рейхани. Избранные произведения, с.519. (Эта статья на арабском языке вошла в книгу ар-Рейхани "Экстремизм и реформы": Амин ар-Рейхани. Ат-татарруф ва-л-ислах. III изд. Бейрут, 1950, с. 65-89; Крачковский И.Ю. Арабская литература в Америке (1895-1915), с.12-18; Крачковский И.Ю. Арабская литература в XX веке, с.19-21 Крачковский И.Ю. "Листки воспоминаний о книгах и людях.- Изб. соч., т.I, с.46-49; Крачковский И.Ю. Предисловие, - В кн.: Амин Рейхани. Стихотворения в прозе.- Избр.соч., т. III, с.146-148; Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями, с.60-67; Долиннина А.А. Предисловие. -В кн.: Современная арабская проза. М., -Л., 1961, с.6-II Долиннина А.А. Предисловие.- В кн.: Арабская романтическая проза XIX-XX вв., с.16-18; Соловьев В.,Фильштинский И, Юсупов Д. Арабская литература.- М.,1964, с.135-137; Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте.
- 10.Ю.Долиннина А.А. Предисловие. - В кн.: Арабская романтическая проза XIX-XX вв., Л.,1981, с.16.

11. Конрад Н.И. Проблема реализма в литературах Востока,- В кн.: Проблемы становления реализма в литературах Востока, М., Наука, 1964, с.18.
12. Левин З.И. Философ из Фурейки. М.Наука, 1965, с.53.
13. Ана аш-Шарк. -В кн.: Хитаф ал-аудийа. с.84-91.
14. Там же, с.86-87.
15. Там же, с.91.
16. Иванов В. Последействие. - В кн.: Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М.,1965.
17. Там же, с.442.
18. Там же, с. 465.
19. Крачковский И.Ю. Предисловие в кн.: Амин Рейхани. Стихотворения в прозе. - См.: Крачковский И.Ю. Избр.соч. т. III., с.146.
20. Цит. по кн.: Марун, Аббуд. Амин ар-Рейхани. Каир, 1952, с. 12.
21. Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. М., 1965, с. 67.
22. Крачковский И.Ю. Предисловие в кн.: Амин Рейхани. Избранные произведения. - См. Крачковский И.Ю. Избр. соч., т. III., с.142.
23. Ар-Рейхани. т. I., Бейрут. 1910, с.5-20.
24. Ар-Рейхани. т. II. Бейрут, 1910, с.193-196.
25. Амин Рейхани. Избранные произведения (пер. и прим. И.Ю. Крачковского) Петроград, 1917, с.30.
26. Там же, ст.31.
27. Там же, с.34.
28. Там же, с.35.
29. Крачковский И.Ю. Предисловие к кн.: Амин Рейхани. Избр. произв. См. Крачковский И.Ю. Избр.соч. т. III, с.142.
30. Эмерсон Ралф Уолдо (1803-1882) - английский писатель, публицист и философ.
31. Карлейл Томас (1795-1884) - английский писатель, публицист, историк, философ.
32. Амин ар-Рейхани. Арабские монархи (Мулак ал-араби) ч.Бейрут. 1924, с.6-8.
33. Старцев Л.И, Генри Торо и его Уолден. - В кн. Торо Генри Давид. Уолден или жизнь в лесу. М., Наука, 1979, с. 410-411.
34. Рейхани Амин. Избр. произв., 33-39.

- 35.Торо Г.Д. Уолден, или жизнь в лесу; М., Наука, 1979, с.367.
36.Мендельсон М. Жизнь и творчество Уитмана. М., Наука, 1965, с.179.
37.Там же, с. 130.
38.Уитмен У. Песня о себе. - В кн.: Листья травы. М., 1955, с.61.
39.ар-Рейхани А. Исцели меня, богиня долины. - В кн.: Арабская романтическая проза XIX-XX вв., Л., 1981, с.91.
40.Рейхани Амин. Избр. произв., с.120-121.
41.Мендельсон М., Жизнь и творчество Уитмена, с.179.
42.Уитмен У. Песня радостей. - В кн.: Листья травы, с.147.
43.Мендельсон М., Жизнь и творчество Уитмена, с.176-177.
44.Рейхани Амин. Долина ал-Фурейки, или возврат к природе. - Избр.произв. Петроград, 1917, с.36.
45.Ауд ила-л-вади. - В кн.: Д.Х.Джубран. Хитаф ал-аудийа. с. 115-118.
46.Инда махд ар-раби. - В кн.: Хитаф ал-аудийа, с.26-36.
47.Хаджаруха - Там же, с.59-62.
48.Аз-занбаг аз-завийа. - Там же, с.77-81.
49.Гусн вард. Там же, с.41-45.
50.Мендельсон М., Жизнь и творчество Уитмена, с.176-177.
51.Булбул ва рийах,- В кн.: Хитаф ал-аудийа. с.72.
52.Ар-Рейхани А. Исцели меня, богиня долины. - В кн.: Арабская романтическая проза XIX-XX вв., с.89.
53.Там же, с. 90-91.
54.Там же.
55.Инда махд ар-раби. - В кн.: Хитаф ал-аудийа, с.26-35.
56.Там же, с.26.
57.Ан-Наджва. - В кн.: Хитаф ал-аудийа. с.102-104.
58. Там же, с.102.
59.Там же, с. 103.
60.Ат-тарикан.- В кн.: Хитаф ал-аудийа, с.148-149.
61.Философский словарь. - М., 1984, с.58.
62.Хитаф ал-аудийа. с.149.
63.Рих Самум. - Там же, с.11-15.

- 64.Уитмен У. Листья травы. М., 1955, с.154.
65.Там же, с.128.
66.Хитаф ал-аудийа, с.15.
67.Ила-л-маслуб.- Там же, с.82-63.
68.Там же, с.82.
69.Там же, с.83.
70.Там же.
71.Ар-Рейханийат ч.П Бейрут, 1951, с.149.
72.Цит.по кн.: Венедиктова Т.Д. Поэзия Уолта Уитмена, МГУ,1982, с.17.
73. Левин Э. Философ из Фурейки. с.34.
74.Хасад аз-заман. - В кн.: Хитаф ал-аудийа. с.137-138.
75.Там же, с.138.
76.Ал-Ба'с - Там же, с.139-140.
77 Там же 139

ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

АМИНА АР-РЕЙХАНИ

Воспитанный на лучших традициях европейской литературной критики известный арабский писатель-эмигрант Амин ар-Рейхани (1876-1940) один из тех, кто впервые в арабской литературе правильно истолковал долг и ответственность писателя и художественного слова перед обществом.

Началом литературной деятельности ар-Рейхани, можно считать его перевод на английский язык четверостишия знаменитого поэта-философа Абу-л-Аля ал-Маарри (979-1058). Перевод вышел в 1903 г. в Нью-Йорке и сразу же был переиздан в Англии. Благодаря этому переводу ар-Рейхани приобрел известность не только в арабской, но и в западной литературе.

Основные литературно-критические статьи ар-Рейхани вошли в "ар-Рейханийят" (сборник статей, речей и стихотворений в прозе, в 4-х томах, вышедшие в Бейруте 1910-24 гг.). Остальные же публицистические и критические работы автора вышли в свет в сборниках "Литература и искусство" ("Адаб ва фанн"), "Вы - поэты" ("Антур аш-шуара") и др. В этих статьях выявлены основные художественно-эстетические взгляды писателя, его отношение к миссии и деятельности литератора.

Одной из первых литературоведческих работ ар-Рейхани, была полемическая статья "Писатели"¹. Само начало статьи кажется несколько двусмысленным: "Говорится, что писатели бывают двух категорий: одни пишут, чтобы жить, а другие живут, чтобы писать".² Представителей обеих групп он отвергает. Первые - наемники, пишущие на потребу дня и случая. Вторые - кабинетные червь, оторванные от непосредственной жизни, ее страданий и борьбы. "Тот, кто неизменно пребывает в своем кабинете, кто пишет свои произведения в окружении книг, бумаги и чернил, вдали от живой жизни и всех ее проявлений, пишет, конечно, много, но на самом деле не живет".³ Кто же является, по мнению ар-Рейхани, настоящим талантливым и нужным народу писателем? Это те, кто «живут жизнью умственной, духовной и телесной сразу, в то время как оба первых живут жизнью неполной и сухой, один - умственной, другой материальной, оба одинаково далеки от

духовной и научной стихии, которая должна господствовать во всем, что мы пишем сегодня».⁴ С этих неверных и схематических позиций он противопоставляет таких замечательных писателей и деятелей мирового значения - как Жан-Жак Руссо и Вольтер Аруз, Гюго и Гейне.

Творчество Руссо, по мнению ар-Рейхани, пришло от жизни, борьбы, в результате глубоких душевных переживаний, и «в стороне от условностей и искусственности». В то время, как Вольтер - типичный кабинетный ум, не переживший, не перестрадавший, своих идей, а высосавший их из пера в своем закрытом кабинете. Ту же параллель противопоставления он проводит между Гюго и немецким поэтом Гейне. Первого он одобряет Вольтеру, второго - Руссо. Эти неаргументированные суждения ар-Рейхани, к сожалению не случайные для его мировоззрения, в данном случае скользят по поверхности. Используя чисто внешние атрибуты и показатели, ар-Рейхани отбрасывает все сложнейшие и объективные причины - условий, эпох, степени одаренности, метод выражения общественных прогрессивных устремлений, характера индивидуальности самого писателя. И потому выводы его прямолинейны, схематичны и часто неверны.

Дальше с трудом уясняешь, кто же, в самом деле, является истинным народным писателем, т.к. это выражение у ар-Рейхани очень многословно, путанно. Мы уже отметили, что в творчестве ар-Рейхани наблюдается эта неотчетливость мысли, что в свою очередь, свидетельствует о противоречивости мировоззрения самого автора. И это не случайно, ибо общественные и эстетические взгляды ар-Рейхани были продиктованы, с одной стороны, конкретными условиями социально-политической жизни арабского общества, а с другой - сильным воздействием западной общественной мысли. Об этом отчасти писал и акад. И.Ю.Крачковский, характеризуя мировоззренческие позиции ар-Рейхани в его попытке объединить Запад и Восток: "Нужно сказать, что именно эта сторона его личности, этот надрыв и раздвоенность делают его не всегда понятным современному арабскому миру..."⁵

Амин ар-Рейхани правильно ратует за то, чтобы писатель как можно ближе соприкасался с непосредственной жизнью, был ее исследователем и не зависел бы от покровителей, временного успеха и распространенных мнений: "Свободный писатель - это истинный ученый, который предлагает выражения результаты своих знаний и плоды своих исс-

ледований, он приносит пользу народу во всех его делах, охраняя вместе с тем благородство науки и честь литературы".⁶

Статью венчает чисто восточный афоризм: одни писатели - плод финника, приносит сиюминутную пользу и наслаждение. Тип другого писателя - косточка от финника, она упадет на землю, прорастет и принесет множество плодов в будущем.

Нельзя согласиться с высказанием ар-Рейхани в этой статье, в адрес литературных критиков. Критик, по его мнению, это неспособный к творчеству писатель, который тратит жизнь на разбор и анализ чужих произведений. "Редко добивается известности какая-нибудь отдельная личность, из этого воинственного племени раскинувшая свои жанры на границах литературы... Несмотря на весомость ударов их основательной критики, их все-таки не включают в число писателей и авторов. Они из тех, кто пишет, чтобы жить, из тех, кто на дверях своего кабинета вывешивает официальный тариф".⁷

Несмотря на противоречивость и порой субъективность некоторых суждений, в целом статью "Писатели" можно считать полезной и нужной для того периода. В статье ар-Рейхани убедительно и настойчиво призывает писателей активно участвовать в жизни общества, покончить с изложением личных переживаний и пессимистических настроений, защищать и отображать нужды и чаяния народа. Писатель, не чувствующий на своих плечах тяжести страданий и забот народа, не призывающий к борьбе за прекрасное будущее, не живет сегодня и не будет жить завтра - вот основной вывод статьи.

Ар-Рейхани активно содействовал развитию общего литературного процесса, расчистки новых литературных путей, определил целый ряд принципов в арабском литературоведении. Вот как об этом пишет И.Ю.Крачковский: "В литературе европейских народов такой писатель, как ар-Рейхани, может быть и не приобрел бы известность, выходящей за пределы средней; для новоарабской, которая существует около века, он представляет достаточно крупное явление, и с его именем в истории литературы будет связано определенное направление. Роль ар-Рейхани можно характеризовать как расширение рамок обычного в современной арабской литературе материала до пределов мировых вопросов..."⁸

Интересным и глубоко принципиальным публицистическим проведением ар-Рейхани, пролагающим новые пути в арабской литературе, можно считать его статью "Литературная революция".⁹ Она оригинальна по своему содержанию. Ар-Рейхани выступает здесь и против арабских традиционалистов, борющихся с влиянием западной литературы на восточную, в частности, на арабскую, и против так называемых "крайних западников", которые полностью отказывались от достижений классической арабской литературы, призывая целиком опереться на европейские литературные образцы. Ар-Рейхани предлагает разумное и единственно правильное решение - использовать все лучшее в обеих литературах и сплавить ведино их достоинство и завоевания. Вышшими достижениями европейской литературы ар-Рейхани считает красоту формы, музыкальность и лиричность, достижениями же арабской литературы, которыми должна воспользоваться европейская, он полагает - глубину мысли, богатство воображения, обращение к глобальным философским проблемам бытия. Значение статьи ар-Рейхани станет особенно ясным, если мы укажем на отношение Арабского Востока того времени к цивилизации Запада. Многие считали, что надо отгородиться от пагубного влияния Запада, от европейского духа. Законное их отвращение к европейскому колониализму перерастало в крайность, и на этой почве возникло враждебное отношение ко всему иностранному, непривычному, требующему усилий для освоения. Это относилось не только к ограниченной сфере литературы, но и к широкой области всех достижений западной цивилизации. А.А.Долинина пишет: "... Консерватизм имел глубокие корни в народном сознании и усугублял тем, что европейская культура была культурой колонизаторов, и арабы у себя на родине чаще знакомилась с такими сторонами европейской цивилизации, как питейные заведения, публичные дома, употребление наркотиков. Это вело порой к полному отрицанию значения европейской культуры и умело использовалось реакционными мусульманско-феодальными кругами в борьбе против прогрессивных сил".¹⁰ Представители этого течения хотели искоренить "европейскую заразу" и начать путь возрождения былой славы на своей традиционной основе. Были и крайние "западники", которые считали, что только полное подчинение За-

паду, и заимствование западного образа жизни обеспечит прогресс для арабских стран. А. ар-Рейхани относился к числу той категории арабской интеллигенции, которая выступала за синтез достижений восточной и западной культур. Он пропагандировал западную цивилизацию во имя свободного технического, экономического и культурного подъема Востока, мечтая о том времени, когда самым культурным человеком будет признан не европеец и не житель Востока, а тот, кто сумеет выбрать из достоинств того и другого все преимущества европейского гения и гения азиатского.

Однако восхищение промышленным и культурным прогрессом Америки и Европы не мешало гневному обличению ар-Рейхани эксплуатации человека человеком, опощения в капиталистическом обществе духовных ценностей и подавления демократических свобод, кровавых войн и колониального разбоя. Считая Восток сердцем мира, а Европу его головой, ар-Рейхани указывал, что невозможно существование одного без другого: "Если свет науки, освещающий Европу, не соединится со светом сердца, его теплом, то он будет холодным, застывшим светом"¹¹. По мнению ар-Рейхани корни древа культуры находятся на Востоке, а распустившиеся ветви его - на Западе. Он отмечает невозможность существования корня без веток, а веток без корня.

Автор пишет: "Я хочу видеть результаты достижений пророков и ученых в Шаме и арабских странах на одном дереве. Я хочу видеть посаженные на священные земли и сады из этих деревьев, которые не являются деревьями Запада или Востока. Писателей и поэтов же хочу видеть далекими от политики, садами этих прекрасных садов"¹². В представлении писателя: не только; правящий абсолютизм, но и многие религиозные служители являются врагами прогрессивной мысли. Сегодня на Востоке, по его мнению, представители духовенства препятствуют раскрытию человека, развитию культуры. Статья "Литературная революция" кончается призывом к деятелям искусства и литературы: "Призываю вас к литературной революции. Поднимите знамя литературы в стране. Стройте дома культуры, создавайте институты искусства"¹³. Говоря о мировоззренческих взглядах ар-Рейхани отразившихся в литературно-критических статьях писателя, следует остановиться и на его своеобраз-

разных в этом отношении выступлениях о Вольтере Аруз и Л.Н.Толстом. В них еще раз раскрывается сила и слабость эстетических взглядов и убеждений ар-Рейхани.

Отношение к Вольтеру Аруз (1694-1778) у ар-Рейхани носит двойственный характер: он высоко ценит начитанность, глубокий ум, высокое художественное мастерство Вольтера, восхищается его свободомыслием, силой изложения, "приятным стилем", деликатностью шуток и тонкостью мысли. "У Вольтера была большая начитанность... Громадное искусство письма и изложения..."¹⁴ - пишет он. Ар-Рейхани также отмечает, что Вольтеру приписывали "много каламбуров", в этом он видит его сходство с известным средневековым арабским поэтом Абу Нувасом, который превратился в героя анекдотических рассказов. Этим, в сущности, и исчерпываются все положительные черты, отмеченные ар-Рейхани у Вольтера.

В силу таких объективных причин, как недостаточное знание французского языка, малое знакомство со всем творчеством великого просветителя привело к тому, что ар-Рейхани не сумел достаточно полно оценить все значение деятельности Вольтера.

К этому можно присоединить и то, что Вольтера мало переводили и мало знали в арабских странах. Познакомились арабы с творчеством Вольтера только в первой половине XIX в., после французской экспедиции в Египет (1798-1801), когда "наступила эра усиленных переводов и популяризации; на первых порах они захватывали область науки и техники, но иногда касались исторических и литературных явлений, обыкновенно французских, нередко еще XVIII века, как произведения Вольтера"¹⁵. В Сирии и Ливане в первой половине XIX в., французское влияние было очень сильным. Французский язык проник в среду интеллигенции, и Вольтера, как отмечает И.Ю.Крочковский, «читали иногда в подлиннике, но переводить его не решались, тем более что в условиях турецкой цензуры того времени напечатать перевод едва ли было возможно. В Египте обстановка сложилась несколько иначе: «мусульмане менее остро реагировали на антиклерикальные настроения Вольтера, хотя тоже должны были прибегать к различным оговоркам, оправдывая свое внимание к его творчеству»¹⁶.

Только в середине XIX в. были переведены на арабский язык два исторических труда Вольтера. Инициатором этого был выпускник духовной школы ал-Азхара шейх Рифа'а ат-Тахтави (1801-1973). Ат-Тахтави 6 лет (1825-1831) жил в Париже в качестве наблюдателя за морально-религиозным поведением нескольких молодых графов, обучающихся в учебных заведениях Франции по направлению Мухаммеда Али. Здесь он близко ознакомился с Французской литературой и, как сам отмечает, с интересом читал произведения Вольтера, Руссо, Ресина, Монтескье. В 1841 г. был издан перевод "Истории Карла XII". Переводчик - Мухаммед Мустафа, один из выпускников школы языков, директором, который был Рифа'а ат-Тахтави.

В 1850 г. земляк Рифа'а ат-Тахтави, Ахмед ибн Мухаммед Убейд ат-Тахтави, перевел на арабский язык второй исторический труд Вольтера "Историю Петра Великого". В арабском переводе книга называлась "Цветущий сад в истории Петра Великого" ("ар-Рауд ал-азхар фи тарих Бутрус ал-акбар"). Такое пышное название удовлетворяло литературные вкусы того времени, когда требовалось, чтобы название книги непременно было выражено рифмованной фразой. Под таким же вычурным рифмованным названием был выпущен и перевод "Истории Карла XII". Книга называлась "Восходы солнц жизнеописаний в боях Карла XII" ("Матали шумус ас-сийар фи вака'и Карлус ас-сани ашар").

Из предисловий к переводам видно, что отношение арабов к творчеству Вольтера было противоречивым. Переводчики высказываются и в положительном и в отрицательном смысле. Приведем несколько примеров. Из предисловия и заключения к "Истории Петра Великого": "... Автор истории - из числа крупнейших европейских философов. Это - знаменитый философ по имени Вольтер, который погружался в море философии и в какие пучины Он считается среди крупнейших из них величайшим авторитетом, хотя очень далеко по своему пути от религии... Кто не знает красноречия знаменитого Вольтера! У него в каждой области найдется произведение, понять которое бессилен и малый, и великий... Сочинения его переполнены критикой всех народов, безразлично и культурных и варварских... Вольтер - известный ученый, философ... Дело в том, что обилие знаний этого ученого привело его к поношению религии и даже многих царей того времени... Ему принадлежит много со-

чинений... Однако мало тех, кто доверяет сочинениям этого удивительного человека".¹⁷

Нет сомнения в том, что ар-Рейхани был знаком с этими переводами, и естественно, с предисловиями и заключениями, написанными к ним. Статья его является как бы обобщением мнений и мыслей этих переводчиков. И.Ю.Крачковский отмечает, что Вольтер не мог стать популярной фигурой в новой арабской литературе¹⁸. По мнению ар-Рейхани, арабская интеллигенция Вольтера изучала "если не принципиально, то из хвастовства".

Ар-Рейхани, как он сам выражается, оценивает заслуги Вольтера в свете "факела истины". Но арабский критик, повторяем, не смог охватить и отметить в Вольтере то главное, неумирающее, общественно значимое, что отличает творчество великого французского деятеля эпохи Просвещения: именно то, что Вольтер Аруз стал знаменем борьбы за полное обновление «жизни, за полный разрыв со средневековыми нормами и догматами. Деист по своим философским взглядам, Вольтер - сторонник учения о "естественной религии", утверждающей, что в человеческом сознании априорно, для всех времен и народов заложены принципы нравственности. Это выявляло идеалистическую природу его мировоззрения, и вместе с тем свидетельствовало о великой вере философа в нравственную основу человеческого существа. Вольтер ненавидел и яростно боролся со служителями всех религий. "Раздавите гадину" - его постоянный лозунг по отношению ко всем представителям религиозной обрядности. Он ненавидел церковь, но не отрицал бога как первоначальной силы. Борьба с церковью, с крепостничеством, со всеми видами угнетения личности, за полное равенство граждан перед законом, за ограничение власти монарха, за свободу слова и обложения налогами граждан пропорционально их имущественному цензу - все это на долгие десятилетия сделало Вольтера знаменем всего прогрессивного в борьбе за полное обновление общества.

Вообще, при оценке деятельности каждого великого человека, в какой бы области он ни творил, следует, прежде всего, оценивать его общественные заслуги, послужившие общему прогрессу жизни. Но заострять внимание и выделять его личные недостатки, такие естественные для каждого человека на наш взгляд нецелесообразно и неправильно. Ведь и Вольтер - человек и, как говорят, ничто человеческое ему не было чуждо.

Амин ар-Рейхани пошел по другому пути. Он не выделил огромные заслуги Вольтера перед человечеством, не остановился на положительных сторонах его творчества и философии. Он об этом написал вскользь: "Меня восхищает в Вольтере свободомыслие и душевная легкость при силе языка, приятном стиле, деликатности шуток и тонкости мысли. Все эти свойства и качества проявляются во всем, что он написал..."¹⁹. Как видим, немного и поверхностно. Зато фиксации отрицательных качеств мыслителя у него гораздо пространнее. По словам ар-Рейхани, перед юношей, читающим Вольтера, вскоре обнаруживаются "пути его хитростей и приспособления". Ар-Рейхани обвиняет Вольтера в том, что некоторые мысли, высказанные им в своих произведениях, взяты из других источников, в частности, из священных книг: "Сколько сокровищ изречений и редких мыслей, которые Вольтер извлек из долины забвения, очистил, обстругал, отполировал и снабдил своим именем... Помнится мне еще, что он взял целую историю из Корана и поместил ее в одной из повестей, не указывая источника. Это - история Моисея в главе "Пещера..."²⁰. А ведь используя священные книги в своих целях, Вольтер прибегал к довольно распространенному в то время и часто используемому приему, который никому не казался предосудительным.

Критикуя Вольтера, ар-Рейхани больше всего выделяет его неискренность: "...искренность, которую ему приписывают поклонники, не глубже искренности большинства сочинителей. Иначе говоря, он едет за временем, показывается и скрывается, усиливается и слабеет при перемене обстоятельств и условий"²¹.

Эту искренность ар-Рейхани видит и в отношении Вольтера к религии. Он пишет: "Вольтер был убежден в том, что ислам ложная религия..."²². Дело в том, что в 1722 г. Вольтером было написано философское произведение под названием "Фанатизм, или Магомет пророк"²³, которое он поднес папе со следующей надписью: "Главе истинной религии я подношу это сочинение об основателе ложной религии" и пр. Последнее страшно оскорбило ар-Рейхани, так как под "ложной религией" подразумевалось магометанство. Следует помнить, что по своему вероисповеданию ар-Рейхани был христианином. Хотя писатель был нетерпим ко всем официальным религиям, тем не

менее он верил в бога. Однако вера эта была достаточно сложной, и скорее приближалась к пантеизму.

Известно, что Вольтер с церковью всю жизнь находился в непримиримой вражде. Когда Вольтер умер, церковь даже запретила хоронить его, и его племянник, аббат Миньо, тайно похоронил писателя в аббатстве Сельер в Шампани. И не случайно, что этот жест Вольтера перед папой кажется ар-Рейхани притворством и хитростью. Он так пишет по этому поводу: "Внимательному читателю будет ясно, сколько в этом поступке кроется политики, искусства и хитрости, не говоря о том, что писатель погрешил критикой ислама и неприятным выпадом против его великого основателя"²⁴, и считает, что «таким образом, оба обменялись чувствами притворной дружбы, и Вольтер победил своих врагов иезуитов с их помощниками»²⁶.

В одной из своих лучших трагедий "Фанатизм, или Магомет пророк", очень злободневной для своего времени, Вольтер открыто выступает против преступной роли религии и церкви. Но этот выпад маскируется, якобы, разоблачением исламской религии. Все это можно понять как определенный дипломатический шаг писателя, жестоко преследуемого христианами клерикалами и церковной цензурой.

"Критические высказывания ар-Рейхани против Вольтера не подкрепляются развернутыми положениями. Он только высказывает свое возмущение выпадом писателя против ислама. Это тем более странно, что сам ар-Рейхани не был последователем ислама, как на это было уже указано, родился и вырос в христианской семье. Ар-Рейхани не понял, что беспощадная критика Вольтером ислама была завуалированным выпадом против католической церкви.

Все это - свидетельство того, что ар-Рейхани не совсем отчетливо представлял себе все значение творчества и деятельности Вольтера. Может быть, это не совсем правильное представление о французском писателе у ар-Рейхани явилось результатом влияния переводчиков, в свое время давших путаную, одностороннюю оценку творчества Вольтера.

Вполне вероятно, что Амин ар-Рейхани в какой-то степени прав, упрекая Вольтера в этих маленьких человеческих слабостях - неискренности, честолюбия, лукавства и проч. Но разве в этом дело? Разве это в какой-то мере низводит, уничтожает те огромные положитель-

ные стороны деятельности этого могучего ума, его значение перед всеобщим человеческим прогрессом? И странно, даже не совсем понятно, почему ар-Рейхани, сам недюжинный борец за прогресс, за изменение косных сторон жизни, не отметил то главное, чем значителен Вольтер, что заслуживает вечное признание к нему человечества, а выделил не понравившееся ему личные качества философа.

Характерна оценка ар-Рейхани творчества писателя и в его статье "Толстой".²⁷

Известно, что философское и этическое учение Толстого было широко распространено в арабских странах и стало более популярно, нежели его художественное творчество. И ар-Рейхани в своей оценке великого мастера слова останавливается, главным образом, на характеристике Толстого, как личности, как человека. Что же выделяет критик как главное в личности и деятельности Толстого? "...Силу добра без всякой искусственности, гордости и эгоизма, потому что он вооружен истиной..."²⁸. Это для ар-Рейхани не просто слова, а выражение его глубочайшего нравственного убеждения. Нравственная основа мировоззрения и самой личности Толстого были близки ему и находили в его душе отклик. Стремление к самоуглублению, неприятие активного противостояния злу, склонность к отвлеченному мышлению в глобальных масштабах, отношение к жизни, как к временному и краткому периоду будущего вечного существования – все эти черты общего восточного мировоззрения нашли свое, как бы адекватное подтверждение в основах учения гениального русского писателя. Его мировоззренческое влияние на Востоке было огромно.

Л.Толстой был для ар-Рейхани в какой-то степени ориентиром в мире духовного и нравственного. Вот как пишет ар-Рейхани о самых интимных и глубоких своих душевных чертах: "Не слава и известность моя заветная мечта, не сан и богатство, не власть и величие. Моя первая и основная мечта - быть простым в своих поступках, искренним в словах, прямым в принципах и суждениях, естественным в действиях и поведении, свободным во всем, что я люблю и ненавижу... Я хочу всегда иметь чистый ум, сердце и тело, быть далеким от пустоты, прикрас, самодовольства и искусственности, чуждым трусости,

страха и колебаний, далеким от стыда, который унижает душу и умерщвляет истину, далеким ото лжи, обмана, лести и ханжества... Я хочу бороться с испорченностью и заблуждением». Я хочу жить без ненависти, хочу любить без ревности. Хочу быть высоким, не превозносясь ни перед кем. Хочу идти вперед, не попирая стоящих ниже, и не завидуя находящимся выше... Если же во мне есть, что-то, что может направить людей к благу и поднять их на одну ступень по лестнице умственного и духовного развития, я хотел бы выразить это притчей, намеком, деликатно, а не увещанием, угрозой и приказом».²⁹

Почти полное совпадение с программой самосовершенствования Льва Толстого. Поэтому ар-Рейхани больше всего останавливается на характеристике Толстого как человека - добрый, скромный, бесхитростный, стал братом крестьянина, живет просто, отказался от богатства и проч. Художественное значение Толстого он не затрагивает.

Статью о Толстом ар-Рейхани начинает с довольно, неожиданной параллели с американским миллионером Морганом - оба обладают общественной значимостью и силой, "оба они гиганты, влияние которых чувствуют целые нации и народы"³⁰. Но конечно, ар-Рейхани противопоставляет происхождение и качество самой власти этих людей: "Один велик в духовном мире, а другой в материальном; первый - гигант мудрости и литературы, второй - торговли и денег".³¹

Далее ар-Рейхани указывает на то, что Толстой распространяет учение Христа, и величие Толстого зиждется на тех же основах, что и величие Христа - любовь, всепрощение, терпение и воздаяние добром на зло. Но такую всеобъемлющую идею Толстого, которую восприняло буквально все человечество, как необходимость безустанного нравственного самосовершенствования, которая так близка восточной философии в целом и самому ар-Рейхани, в частности, он не выделяет.

Второе, что совершенно опускает ар-Рейхани при характеристике общественной значимости деятельности Толстого - страстное, бескомпромиссное обличение жизни господствующих классов и всей общественной системы, в чем он шел, по словам В.И.Ленина, до конца: "...Своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов

самых широких народных масс в России... Протест миллионов крестьян и их отчаяние – вот что случилось в учении Толстого». ³²

Для общественного мировоззрения ар-Рейхани идея Л.Толстого непротвения злу чужда. Сам он все время искал активные способы уничтожения общественного неравенства. Поэтому ар-Рейхани правильно оценил в учении Толстого идею непротвения злу насилием. "Пока существует это зло, то есть власть отдельных лиц - безразлично царей или богачей - над большинством при помощи богатства и оружия, до тех пор и мир, о котором проповедует Толстой в своих первых книгах, останется очень далеким. Протвение злу добром при этом не всегда будет добром" ³³. И далее ар-Рейхани указывает, что и революцию многие народы считают актом справедливости.

Бездоказательным выглядит утверждение ар-Рейхани о том, что Толстой свои "политические, хозяйственные и общественные взгляды заимствовал у Карла Маркса и американица Генри Джорджа". Буржуазный американский публицист и экономист Генри Джордж (1839-1897), как известно, считал возможным прийти к всеобщему социальному миру и материальному общественному благополучию всего лишь через введение единого земельного налога, но не считал возможным ограничить крупное частное землевладение, не касался основ буржуазной собственности личного землепользования, в то время как Толстой во всех работах утверждал, что владение собственностью - зло, что землей должен владеть только тот, кто ее обрабатывает и ею кормится.

Проанализировав статью арабского писателя, мы все же должны констатировать отсутствие в ней широты охвата предмета - творчества Льва Толстого в его художественном и мировоззренческом содержании. Объяснить это отчасти можно и тем, что, к сожалению ар-Рейхани не мог быть хорошо знаком с художественным и публицистическим творчеством русского писателя. Он пользовался только переводами, которые очень избирательно и неполно знакомили читателей с творчеством писателя. По тому Л.Толстой и представлен им в каком-то одном ракурсе, наиболее близком и понятном ему самому. Ар-Рейхани, сам страстный обличитель "зла, страданий масс, заинтересовался творчеством Толстого и обратил внимание именно на те стороны мировоззрения Толстого, какие ему были духовно и нравственно близки.

Остановимся и на речи ар-Рейхани, произнесенной им в бейрутском театре "Цветок Сирии" перед первым представлением спектакля "Гамлет" по трагедии Шекспира. ³⁵ Речь носила название "Духовная революция", во второй том "ар-Рейханийяат" она вошла под заглавием "Гамлет и Шекспир". ³⁶ "В ней ар-Рейхани в противоположность господствующим течениям, доказывал необходимость внутреннего переворота, а не только перемены правительственной" ³⁷ - отмечает И.О.Кривчикова. В статье автор дает не только оценку творчества Шекспира, но и делится впечатлениями о сценической постановке пьесы, говорит об актерском мастерстве. Писатель в восторге от пьес Шекспира, которого он называет "князем мировых поэтов". "Гамлет" он определяет как лучшее его произведение. Шекспир его восхищает глубиной постижения всех человеческих страстей, которые он представляет в разных масштабах: Одно из отличительных свойств этого поэта то, что он не оставил ни одного человеческого чувства, нежного или грубого, низкого или возвышенного, высокого или дикого, явного или скрытого, не дав ему тонкого и изящного одеяния своей поэзии и не извлекли из него возвышенной мудрости". ³⁸

Однако отдавал должное глубине и сложности Гамлета, трудности постижения этого образа для актерского исполнения, само содержание образа, выразившего собой одну из мучительных и кардинальных проблем человеческого сознания - сомнение или действие, скепсис и глубочайшее разочарование без исхода и примирения - ар-Рейхани не затронул. Но сама оценка Шекспира и его трагедии «Гамлет» показатель большого кругозора и культуры ар-Рейхани и тонкости его эстетического чутья.

Ар-Рейхани всегда призывал писателя быть глашатая гуманизма, служить человечеству. Он подвергает резкой критике писателей, далеких от этих высоких целей. В этом смысле привлекает внимание его статья "Два стиха ал-Мутанабби". ³⁹ Бейти восхваляют хамданидского эмира в Алеппо Абу-л-Хасана Али Сейфа ад-Дауля (944-967). Статья начинается восхвалением ал-Мутанабби эмира Сайфа-д-Дауля: "Ты похитил столько жизни, что, если бы мог их присвоить себе, мир надо было бы поздравить с тем, что ты вечен". ⁴⁰ Ар-Рейхани возмущен похвалами жестокому властелину, который пролил кровь тысяч людей.

Ал-Мутанабби пользовался большой благосклонностью Сейфа-д-Дауля и сопровождал его в ряде походов против византийцев и бедуинов. Поэт вос-

хищался его победами, посвятил эмиру множество панегириков. Так, в одном из стихов, описывая бегство византийцев, он говорил, обращаясь к Сейфу-д Даулю: "Ты не царь, обративший и бегство себе подобного, ты само единобожие, от которого бежит многобожие".

Выражая свое негодование по отношению к автору стиха, ар-Рейхани питает: "Что же касается ал-Мутанабби, то мой восторг перед его талантом равен презрению к его личности: природа отличила его пылающими дарованиями, а он растапливает ими речь, чтобы там сжечь невесту истины и справедливости; такой, человек не заслуживает, по существу, даже название человека".⁴¹

По мнению ар-Рейхани, писатель - это общественный трибун, совесть народа, его бьющееся сердце. Поэтому автор бичует поэтов хвалебных стихотворений, поэтов, которые тратят свой талант свой на заискивание и лесть. Он считает, что они изменяют своей миссии к своему призванию. Он пишет: «Поэт, который предаёт свой талант за дирхем, поэт, который не служит истине и не защищает права человека, который скидывает с ума одеяние прямоты, с души - покров гордости, а с сердца - плащ искренности, - что ты скажешь об этом обманнике, лгуне, голом бесстыднике? Разве вишлица приготовлена не для него?». ⁴²

Затем ар-Рейхани переходит к разъяснению второго бейта ал-Мутанабби: "Высокая честь не будет в безопасности от обиды, пока по краям ее не прольется кровь".⁴³ Гуманист по своей природе ар-Рейхани крайне возмущается таким рассуждением великого и признанного поэта. И он искренне желает, чтобы изъяли эти строки из дивана ал-Мутанабби, дабы будущее поколение не узнало о них, и не обращались к ним.

В книге афоризмов ар-Рейхани "Зерна для сеятелей" ("Бузур ли-з-зари-ин") говорится: "Дурные и хорошие свойства великих людей имеют обыкновенно один и тот же источник: преувеличение"⁴⁴. Эту мысль вполне можно соотносить со статьей самого писателя о ал-Мутанабби. Безусловно, он не прав когда остерегает молодых талантливых поэтов идти по стопам ал-Мутанабби. Ар-Рейхани оставляет в тени все многогранное творчество большого поэта, одного из крупнейших представителей классической арабской поэзии, внес-

шего большой вклад в развитие средневековой арабской литературы, выхвачывая из всего написанного им, лишь один, на его взгляд неудачный, стих.

С другой стороны это еще одно утверждение тому, что ар-Рейхани однозначен и категоричен в своей оценке роли литератора. Как отмечает А.А.Долинина ему одинаково презренны и современные "извозчики от литературы", которые «вывешивают на коляске своего знания правительственный тариф и погоняют перо, как и куда угодно седоку», и всеми почитаемый классик арабского средневековья ал-Мутанабби - "талант, которого пресмыкается и ползает в прахе перед грешным тираном".⁴⁵

Высказывания ар-Рейхани о роли и значении литературы и писателя в обществе, естественно, исходят из его мировоззренческих позиций и эстетических взглядов. В первую очередь писатель требовал от литературы правдивости, гуманизма и действительности. Литература должна служить не правящей верхушке общества, а трудовым массам. Ар-Рейхани не считал полноценным в художественном отношении те произведения, в которых отсутствовали пульс жизни, интересы масс, общественное содержание. Выдвигаемые им требования и задачи были очень актуальны для арабской литературы того времени и явились ценным вкладом в прогрессивное литературоведение арабских стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пер. с арабск. акад. И.Ю.Крачковского. В кн.: А. ар-Рейхани. Избранное. Л., 1988, с. 173-179. (Цитаты приводятся по этому переводу).
2. А. ар-Рейхани. Избранное, с. 173.
3. Там же, с. 174.
4. Там же, с. 175.
5. И.С.Крачковский. От переводчика. - Предисловие в кн.: Амин Рейхани. Избранные произведения, Петроград, 1917, с. II.
6. А. ар-Рейхани. Избранное, с. 178.
7. Там же, с. 174.

8. И.Ю. Крачковский. От переводчика, т. II.
9. А. -ар-Рейхани. ас-Саура ал-адабийя. Ар-Рейханийят. т. П, Бейрут, 1910, с. 42-55.
10. А.А. Долинина. Очерки истории арабской литературы новой времени. Египет и Сирия. Публицистика. М. , 1968, с. 8.
11. Ар-Рейханийят, т. П, с. 44.
12. Там же.
13. Там же, с. 54.
14. А.ар-Рейхани. Вольтер. (Пер. с арабск. И.Ю. Крачковского). В кн.: А.ар-Рейхани. Избранное, с. 197.
15. И.Ю. Крачковский. Арабская литература в XX веке. – Избр. соч. т. Ш, с. 88.
16. И.С. Крачковский. Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера. – Избр. соч. т. III. с. 367.
17. Там же с. 373-374.
18. Там же, с. 367.
19. А. ар-Рейхани. Избранное, с. 199.
20. Там же, с. 198-199. В примечании к переводу И.Ю. Крачковский приводит отрывок из Корана, на который ссылается ар-Рейхани – Сура XVIII, стих 64-81. См.: А.Рейхани. Избр. произв. Пг. 1917, с. 54-55.
21. А.ар-Рейхани. Избранное, с. 199-200.
22. Там же, с. 200.
23. Русский перевод этого произведения был сделан в 1798 году.
24. А.ар-Рейхани. Избранное, с. 200.
25. Там же.
26. Там же.
27. Пер. с арабск. И.Ю. Крачковского. В кн.: А.ар-Рейхани Избранное, с. 201-206.
28. Там же, с. 202.
29. А.ар-Рейхани. Предисловие ко второму тому «ар-Рейханийят», Перевод И.Ю. Крачковского в кн.: А.ар-Рейхани. Избранное, с. 229-230.
30. А.ар-Рейхани. Избранное, с. 201.
31. Там же.

32. В.И. Ленин. Л.Н. Толстой и современное рабочее движение. Полн. Собр. соч. т. 16, с. 301-302.
33. А.ар-Рейхани. Избранное, с. 203.
34. Там же, с. 205.
35. Примечание И.Ю. Крачковского к русскому переводу речи. См.: А.ар-Рейхани. Избранное, с. 230, прим. I.
36. Пер. с арабск. И.Ю. Крачковского. В кн.: А.ар-Рейхани. Избранное, с. 230-236.
37. А.ар-Рейхани. Избранное, с. 230, прим. 2.
38. Там же, с. 231.
39. Бейтани ли-л-Мутанабби. Ар-Рейханийят, т. I, Бейрут, 1910, с. 137-141 (Пер. с арабск. И.Ю. Крачковского в кн.: А.ар-Рейхани. Избранное, с. 187-191).
40. А.ар-Рейхани. Избранное, с. 187.
41. Там же, с. 189.
42. Там же.
43. Там же.
44. А.Рейхани. Избр. произв. Пг., 1917, с. 106.
45. А.А. Долинина. Амин ар-Рейхани, предисловие к кн.: Избранное, с. 5.

РОМАНТИЗМ АР-РЕЙХАНИ В ПОВЕСТИ "ВНЕ СТЕН ГАРЕМА" И В МАЛЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ЖАНРАХ

Вся жизнь и творчество ар-Рейхани характеризуются неразрывной связью с жизнью арабского общества - его настоящим, прошлым, будущим. Он не стоял в отстранении, в одиночестве, а всеми своими: интересами и помыслами находился в центре общественно-политической и духовной жизни народа. Его мучительно не удовлетворяла ни та жизнь, которую он наблюдал у себя, на родине, ни та, которую он видел на Западе. Ясными выводами, развернутой позитивной программой писатель не обладал, одно он знал непреложно и твердо - ненависть к угнетению человеческой личности, ненависть к приземленности, грубой материальности, к религиозному фанатизму и темным предрассудкам, несправедливому распределению общественных благ.

Многие свои позитивные идеи ар-Рейхани взял от арабского просветительства. Он же явился продолжателем в разработке одной из кардинальнейших тем просветительства - темы освобождения восточной женщины от вековых пут. Эту же тему начинал активный борец за женские права Касем Амин (1865-1908) еще в начале века. (Впервые к теме женской эмансипации ар-Рейхани обратился еще в 1910 г. в повести "Лилия омута" ("Занбакат ал гаур"), но более развернуто, убедительно и закончено поставлена эта тема в большой сюжетной повести "Вне стен гарема или Джихан", художественно сильной, эмоционально насыщенной, захватывающей читателя яркостью образов, остротой и современностью поставленных в ней проблем, многосложностью замысла.

Повесть написана в 1917 году, ее содержание заключается в следующем: события происходят в столице Турции, во дворце отставного турецкого вельможи Реза паши. Между его дочерью, Джихан и немецким военным консулом Валленштейном существуют сложные личные отношения, Валленштейн требует от Джихан, чтобы она стала его женой или возлюбленной. Джихан, хотя и испытывает чувство любви к этому человеку, не хочет этой близости, так как Валленштейн не только угнетает ее родину, но и пособник в гибели ее брата и отца. Сложные и противоречивые чувства героини приводят ее к единственному решению - отомстить за родину, за

отца, за свое поправное достоинство. И Джихан убивает любимого человека, а затем кончает жизнь самоубийством.

Повесть романтична, все в ней, начиная от основной идеи, разворота сюжета, метода подачи главных героев, портретных характеристик, пейзажных зарисовок, общего языкового стиля, раскрывает писателя-романтика в полном значении этого слова. Главная идея повести - борьба женщины за освобождение личности, за свободу от власти темных предрассудков, унижающих ее, как личность, попирающих ее человеческое достоинство. Тема эта могла вполне стать предметом реалистического воплощения. Но писатель-реалист взял бы типический образ, т.е. образ его героини носил бы не исключительный характер, а выросал бы из жизни, был бы погружен в такие обстоятельства, а такую вытопляет, которые исключали всякую случайность, необычайность, неподтвержденность всех стремлений и поступков образа героини соответствующими условиями. "Существенное отличие романтического метода заключалось в том, что писатели исследовали характер, зачастую не обращаясь к обстоятельствам, их порождавшим, и не создали таким образом типических характеров.² Эти слова вполне, применимы к образу повести Джихан. Это образ исключительный, возвышающийся над всеми окружающими, наделенный сильными чувствами и страстями, одинокий, отчужденный от всех, раздираемый внутренними противоречиями между долгом и любовью, жадной мести и патриотическими чувствами. С самого начала автор вывывает в образе героини ту главную мечту, страсть, к которой она рвалась всеми силами своей души - Свобода: "Цель, к которой стремилась Джихан, ее новая мечта, вновь и вновь являлись перед ней, пронизывая самые глубины ее пылкой души. Джихан рвалась к ней всем своим существом. Она обращала молитвы к этому средоточию своих помыслов, духовных исканий, воплощение обретенного рая для мученика, радостно волнующему символу надежды. Во сне и наяву светилась эта цель перед ее взором, она неизменно повторяла дорогое для нее слово".³

Образ Джихан раскрыт глубоко изнутри, во всей его силе и слабости, во всех его противоречиях. Все ее поступки вытекают из внутренних побуждений, хотя они ей не всегда даже самой ясны. "Та внутренняя раздвоенность, в которой находилась Джихан, должна была неминуемо привести к кризису. Мысли молодой женщины текли то в одну, то в другую сторону, и

она тешно сопротивлялась их потоку, силясь понять, к чему же в действительности стремится?"⁴

Все в образе Джихан резко выделяет ее ото всех остальных людей - необыкновенная красота, высокое происхождение, абсолютно независимое положение в обществе, богатство, блестящее образование, самобытность натуры, огромная сила воли, решительность, смелость и пр. Вот такое приподнимание героини на своего рода пьедестал, отделение ее от всего окружающего выявляет яркую романтичность образа. Романтична не только цель, к которой стремится героиня, но и основная коллизия повести - борьба в душе героини противоположных чувств: она любит человека, который убил ее отца и брата, который унижает и терзает ее родину. Отомстить ему? Убить? Или отдаться свои любви, и родить от него сына? Романтики всегда выбирают для своих произведений такие конфликтные ситуации, которые с наибольшей силой, с остротой, отчетливостью выявляют необычайные страсти и чувства в своих героях, их способность: совершать героические поступки, только через смерть разрешать трагические условия, в которые они поставлены. "Внимание художественного реализма привлекают разные стороны жизни... человека во всей полноте его психологии. Художник-романтик становится главным образом на ярком, необычайном, выдающемся, выявит порыв человека в момент наивысшего душевного напряжения, выпукло, красочно выделит эти ведущие стороны жизни..."⁵

Особенность романтических героев - их одиночество. Они выдвинуты вперед и поставлены над обществом. Они не представляют собой часть единства, общности. В силу исключительности своих натур, идеалов, целей они почти никогда не находят сподвижников, всегда действуют одиночно, хотя и стремятся к общечеловеческим целям. В этом сказывается и индивидуализм романтических героев. Такова и героиня повести ар-Рейхану, она борется за освобождение; женщины, занимается "общественной" деятельностью, пишет статьи, печатается в журналах, переводит Ницше - но это совершенно не сказывается на ее жизни, окружении, человеческих связях, она всегда одинока. Героиня рисуется в столкновении со средой. Из представителей своего народа она не способна никого полюбить: "Но найдется ли среди сынов ее родины человек, который пойдет с нею одним путем... Поймет высоту ее стремлений, не подвергнет осмеянию святые мечты!"⁶ И лю-

бимый отец, у которого она единственная дочь, не близок ей. Она вся внутренне закрыта перед ним, отгорожена своей гордостью, замкнутостью, отчужденностью. Романтический герой противостоит обществу, весь ее протест и вызов обычному, приземленному, в нем всегда "реализована поэтическая и роман прозой жизни."⁷ Джихан отделена даже от своего народа, она осуждает его предрассудки, покорность и смирение: "Неужели таков дух ислама, который я призвала себе на помощь? Таков народ, чья поддержка нужна мне в борьбе за свободу и справедливость? Нет, нет. Они не понимают меня, не могут понять! Между мной и ими зловещая пропасть, которая с каждым днем ширится..."⁸

Противостояние романтического героя и общества, непонимание ими друг друга - самый общий показатель их взаимоотношений. И это понятно почему. Ведь обычные герои живут обычной жизнью, они многогранны, живы, сложны. Иной герой у романтиков, он живет только высоким целями и идеалами. Жизни повседневной для них не существует, поэтому писатели-романтики ее не воспроизводят: "Все романтики искали свой романтический идеал за пределами окружающей его реальности, все они, так или иначе, противопоставляли "презренному здесь" "неопределенному таинственному там"⁹ - пишет Г.Н.Поспелов.

По законам романтизма разворачивается и сюжет повести. В нем нет бытописи, описания обстановки, среды, окружения. Не процесса самой жизни. Нет побочных ситуаций, отвлечений, характеристик близких героине людей: воспоминаний о прошлом, описание примет обычной жизни и пр. Все сосредоточено на главной героине - Джихан: ее стремления, ее переливания, ее столкновения, ее поступки, все остальное - только фон, только отражение ее жизнедеятельности. Даже человек, с кем она столкнулась в смертельной схватке, любимый-враг - генерал Валленштейн - дан, очень сжато, схематично, совершенно не раскрыт изнутри. Дан только в таком ракурсе, который с наибольшей полнотой выявляет причину его столкновения с Джихан.

Обрисован он в повести "сильной белокурой бестией", идущей всегда напролом, сеющей вокруг себя смерть и насилие. В представлении писателя психология его примитивна: подчинить всех своей силе,мести для этого все препятствия. Его всегда сопровождает чувство крайнего превосходства над всеми, самоуверенности, непоколебимости.

Генерал Валленштейн, пребывая в Турции, мечтал, что если "его долго лелеемые мечты о господстве над огромной державой - от Бурсы до Багдада - станут, наконец, явью... то он, генерал фон І Валленштейн, далеко превзойдет по своей власти древних германских королей..."¹⁰ Ар-Рейхани рисует и нынешний облик Валленштейна: "Мужественное, обожженное красновато-кирпичным загаром лицо, на котором выделяются темно-синие глаза."¹¹ Основная внутренняя сила, двигающая им в жизни, - жажда власти, В общем - это типичный носитель ницшеанской философии, которая глубоко чужда, отвратительна писателю.

Имя этого философа несколько раз встречается в повести: его книгу "Так говорил Заратустра" переводит на турецкий язык Джихан; об этом авторе с негодованием вспоминает Реза паша, недовольный поведением дочери: синагония Ницше подбрасывает с пола Валленштейн, придя на свидание с Джихан. И самой Джихан Валленштейн часто предстает в виде "белокурого зверя", которого ей необходимо уничтожить, чтобы отомстить за все зло и свободно дышать.

Ар-Рейхани заставляет Валленштейна откровенно высказывать мысли и идеи ницшеанского толка. Вот как размышляет генерал, когда ему показались, что Джихан ему не покорится: "Неужели мое величие - внешнее, показное, преходящее? - спрашивал он себя. Неужели в нем нет ничего от абсолютной воли, изначально существующей, вращающейся вокруг собственной оси? Разве сила личности, способность подчинять себе других проявляется только в господстве над судьбами людей, в умения превратить их в рабов" Разве не дает она также власти над людскими умами и душами?"¹²

Писатель не случайно делает Валленштейна последователем ницшеанской философии, так как на Востоке; в то время эта история пользовалась известной популярностью. Многие представители арабской интеллигенции полагали, что все беды родины происходят от недостаточной активной деятельности, волевой целенаправленности всего народа. Ар-Рейхани не признает ницшеанство ни в каких его чертах и в повести выставляет эту теорию, с ее основной идеей, власти сильного над слабым, во всей ее бесчеловечности и жестокости.

Образ Валленштейна для писателя в какой-то мере символизировал Запад с его бездуховностью и его деятельностью, целиком направленной на уст-

рание внешнего мира. И образ Джихан, со всей одухотворенностью, отрешенностью от всего мелочного и корыстного, в известной мере противопоставлен всему тому, что воплощал в себе Запад, по представлениям автора.

Романтическое построение сюжета заключается и в высшей степени романтическим финалом: Джихан во время свидания убивает любимого человека - Валленштейна, а потом кончает жизнь самоубийством. Правда, в новом издании своей повести в 1933г. писатель переделывает конец - Джихан спасается, поселяется далеко от Стамбула, занимается журналистской деятельностью и воспитывает сына, которого она родила от убитого ею возлюбленного. Изменение финала знаменательно для стиля всей книги. Он в какой-то степени умалляет исключительность, необыкновенность героини, приближает ее к жизни обыкновенных людей, то есть делает более реальным. Это стремление писателя сблизить героиню с жизнью, действительностью хотя бы в финале, совпадает с некоторыми элементами самого повествования (Мы в данном случае подразумеваем, такие элементы в раскрытии характера главной героини Джихан, которые как-то сближают ее с жизнью, с действительностью). В самом деле, экстравагантность, необычность, исключительность образа автор старается подкрепить объективными "обстоятельствами", сопровождающими ее жизнь, ее смелость и решительность, уверенность в себе, в свою всеисильность, в то, что ей предназначена особая, выдающаяся роль в жизни - все это в какой-то степени вытекает из объективности тех данных, тех конкретных условий, которые представляла ей жизнь. Ибо все ей дано самой высокой мерой: красота - исключительная, положение в обществе и семье - высокое, воспитание и образование - блестящее. Все эти данные есть конкретные "обстоятельства", которые в известной мере и сказываются на окончательном формировании образа.

Важнейшим объективным "обстоятельством" можно считать и то, что она, восточная женщина, обязанная носить чадру, выросла в Европе "на руках французской гувернантки" и получила европейское образование, включающее и знание европейских языков, и даже знакомство с философией Ницше. И такая исключительная личность вынуждена жить среди "жесточких нравов и традиций". Отсюда ее раздвоенность: любовь к родине и протест против ее отсталости, дикости; "Это наследие предков сталкивалось с ее

смелыми устремлениями, ломала логику понятий, продиктованные европейским образованием».¹³

А.А.Долинина считает, что автор не случайно из всех восточных женщин именно турчанку сделал поборницей борьбы за права женщин, это сближает героиню повести с реальностью, так как турчанки находились в то время в наиболее благоприятных условиях в обществе.¹⁴

Ведь и романтики обычно стремятся отразить полноту жизни, ставя в своих произведениях наиболее современные, острые проблемы жизни. К этому же стремился и ар-Рейхани, когда основной идеей своей повести сделал проблему эмансипации восточной женщины, Поэтому он так точно, что обычно не характерно для писателя-романтика, указал, что действие повести происходит в середине 10-х годов нынешнего века, во время первой мировой войны, в то время когда Турция находилась почти под гнетом колониального господства Германии, и ее передовые деятели стремились избавиться от ее власти. Все это в большей мере и делает современной и естественной страстное желание героини повести вырваться на свободу, отомстить обидчикам-интервентам. Естественно, что к борьбе Джихан за освобождение женщины примешивается и оскорбленное национальное достоинство и желание мести, объектом которой и делается немецкий консул.

Поставленная в повести острая, и современная проблема раскрывается чисто романтическими средствами. Это сказывается во всем: наименьшим количеством действующих лиц, отсутствием бытописи, подбором таких ситуационных коллизий, которые только выделяют, подчеркивают поведение и чувства главного героя и т.д. "В отличие писателей реалистов идея не находит у романтиков индивидуального воплощения в характерах и, главное, в обстоятельствах, породивших эти характеры".¹⁵

Романтизм повести и в напряженном лиризме, который обычно раскрывается преимущественно в области поэзии, так как именно в поэзии свободно выражается лирическая авторская стихия. Ведь для романтика - главное не объективно существующий мир, а свой внутренний мир, раскрытие своего неповторимого "я" и его интуитивных ощущений. В повести это сказалось в очень частых лирических отступлениях автора. Он постепенно комментирует и поступки героини, и ее переживания. Все, что касается героини, вызывает в нем горячее участие, открытое восхищение и сочувствие. Даже ду-

ховные переживания. Джихан раскрывается преимущественно через авторскую характеристику. Повесть как бы включает в себя лирическое музыкальное сопровождение самого автора: "... Ее заботили проблемы духа - те мечты, которые она дала слово осуществить ради самой себя, ради своего отечества... Мечты, вновь представшие перед ней в это светлое утро с ясностью божественного откровения. Мысль ее легко парила в заблужденных высотах духа..."¹⁶ Ар-Рейхани почти всегда восторгается своей героиней: "Джихан стояла, радостно склоняясь пред вечным ликом солнца... Она была сама подобна солнцу, играющему на куполах Стамбула - том же светом лучилось ее сердце"¹⁷. Иногда комментарии писателя, связанные с образом героини, возвышаются до романтической публицистики с ее высоким стилем и взволнованностью. "Да будет благословен день, пробудивший ум и душу восточной женщины, заря, наполнившая своим светом ее сердце, сердце всей возрождающейся нации! Не является ли, это вестником победы ее сестер, рвущихся к свободе и свету, братьев, защищающих сейчас веру и отечество?"¹⁸

Наблюдаются в повести и такие лирические отступления, где автор прямо высказывает свои мысли и чувства обобщающего характера, лишь стороной касающиеся сюжетной ситуации. Так, он комментирует внезапно возникшую у Джихан мысль о взаимоотношениях между мужчинами и женщинами: "О, причуды, женщины! Зыбкие и непостоянные, вечно новые, они такая же реальность как сердце, которое бьется в груди, или уста, которыми она говорит: они, как цветы на обочинах дороги, просты и нежны, которые распускаются на заре и вянут в полуденном зное..."¹⁹

Лиризм повести сказывается и в портретной характеристике образа героини, где главное не передать черты, конкретные детали, а через общую тональность дать ощущение исключительности, необычности: "... А глаза... казалось, они вобрали в себя всю глубину лазури южного неба; в блеске золотистых волос, волнами рассыпавшихся по обнаженным плечам, виделся отсвет вечерней зари... Если бы кому-нибудь посчастливилось увидеть ее с эту минуту..., - то он остался бы в убеждении, что видел богиню..."²⁰ Ар-Рейхани описывает не только ее поражающий одухотворенностью облик, но и ее необычные одежды: "Затем надела свободное, полупрозрачное платье зеленого цвета, подол которого легким шлейфом стлался по полу... Поверх платья она надела светло-зеленую, шитую золотом накидку и туго стянула

ее широким поясом... Туфли, которые она выбрала, были из того же нежно зеленого шелка, что и накидка, и тоже расшитые золотом. Над ними сверкали золотые браслеты, искусно инкрустированные драгоценными камнями.

В своем наряде Джихан была подобна сказочной восточной принцессе - нет, скорее райской гурни сошедшей на землю".²¹

Романтики любят природу, одухотворяют ее, через нее передают и человеческие чувства и настроения. И опять-таки, это - не описание, не перечисление подобранных примет и явлений, а лирическая передача общего впечатления, подтверждающего общую эмоциональную настроенность всей картины, где действует или созерцает и мыслит романтического героя.

Романтически-лиричны и многочисленные пейзажи повести. Они как бы подыгрывают настроению героя. Мрачные ли, радостные ли - они всегда дополнение к характеристике глубоких душевных переживаний, чувств. Вот каким рисуется пейзаж, который воспринимает Джихан после ссоры с отцом: "Вдали, на бухте Золотой Рог, чуть зыбились волны, похожие на серебристые паутины, натянутые меж темных берегов. Месяц, вырываясь на миг из-за легких облаков, бросал свой тонкий луч на минарет мечети Эйюба; черные силуэты кипарисов на соседнем кладбище казались стутками таинственного мрака, сродни тому, что душит свет надежды..."²²

Но тот же пейзаж Джихан воспринимает совершенно иначе, утром, когда душа ее возродилась для надежд: "В лучах солнца купола мечети Эйюба слепились своей белизной. Чуть дальше кипарисы, утратившие бесформенное ночное обличье, постройнейше, клонились в стороны под порывами утреннего ветерка, окрестности веселили взоры, дышалось легко и радостно. Нежно-голубые волны залива растворялись в колеблющейся серебристой дымке, пронизанной золотыми нитями лучей".²³

Романтизм произведения сказался не только в пафосе свободолюбия и общественного протеста, не только в погружении во внутренний мир героя, не только в его исключительности, возвышенности и приподнятости над всем окружающим, но и в принципе развертывания сюжета, где вся событийная линия, вез ситуационные коллизии сосредоточены только вокруг главного героя, где все остальное только фон, более рельефно выявляющий особенность и непохожесть героя.

Романтизм повести ярко проявился и в той лирической стихии, которой она вся пронизана. Автор - ближайший и заинтересованный соучастник всего того, что происходит в жизни героя. Он им восторгается, любит, сочувствует и все это выражается автором совершенно открыто, в лирических отступлениях, романтически-публицистических рассуждениях. Ар-Рейхани характеризует своего героя большей частью не через действия и поступки, а "от себя", своими мнениями, своим отношением. Все это и создает лирическую насыщенность окраску всему повествованию. Также лирически необъективно описательно дается портретная характеристика и пейзаж, и то и другое активно включаются в раскрытие внутреннего мира и переживаний героя.

Романтичен и сам стиль повести: слог ее возвышенный, взволнованный, глубоко эмоциональный: "Свобода! Это твое имя сияет золотом в темных небесах, это начертано кровью в безднах мрака... Она засверкает в зеркала человеческих душ... Свобода! В траурном ли платье, доспехах ли воина, багрянце, ли победителя...",²⁴ или же "Да будет благоденствие день: пробудивший ум и душу восточной женщины, заря, наполнявшая своим светом ее сердце, сердце всей возрождающейся нации".²⁵ Нагромождение образов таинственных, странных: "Перед глазами проносились чудовищные видения одно ужаснее другого... Вот чья-то могучая рука - человека ли, дьявола или ангела - схватила ее и повлекла к призрачным воротам счастья... Оборотень, огромный бессмысленный зверь, - вот он обнажил клыки, его глаза горят во мраке, а когти сверкают при свете луны..."²⁶

В повести много типично романтических лэпсусных образов -сравнений: "Ее ноги в зеленых туфельках казались известками речной лилии, полной свежего дыхания жизни, бледное лицо в обрамлении золотистых кос своим цветом напоминало серебряную гладь моря",²⁷ часто встречаются метафоры-сравнения: "Ибо душа подобно бурной реке, когда зимний ветер становился слишком суровым, она вдруг замирает, перестает вздымать волны, превращается в лед".²⁸

Повесть "Вне стен гарема" свидетельствует, что ар-Рейхани к этому времени полностью овладел всеми достижениями романтизма. Методом романтизма писатель стремился откликнуться на самые гущие и злободневные проблемы жизни страны. Повесть обнаруживает, и настойчивое желание художника ближе соприкоснуться с явлениями действительности, он

как-бы сознательно ориентируется на нее, на более конкретное выявление ее черт. "Вне стен гарема" воспринимается не только как значительное явление в развитии творчества самого автора, но и как определенный этап, а развитие всей новоарабской литературы.

Амин ар-Рейхани всегда ощущал себя не только писателем, но и борцом-патриотом. Отсюда так естественна связь ар-Рейхани с публицистикой, а в некоторые периоды вообще наблюдается преобладание публицистики над художественным творчеством. На этот факт указывает и Нуайме, в статье "Ар-Рейхани в мире поэзии" он пишет: "Его публицистика сильнее прозы и поэзии, ибо мысленное у него превалирует над чувственным, логика одерживает верх над фантазией"²⁹. И, по-видимому не случайно, путь к романтизму у ар-Рейхани прошел не через сентиментализм, как у Джебрана, а через просветительский классицизм.

Короткие рассказы, памфлеты, эссе, очерки ар-Рейхани полны публицистического пафоса, в которых художественно-образные элементы тесно переплетаются с прямой публицистикой, страстным высказыванием, резким мнением, конкретным предложением. Проза в арабской, литературе и началась с публицистики. К началу нового процесса обновления арабского общества /середина XIX века/, художественное, самосознание, так адекватно совпадавшее с историческим существованием народа в прошлом, еще не могло отразиться в кристаллизованных формах. Поэтому, публицистика заняла такое значительное место в становлении новой арабской литературы. Даже арабскому романтизму, наследовавшему достижения и просветительства, и сентиментализма, были свойственны еще многие элементы публицистики. "Первые ростки романтизма не случайно обнаруживаются именно в публицистике - ведь она была первым самостоятельным детищем арабской литературы нового времени."³⁰

Часто рассказы ар-Рейхани переходят в страстные публицистические выступления, в которые влетаются художественно-образные элементы. Мы не можем из всего многотомного творчества писателя указать, кроме повести "Вне стен гарема", ни на одно чисто художественное произведение с развитым законченным сюжетом. Начиная произведение как рассказчик, писатель почти всегда заканчивает его как публицист. Характерным для такого типа произведений является рассказ "В такой день мила и геенна".³¹ В этом

немалом рассказе непосредственно сказалось чувственное, не умозрительное восприятие писателем сущности капиталистического города в его резких социальных диссонансах. Рассказ начинается как художественные произведения: описывается комната, где живет семья рабочего: "Маленькая, бедная комната... Холодно и темно... Стены освещены только слабым огоньком свечи и отражением огней улицы. Очаг пуст, в нем завывает ветер, приносящий через трубу..."³². Сразу завязывается и сюжет: семья ждет возвращения с фабрики мужа и отца. Он должен принести уголь для обогрева и питания. Муж приходит, но опять с пустыми руками. Беседа мужа с женой, где он рассказывает о положении в городе, о забастовке шахтеров - это повествование и есть продолжение рассказа. Он вмещает в себя и описание лица, и страдания матери и ребенка, и горькую досаду отца. Но это объективное повествование часто прерывается чисто публицистическими отступлениями автора, в которых он высказывает свое возмущение положением вещей, когда люди голодают, а дети умирают от холода. Последнее звено в развитии сюжета - смерть ребенка: "Мать бросилась к нему, потрогала пульс и, закусив губу, подозвала мужа и сына. Поспешно завернув его в одеяло, она взяла сына на руки и стала лихорадочно целовать. Но ребенок был холоден как лед, неподвижен, как железо, из которого сделана его кроватка. Ни одеяло, ни жаркие поцелуи матери не могли вернуть ему жизнь."³³

Конец рассказа, занимающий почти половину всего его объема, - публицистические рассуждения самого ар-Рейхани, где он говорит о несправедливом устройстве общества, которое обрекает людей на смерть и страдания. Рассказ романтичен по своей сущности - картины жизни в нем обобщены до символа, его эмоции - сострадание, горечь, негодование - выражены с большой силой. Приблизительно в таком же плане написаны рассказы - очерки "Над крышами Нью-Йорка"³⁴ и «Нью-Йорк»³⁵.

В первом из них автор приглашает читателей через возвышающиеся над крышами Нью-Йорка дымоходы посмотреть внутрь. Зачатки сюжетного повествования опять прерывается пафосом публицистических высказываний автора, где он в романтически обобщенных картинах - символах говорит о резком разделении людей на богатых и бедных, на угнетателей и угнетенных: небольшая горстка людей живет в просторных, чистых домах, в роскоши и развлечениях, а большинство ежедневно после долгой и изнуритель-

ной работы в шахтах и подземельях возвращаются в мрачные и холодные трущобы. Под крышами таких лачуг "вместе с углем, горящим в печках, постепенно сгорают сердца сотен и тысяч взрослых и детей".³⁶ Писатель делает публицистический вывод: в обществе, где наблюдается бесправие и несправедливость, непременно должны произойти социальные изменения: "Человеческое общество, основанное на бедственном положении своих членов, - общество несправедливости и обмана. Оно настолько непригодно, что нуждается в реформе, исправлении и улучшении".³⁷ Ар-Рейхани и здесь приходит к постоянно встречающейся у него утопической надежде, что исход из трагедии общества - в реформах и исправлении нравов.

В рассказе - очерке "Нью-Йорк" ар-Рейхани сравнивает этот город со странным существом с ледяным сердцем: "Железное чрево твое бесплодно, деревянная грудь источена червями, на твоём медном лбу зеленый налет окиси, мраморный рот застыл в холодной красоте. Горе твоим сынам, горе тебе поклоняющимся. Горе тебе! На рынках, в домах увеселения, в банках и церквях, в голосе твоём - звон золота... В твоих складах - все блага земли, в сейфах - драгоценности, во дворцах - чудеса цивилизации..., а в хижинах - нищета и стенация".³⁸

Само описание, города, сила обличения его покров, характеризует романтический пафос публицистического стиля писателя. Это система обращений, восклицаний, использование выразительных метафор - сравнений и символов-обобщений.

Хотя длительные периоды жизни ар-Рейхани провел в Америке, он всегда считал себя сыном ливанского народа;

"Я - араб - ливанец и хочу, чтобы американцы знали о том, что я и вчера, и сегодня, и завтра был и буду сыном лишь одной нации. Эта нация - арабский народ".³⁹ Эмигрант и скиталец, ар-Рейхани глубоко и болезненно любил страдающую и униженную родину, страстно мечтал видеть ее свободной от гнета и рабства, просвещенной и процветающей, и боролся за ее возрождение, как только мог. И.Ю. Крачковский пишет: "Родина - Ливан - стоит у него на первом плане всех мечтаний к Ливану устремляются его мечты, где бы он не был".⁴⁰

О жизни в Ливане, о Бейруте, о его окрестностях, ар-Рейхани создал много очерков-рассказов, в которых сжато и четко выявил типические при-

меты жизни ливанского населения. Это очерки-рассказы "Крестное знамение или День в Бейруте", "Бейрут", "Высокий дворец", "Из описания Бейрута" и некоторые другие. Бейрут для писателя означал собою родину, весь Ливан в целом, "... Романтики культивировали бытописательский очерк, ставший срединным звеном между просветительским очерком и "физиологами", в которых уже происходило накопление элементов реалистического анализа".⁴¹

Для бейрутских очерков ар-Рейхани особенно характерен такой тип романтического изображения, когда в отдельных обобщенных картинах, полных конкретных реальных примет, встает непосредственная жизнь населения города и в его мирные, и в его страдные дни.

Рассказ-очерк "Крестное знамение или День в Бейруте"⁴² представляет собой описание страданий ливанского народа во время страшного голода и бесчинств, учиненных властями Османской империи в период первой мировой войны. Написано произведение как рассказ от первого лица, являющегося непосредственным свидетелем всего происходящего. Автор потрясен увиденным: он не узнает родного города, никто не узнает и его, на улицах скользят тени, боящиеся остановиться, заговорить, валяются трупы умерших от голода, на площадях - повешенные. Куда бы ни зашел автор - его не впускают в двери, о ком бы ни справился - того не существует. "Я не сомневаюсь, что нахожусь в своем родном городе, но народ мой - где мой народ? Неужели в этих лохмотьях бредут обесчещенные люди, с которыми я так недавно простился, уезжая? Неужели это все, что осталось от гордых, благородных славных людей... неужели измученные, истощенные призраки - это не сильные мужи, которые вели торговлю, занимались просвещением, боролись и жили полной счастливой жизнью".¹³ Потрясение писателя выливается и взволнованную, прерывистую, полную восклицаний и вопросов, торжественных слов и проклятий речь. В ней боль, скорбь, отчаяние, ужас, негодование "О аллах! Кто они эти скелеты, эти призраки? Я видел, как они идут - словно ноги их скованы цепями... И это жители моего любимого города, которому я отдал частицу своей души!.. Где друзья мои? Где братья мои? Где-то, что вчера еще били лучшими людьми города, светочем народа?...⁴⁴ И эти страшные картины написаны писателем-романтиком, который, прежде всего, воспринял и запечатлел самые крупные, обобщенные,

выпуклые черты явления: голод и стран. Он обращается к богу, к людям, в пространство: "Прости, о господи! Я уже разуверился в тебе и отрицаю, твой божественный промысел и хулю имя твое!".⁴⁵ Обращение к людям:

"Братья мои я искал вас в городе днем, а меня свела с вами темная ночь, соединили небесные звезды".⁴⁶

В рассказе имеются и почти натуралистические подробности: "Вот мальчик, растянувшийся на тротуаре. Голод придавил его к земле. Увидев его, я подумал, что он мертв. Поблизости от него собака глодала кость. Мальчик заметил ее, пополз на животе, добрался до собаки и вырвал кость из ее пасти, не обращая внимание на ее визг. Потом он быстро пополз обратно, испуганно зияя, словно боясь, что кто-нибудь отнимет у него добычу".⁴⁷

Конец рассказа оптимистичен, писатель верит в бессмертие народа, в его лучшее будущее: "Мой народ бессмертен, он не умрет, пока в сердце его теплится хоть частичка надежды, он не умрет, хотя бы на земле вырос лес виселиц, он не умрет, раз сыны его становятся мучениками и умирают за правду, родину и свободу".⁴⁸

В рассказе-очерке "Из описания Бейрута",⁴⁹ уже нет драматических сцен и насилия - мир, спокойствие. Стиль очерка сгущено-романтический. Описания, как такового - подробностей, деталей, перечислений и пр. - нет. Оно сводится к набору сравнений-метафор, часто строящихся на контрастах - противопоставлениях, через которые автор и стремится отобразить цельный образ Бейрута. С одной стороны Бейрут - «мать городов», «сестра Иерусалима», «жемчужина Востока», с другой - город «служанка Парижа», «жемчужина в грязи», «коралл на берегу», где золото смешалось с песком, серебро - с илом» и т.д.

Эти метафоры - сравнения охватывают все стороны жизни города - и материальные, и духовные, и его отношение с Западом, и положение его интеллигенции: «Бейрут - жемчужина Востока в модной оправе Запада... Бейрут молодость свободы и ее красоты...».⁵¹ Через образ метафоры писатель оценивает и ту роль Бейрута, которую он играет в перенесении цивилизации Запада на Восток. Вот два образа: «Это - месяц, который отражает свет Запада и освещает Восток. Это поле с хорошей землей, на которой Европа сеет свою пшеницу и свои плевелы, свои розы и полынь». ^{51a} Последний образ

имеет дополнительный смысл: «Запад дает Востоку не только достижение науки и цивилизации, но и свом «плевелы», то есть пороки».

Описывая нечистоты и пыль на улицах Бейрута, ар-Рейхани с горечью отмечает его духовное запустение - инертность интеллигенции, слабое развитие литературы, отсутствие политической жизни: «Грязь, нечистоты и пыль на улицах Бейрута... и в литературе его, и в политике, и в религии... тонет, гибнет в этой грязи». ⁵²

Рассказ романтичен и не только по стилю, но в нем превалирует и романтический взгляд на жизнь: оптимистическое, романтическое упование на прекрасное будущее, которое придет в результате нравственного совершенствования, исправления человека и общества под влиянием нравственных идей. Автор полагает, что это воспитание, образование, прогресс, любовь к справедливости и пр. Он пишет: «Когда эти добродетели утвердятся в пастырях и пастве, в князьях и подчиненных, тогда придут в порядок дороги города и справятся пути литературы, религии и политики. Исправьте жизнь - исправится власть, исправьте жизнь - исправится город». ⁵³

В новом и оригинальном для ар-Рейхани стиле написан рассказ «Высокий дворец»⁵⁴, который является результатом личных впечатлений самого автора от посещения казино. От предшествовавших проанализированных очерков и рассказов «Высокий дворец» отличается более выявленной сюжетностью, наличием немногих событий и четким финалом. Рассказ делится на две части, публицистическое введение и сам рассказ. Содержание его заключается в следующем: автор пешком, через цветущие долины и виноградники, идет в Софар, предместье Бейрута. Ему хочется посмотреть казино и рулетку - гордость Софара. В высоком дворце, где они размещены, собирается самое богатое и аристократическое общество Ливана. Автора, в его скромной и пыльной одежде не пускают туда. Преодолев большие трудности, он уже соответствующе одетый попадает в ресторан, где наблюдает за веселящейся знатью, за женщинами в парижских, сильно декольтированных платьях. Все ему здесь чуждо и непривычно. Переночевав в гостинице, утром автор захотел принять ванну. Но это оказалось невозможным, в «Высоком дворце», в самой роскошной бейрутской гостинице не было действующей ванны. Мысленно ар-Рейхани иронически сопоставляет, подчеркнуто европейский стиль одежды общества, балные танцы, вышколенных лакеев, надменность, высоко-

мере и отсутствие ванной – элементарной и обязательной принадлежности цивилизованного заведения. «Спасибо, довольно! Довольно с меня этого комфорта большого отеля, этого высокого дворца, хватят с меня жизненных благ!»⁵⁵. Этими горькими словами и кончается рассказ. Идеиный замысел рассказа ясен: поверхностное восприятие западной культуры ливанской знатью. Они восприняли от западной цивилизации, говоря словами самого ар-Рейхани, одни "плевелы", только внешний лоск, поверхностные атрибуты. Культура уважения к человеку независимо от его одежды, к национальным традициям, к культуре быта, не говоря уже о настоящих признаках цивилизации более глубокого смысла, им чужда.

В чем заключается романтизм сюжетной части рассказа? Первые столкнувшись с незнакомой ему, чуждой средой и обстановкой, ар-Рейхани не конкретизируя, не отвлекаясь ни на что, запечатлевает в увиденной картине только самые общие (то есть обобщенные), характерные для нее признаки – роскошь, надменность, самоуверенность, блеск. Он не привел в пример ни одного конкретного лица, ни одного конкретного разговора, замечания, реплики, в которых бы высказались какие-либо индивидуальные черты, своеобразия, характер, приметы, выделявшие их из окружающей толпы. Вся она выступала как слитный, четко обрисованный рельеф.

Новая и оригинальная черта романтизма ар-Рейхани в наличии в рассказе едкой иронии при сопоставлении того, что должна быть и с тем, что он наблюдает – это есть. Ведь писатель – постоянный поборник, пропагандист необходимости перенесения с Запада лучших достижений ее цивилизации, ее настоящей культуры, техники, науки, искусства, то есть все то, что оказалось чуждым и непонятым привилегированному слою общества, с которым он столкнулся в "высоком дворце". Поэтому и само название здания звучит тоже, в известной мере, иронически. По мнению А.С.Дмитриева романтическая ирония, так же, как и романтический гротеск, являлась одной из характерных стилистических приемов у многих романтиков, одной из черт их художественной манеры..."⁵⁶

Начало рассказа, введение насквозь публицистично. Это высокая публицистика, полная пафоса, глубоких раздумий, обобщений, гневного сарказма. Строится эта часть, как и обычно присуща романтикам, на резком контрасте. В начале рисуется прекрасная долина, с виноградниками, "в веселой

зелени которых прячутся тяжелые гроздья винограда", трудолюбивые руки, взрастившие лозу, скромные жилища тружеников, маленькая церковь – все это вызывает у автора умиротворение, чувство восхищения и уважения". И тут же трезвое понимание, что вся эта красота, благодать принадлежит иезуитам. Следует резкий контрастный образ: "Мы в обители, дорогой читатель, в обители отцов иезуитов, в которой над всем доминирует закон мирской жизни, вызывающий удивление, печаль и скорбь"⁵⁷. Затем автор с горечью рассуждает, о лицемерии, корыстности, двуличии официальной церкви, проповедующей одно, а стремящейся совсем к иному: "Будь трудолюбив, совершенствуй свой труд, крепи узы солидарности...., будь покорным – и ты обретешь сей мир и мир иной! Тайно будь кем хочешь – ... но явно будь послушным, усердным, ревностным, терпеливым..."⁵⁸

Это небольшой высоко художественный рассказ, написанный в романтическом плане, глубокий и емкий по содержанию. В нем раскрываются идеи и темы, которые сопровождали ар-Рейхани на протяжении всего творчества и которые были так характерны для писателей сиро-американской школы: борьба с клерикалами, искажающими истинное лицо религии, и страстное желание изменить к лучшему жизнь на родине через восприятие лучших достижений западной культуры.

Амин ар-Рейхани был самобытный и оригинальный писатель. Такие распространенные идеи романтизма, как широкий демократизм, пантеистическое отношение к природе, философское осмысление мира, выделение на первое место нравственных проблем, острая критика буржуазной цивилизации – нашли широкое отражение в произведениях арабского писателя. Многие эстетические и философские положения западных романтиков, в частности трансценденталистов глубоко отвечали как духовному настроению самого ар-Рейхани, так и тем общественным потребностям, которые он выразил в своем творчестве.

Но ар-Рейхани – романтик, прежде всего, сын своего народа и своей эпохи, он нерасторжимо связан с жизнью нации, с действительностью, и поэтому в своих произведениях, как поэт Востока, он поднимает и сугубо национальные проблемы – единения народа в ее борьбе за освобождение от колониальной зависимости, возвеличивание исторического прошлого арабской нации. Не меньшее место заняла в его творчестве, и такая важная для арабов

тема как борьба за просвещение, с множеством темных предрассудков, за освобождение женщины. Самобытна и тема единения Востока с Западом.

Своеобразие романтизма ар-Рейхани, как арабского писателя, сказало и на его художественной публицистике, часто переплетающейся с чисто беллетристическими элементами.

Значение ар-Рейхани и в том, что он разнообразил арабскую романтическую литературу новыми художественными жанрами - стихотворение в прозе, рассказ-очерк, лироэпическая поэма.

Художественное творчество ар-Рейхани стало заметным явлением в развитии новой арабской литературы. Своим литературным наследием он не только углубил романтический метод, но и передал последующим поколениям арабских писателей воспринятые и глубоко освоенные им лучшие достижения западного романтизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ар-Рейхани Амин, Харидж ал-харим ау Джихан. Нью-Йорк, 1917. (Пер. с арабск. М.Дердирова. - В кн.: Арабская романтическая проза XIX-XX вв., с. 96-174. Далее цитаты приводятся по этому переводу).

2. Залеская Л.И. О романтическом течении в советской литературе. М., 1973, с. 19.

3. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 90.

4. Там же, с. 126.

5. Залеская Л.И. О романтическом течении в советской литературе, с. 16.

6. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 126.

7. Маймин Е.А. О русском романтизме. Л., 1975, с. 9.

8. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 150.

9. Цит. по кн.: Маймин Е.А. О русском романтизме, с. 9.

10. Арабская романтическая проза XIX-XX вв., с. 130.

11. Там же, с. 128.

12. Арабская романтическая проза XIX-XX вв., с. 156.

13. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 102.

14. Долинина А.А. Предисловие. - В кн.: Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 18.

15. Залеская Л.И. О романтическом течении советской литературы, с. 20.

16. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 100-101.

17. Там же, с. 100.

18. Там же, с. 101.

19. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 127.

20. Там же, с. 100.

21. Там же, с. 166.

22. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 99.

23. Там же, с. 100.

24. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 98.

25. Там же, с. 101.

26. Там же, с. 161.

27. Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 172.

28. Там же, с. 165.

29. Нуайме М. Ар-Рейхани фи алям аш-шир. - в сб., Ал-Гирбал, Бейрут, 1964, с. 163.

30. Долинина А.А. Предисловие. - Арабская романтическая проза XIX-XX веков, с. 8.

31. Пер. с арабск. И.Ю. Крачковского в сб.: Современная арабская проза. - М.-Л., 1961, с. 64-67. /Цитаты приводятся по этому переводу/.

32. Современная арабская проза, с. 64.

33. Там же, с. 65-66.

34. Ар-Рейхани А. - Ар-Рейханиййат, с. I, Бейрут, 1922, с. 63-66.

35. Ар-Рейхани А. Нью-Йорк. - Ар-Рейханиййат, с. IV, Бейрут, 1924, с. 15-19.

36. Ар-Рейханиййат, т. I, с. 65-66.

37. Там же, с. 66.

38. Ар-Рейханиййат, т. IV, с. 15-19.

39. Цит. По кн.: Ал-Джунди, Анвар. Ан-наسر ал-араби ал-муасир фи мият - а'ам. - Каир, 1961, с. 50.

40. Крачковский И.Ю. Предисловие - В кн.: Амин Рейхани. Избранные произведения. Избр. Соч., т. III, с. 142.

41. Тертерян И.А. Романтизм как целостное явление. – В журн.: Вопросы литературы, 1983 № 4, с. 153.
42. Ар-Рейхани А. Ас-салиб ау йаум фи Бейрут. – Ар-Рейханийят, т. IV. (Пер. С.Кузьмина, в кн.: Рассказы писателей Ливана, М., 1958, с. 19-24).
43. Рассказы писателей Ливана, с. 19-20.
44. Рассказы писателей Ливана, с. 20, 22.
45. Там же, с. 23.
46. Там же, с. 23.
47. Там же, с. 22.
48. Там же, с. 23.
49. Пер. И.Ю.Крачковского – В кн.: Современная арабская проза, с. 61-63.
50. Пер. И.Ю.Крачковского. – В кн.: Современная арабская проза, с. 61.
51. Современная арабская проза, с. 62.
52. Там же, с. 63.
53. Там же, с. 63.
54. Пер. З.Левина. – В кн. Рассказы писателей Ливана, с. 11-18.
55. Рассказы писателей Ливана, с. 18.
56. Дмитриев А.С. Теория западноевропейского романтизма. – В кн.: Литературного манифеста западноевропейских романтиков, с. 23.
57. Рассказы писателей Ливана, с. 12.
58. Там же, с. 12.

ВКЛАД АКАДЕМИКА И.Ю.КРАЧКОВСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ АРАБСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благодаря трудам акад. И.Ю.Крачковского были определены и правильно оценены роль и значимость арабской эмигрантской литературной школы в развитии и становлении современной арабской литературы; им же намечены основные направления ее изучения. Должным образом оценив дарование представителей эмигрантской арабской литературы, в частности членов объединения «Ассоциация пера», И.Ю.Крачковский на протяжении многих лет пристально следил за их творчеством, регулярно откликаясь на новые произведения. Именно его усилиями многие произведения деятелей «Ассоциации пера» стали доступны широкому кругу читателей.

2. Крачковский был одним из первых европейских ученых, кто посвятил специальные исследования развитию арабской литературы в Америке и дал первую характеристику творчества крупнейших представителей арабских литераторов-эмигрантов.

2. Заслуга И.Ю.Крачковского заключается в том, что он первым обнаружил тесные идейные и художественные связи творчества представителей «Ассоциации» в частности М.Нуайме, с русской классической литературой.

4. Материалы, которыми располагал акад. И.Ю.Крачковский в настоящее время существенно дополняются, основанное им научное направление успешно развивается советскими арабистами.

ИЛЬЯ АБУ МАДЫ – ПОЭТ ПЕССИМИЗМА И ОПТИМИЗМА

إيليا الحاروي

"إيليا أبو ماضي شاعر التناول والتناول"

В последнее десятилетие современная арабская литературная критика уделяет исключительное внимание исследованию творческого наследия поэтов и писателей – эмигрантов. Так, например, целая группа профессоров и докторов гуманитарного факультета Каирского университета, ученые Американского университета в Бейруте занимаются исследованием проблем арабской литературы. В различных частях арабского мира появились монументальные монографии, посвященные творчеству отдельных представителей эмигрантской литературной школы, а также исследованию истории возникновения и развития, художественной и общественной значимости всей школы в целом.

Книга арабского литературоведа Илья ал-Хави «Илья Абу Мады – поэт пессимизма и оптимизма» посвящена исследованию творчества одного из известных поэтов-эмигрантов Илья Абу Мады. Она издана бейрутским издательством: «Ливанский дом книги» в серии «Современная арабская поэзия. Изучение и исследование».

В книге Илья ал-Хави 255 страниц. Большая часть ее посвящена анализу творческого пути Абу Мады, а остальная знакомит с наиболее известными касыдами поэта.

В коротком предисловии автора Илья Абу Мады предстает перед читателем как поэт-новатор, глава всех арабских поэтов-эмигрантов. И это вполне понятно, так как его поэзия всегда по-настоящему была жизненной и человеческой.

Далее Илья ал-Хави вкратце излагает биографию поэта.

Илья Абу Мады родился в 1889 г. в ливанской деревне Мухайдаса в семье обедневшего торговца. Здесь он получил первоначальное образование. Тяжелое материальное положение вынудило его уехать в Египет и заняться там торговлей. Свободное от торговли время Илья Абу Мады уделял изучению классической арабской литературы, пробует писать стихи. Вскоре увлечение

поэзией становится для молодого Илья Абу Мады как бы жизненной потребностью. В египетской периодической печати стали появляться его первые стихи. Первые поэтические опыты Илья Абу Мады были еще далеки от подлинной поэзии и не отвечали требованиям серьезных арабских критиков.

В 1911 г. в Александрии ему удалось опубликовать свой первый сборник стихов, который вышел под названием «Воспоминания о прошлом». После его издания в египетской печати появились критические статьи, в которых давались очень низкая оценка стихотворениям, вышедшим в это сборник. Например, литературовед Зухейр Мирза писал: «Автор этой книги еще очень слаб в поэзии; видимо, он малообразован и не знает законов и правил стихосложения».

На этот факт указывает и автор вышеназванного исследования.

В 1912 г. Илья Абу Мады уезжает в США. Если учесть, что, начиная с 1910 г. имена многих арабов-эмигрантов, проживающих в США, стали известны читателям Арабского Востока, и их произведения читались с большим интересом и были высоко оценены, то эмиграцию Абу Мады можно связать с его литературными планами. Некоторые арабские литературоведы причину эмиграции поэта объясняют нападками египетских критиков на его первый сборник, другие же его материальными затруднениями. Автор данного исследования оставляет этот вопрос открытым.

Приступая к анализу поэтического творчества Илья Абу Мады, Илья ал-Хави разделяет его творческий путь на два периода. Первый период охватывает время до знакомства и сближения Абу Мады с членами эмигрантского литературного кружка «Ассоциация пера». Как справедливо отмечает Илья ал-Хави, в этот период в творчестве поэта звучат пессимистические нотки. Стихотворения, написанные в этот период, автор книги тематически подразделяет следующим образом: описание природы; лирика или описание женщины; гражданский и национальный долг; социальная поэзия. Илья ал-Хави приводит множество примеров из стихотворного наследия поэта и приходит к выводу, что о чем бы ни писал Абу Мады, что бы ни воспевал он, будь то красота природы или изящество женщины, будь то социальные или лирические стихи, поэт всегда остается большим патриотом и выражает свою безграничную любовь к родине и тоскует по ней, в частности, в касыдах «Поэт в небе», «Родина звезд», «Диван» и др. (стр. 178-185).

Пессимизм в творчестве Абу Мады ал-Хави показывает на разборе его касиды «Заклипания» (стр. 233). Следует отметить, что, автор книги достаточно основательно анализирует эту касиду, довольно часто цитирует наиболее интересные отрывки из нее. Он полностью передает ее содержание, говорит о ее художественных достоинствах. Касыда «Заклипания» вошла в третий сборник стихотворений Абу Мады, вышедший под названием «Ручьи». По своей форме и содержанию она резко отличается от первых так называемых пробных его стихов. Автор нового сборника уже знаток восточной поэзии и строго соблюдает все законы стихосложения.

Пессимистические нотки сохраняются Абу Мады вплоть до его переезда в Нью-Йорк – литературный центр арабских писателей – эмигрантов. Здесь он знакомится с соотечественниками-литераторами, принимает активное участие во всех литературных кружках, сотрудничает в эмигрантских издательствах и вскоре приобретает известность среди соотечественников. На этом заканчивается первый период творчества Ильи Абу Мады.

Вторую часть книги ал-Хави называет «Поэт-оптимист». Здесь в основном рассматривается нью-йоркский период жизни Абу Мады.

В Нью-Йорк Абу Мады ведет активную и деятельную жизнь. Нотки пессимизма и отчаяния все глуше звучат в его новых стихотворениях. Примером может служить жизнеутверждающая касида «Улыбнись» (стр. 203).

Оптимизм, присущий характеру и творчеству Ильи Абу Мады этого периода, ал-Хави подробно показывает на разборе его двух касид. Это касиды «Глина» и «Вечер». Автор достаточно подробно излагает содержание этих касид, и в процессе изложения содержания выявляет наиболее яркие оптимистические стороны. В касиде «Вечер» рассказывается о судьбе несчастной девушки. Поэт много говорит о ее невзгодах и печали. Ал-Хави подробно останавливается на этом для того, чтобы затем еще ярче передать смысл и значение строк, где звучит «призыв к праву наслаждаться радостями жизни». Сопоставляя «утро жизни с ее ночами», поэт приходит к выводу, что в жизни больше радостных и светлых дней, чем грустных и темных. Но надо уметь видеть эти дни, стремиться к ним и найти их. Именно эту сторону творчества Ильи Абу Мады больше всего ценит и автор книги ал-Хави.

Художественным особенностям творчества Абу Мады отведена отдельная глава этой части. В разделах «Роль волнения, ума и воображения»

(стр.129), «Духовный образ» (стр.133), «Аллегория» (стр.135) и др. речь идет о творческом воображении поэта. Большой жизненный опыт и умение наблюдать помогли Абу Мады создать различные картины жизни и природы. Например, поэт представляет солнце как символ жизни и старается найти родственные связи солнца с некоторыми проявлениями внешнего мира» (стр. 133).

О богатстве фантазии Абу Мады можно судить и по более удачным и убедительным примерам из его творчества, где художественное воображение и фантазия поэта являются своеобразным отражением действительности. Творческое воображение поэта – это его мечта, которая будит желание добиться ее осуществления.

В разделе «Другие стороны стиля» (стр. 138) Ал-Хави говорит о стилистических приемах в поэзии Абу Мады, о параллелизме и риторических вопросах, об анафорах и звуковой концовке его стихотворений.

В конце этой части приводятся выводы. Автор подчеркивает десять основных моментов, отличающих творчество Абу Мады от остальных его товарищей по перу.

Третья часть книги под названием «Антология» (стр.144) содержит избранные стихотворения Абу Мады. Сюда входят двадцать семь касид. Перед некоторыми из них даются небольшие комментарии. В них либо разъясняется смысл стихотворения, либо дается оценка данному произведению. Иногда они содержат сведения об истории написания того или иного стиха. Например, в «Мумии» (стр. 153) отмечается, что темой для написания этой касиды послужил следующий случай. Во время одного из своих путешествий поэт остановился в фешенебельной гостинице. Оказалось, что кроме нескольких дряхлых и скучных старух, здесь никто не живет. Это очень огорчило его, и он написал сатирическую касиду.

В комментариях в касиде «В поезде» (стр. 162) читаем: «В начале нашего века многие поэты в своих стихах воспевали современные достижения науки и техники. Абу Мады также обращает внимание на мудрые и нужные открытия. В этой касиде он находит сходство между огнем любви, и силой пера паровоза».

В патриотических поэмах Абу Мады, в комментариях к ним отмечается безграничная любовь поэта к родной земле, говорится о его тоске по родине.

Некоторые комментарии очень кратки и лаконичны. Например: «это одна из самых прекрасных касяд Ильи Абу Мады» (стр. 224), или: «касыда, где ярко выявляются пессимистические настроения поэта» (стр.231) и др.

В конце книги сообщается, что издательство «Ливанский дом книги», опубликовавшее данное исследование, готовит к выпуску работы о творчестве других поэтов-эмигрантов, таких, как Фаузи ал-Маалуф, Тариг ал-Маалуф, Насиб Арида и другие. Это лишний раз свидетельствует о том, что современная арабская литературная критика с большим уважением и любовью относится к наследию своих соотечественников-эмигрантов; частое переиздание их произведений говорит об интересе и внимании к ним широкого круга читателей.

МИХАИЛ НУАЙМЕ**Mikhail Naima****Liban, "Lotus", OEURES Afro-Asiatiques
1973, Octobre, Gaire**

Михаил Нуайме – один из основоположников современной арабской новеллы. В арабском мире этот большой художник-реалист, известный как прозаик и поэт, публицист и литературовед, завоевал всеобщее признание. В его произведениях отражены черты жизни Арабского Востока, создана целая галерея ярких художественных образов.

Его талант весьма высоко оценили видные арабские литературоведы, которые посвятили жизни и творчеству писателя немало работ.

Реферируемая статья «Михаил Нуайме» опубликована в журнале «Лотос».

Вначале автор излагает биографию писателя, сравнивая Нуайме со старым дубом, корни которого глубоко проникли в почву. Он говорит: «Нуайме раскинул свои ветви над человеческими головами. Он всегда будет стоять на своем месте, не теряя изящества, но приветствуя небо и птиц».

Темы, близкие Нуайме, отличаются одной главной идеей: он ищет возможность устранить дух сомнения, уничтожения всякого смущения, замешательства, беспокойства и страха перед настоящим и будущим.

Далее перечисляются названия наиболее известных произведений писателя, отмечается их высокое художественное достоинство и широкая популярность. Произведения Нуайме переведены на многие языки мира и опубликованы в Индии, Лондоне, Германии, Голландии и в других странах.

Особенно популярны сборник рассказов «Было ли, не было» и критическая статья «Решето», повести «Встреча» и «Мирдад», пьеса «Отцы и дети», а также стихотворение, написанное им на русском языке – «Замерзшая река». Все работы, отмечается в статье, затрагивают специальные проблемы арабских стран, проникнуты чувством справедливости требованием свободы и настоятельной борьбы с тиранией и феодализмом.

Нуайме убежден в том, что индийская философия является матерью всех других философий. Он считает, что если на Западе обратились и изучили бы эту философию, то духовная и материальная жизнь людей там изменилась бы к лучшему.

«Индия была одной из первых стран, где приступили к глубокому изучению человеческой души, и где создалась одухотворенная философия, которая по душе Нуайме».

В 1965 г. Нуайме был приглашен в Индию на конференцию «Религия и общество». Во время своего посещения он прочел большое количество лекций в университете и культурных клубах Индии.

Михаил Нуайме большой знаток и пропагандист литературы. «Если литература не является главным для человека в его усилиях осуществить самые дорогие свои надежды, тогда она будет только развлечением и станет бесполезной на протяжении длительного времени. То же самое и слово, которое устраняет перед человеком трудности, помехи, будет фальсификацией, как бы оно не было прекрасно украшенным», - говорил писатель. Нуайме писал: «Сегодня больше, чем в какое-либо другое время мы нуждаемся в разумном, искреннем слове, слове, в которое можно верить».

Нуайме является одним из тех писателей, которые открыто, противостоят тому, что может принести вред человечеству. «Этот век, - говорит он, - принуждает нас жить в нервном напряжении и всегда находиться в ожидании войны, революции, новых тенденций, влекущих за собой молодежь, отстаивавшую жизнь своих отцов и предков в поисках счастья и свободы». Молодежь может спросить: «Где же подлинный источник свободы?» И тогда я отвечу им: «В познании. И то познание, о котором я говорю здесь, важнее того, что они могут найти в книгах, из прессы, радио, кино и телевидения. Это есть познание самого себя и цели своего существования. И если человек не приобрел этого познания, то его поиски свободы оставят в нем только горечь и сожаление, которые можно сравнить с горечью, наполнившей сердце лисицы перед гроздьем винограда, которого она желала, но которого не смогла достать».

О молодежи М.Нуайме говорит следующее: «В этот период у них наблюдается духовный расцвет, иногда уныние и мятеж – хотя я не очень расцениваю это качество, но считаю, что и в этом есть нужда. Человек учится

опыту и возможно при неудаче теряется, если же он находит путь к познанию, это его вдохновляет».

Для Нуайме правда не является плодом этого часа или этого века, или какого-либо другого века. Она является вечной и постоянной. Когда человек полностью связан с правдой, его индивидуализм исчезает, и он становится неразделимым с жизнью».

Нуайме всегда верил в бессмертие духа: душа человека, по его мнению, не умирает, только переходит от одного тела к другому. «Тело является преходящей вещью, после смерти его уже нет», - говорит Нуайме.

Нуайме большой гуманист, он противник войны и захватничества. В статье высоко ценится, эта сторона характера писателя. «Если ты знаешь, что ты ответствен за каждую пролитую каплю крови, то воздержись от кровопролития. Если ты знаешь, что сила подавляет истину - не будешь прибегать к силе; если ты знаешь, что несправедливо – не станешь пытаться незаконно, силой захватить что-нибудь», - говорит Михаил Нуайме.

«Невозможно передать в этом обзоре все идеи, мысли, мечты писателя и говорить о литературных вкусах Михаила Нуайме», - говорится в статье.

В заключение отмечается, что ведется подготовка к изданию собрания сочинений писателя в шести томах. Статья завершается словами М.Нуайме: «Целью моей является стремление к знанию, которое разорвет любые цепи».

Нуайме М.
БЕСЕДЫ С ПРЕССОЙ

مخاتيل نعيمه
احاديث مع الصحافه
بيروت 1973

Бейрут, 1973, 313 стр.

Настоящая книга представляет собой собрание интервью и 60 публицистических статей известного писателя и критика, одного из основоположников современной литературы Михаила Нуайме, которые были опубликованы на страницах различных газет и журналов. В них верно и всесторонне отражены литературно-критические взгляды и общественно-философское мировоззрение писателя, его личная жизнь, мысли и чаяния. Книга начинается со следующего обращения автора: «Уже стало особой традицией начинать все работы обо мне с длинных или кратких предисловий. Однако в этой книге я сократил все касающиеся меня преувеличения и похвалы. Я сохранил лишь вопросы, заданные мне журналистами, и мои ответы на них, названия органов печати, в которых были опубликованы данные интервью, и дату этих событий.

Я довольно часто встречаюсь и провожу беседы с ливанскими и иностранными журналистами. Нередко случается, что на этих встречах задаваемые мне вопросы повторяются, да и ответы мои сходны друг с другом. Подобные повторы я обобщил. Помимо этого, я отбросил некоторые вопросы, мало интересующие читателей. Вся суть этой книги заключается в том, что здесь читатель получит такие сведения из моей жизни и моих литературно-критических замечаниях, каких нет в моих собственных произведениях.

Первая статья названа «Палестина – страна иудейская» («*للسطين مملكة*» («*يهودية*»)). В начале ее М.Нуайме пишет: «Данную статью я написал 58 лет тому назад. Впоследствии совсем забыл о ее существовании». Автор считал целесообразным включить данную статью в книгу, вероятно, потому, что палестинская проблема вновь приняла острый характер. Впервые она была опубликована 29 апреля 1915 г. в арабской эмигрантской газете «Зеркало Запада» (*مرآة الغرب*) в Нью-Йорке. В 1973 г. Генри Мулки защитил в Вашинг-

тонском университете докторскую диссертацию на тему «Арабская эмигрантская пресса в США и ее связь с арабской литературой в эмиграции». Автор этой диссертации довольно подробно останавливается на указанной статье М.Нуайме и отмечает, что еще полвека назад палестинская проблема волновала этого большого и влиятельного арабского писателя.

В статье М.Нуайме рассказывает об истории Палестины, о колонизаторской политике, проводимой англичанами на данной территории, о вреде, который нанесил стране еще в тот период американские сионисты (автор называет их «вашингтонскими сионистами»), об отношении христианского и мусульманского населения арабских стран (в частности Ливана) к судьбе Палестины.

Автора главным образом привлекает деятельность англичан в Палестине. Как известно, 10 апреля 1915 г. между Англией, Францией и Россией был заключен договор о разделе арабских земель. По всей вероятности, М.Нуайме написал эту статью под влиянием данных событий. Он с сожалением высказывается о слабой в то время решимости палестинцев в борьбе против политики западных колонизаторов и в конце статьи обращается к ним со следующими словами: «Почему народ, считающий Палестину своей родиной, домом, терпит подобно бесправие и гнет? Мои палестинские собратья, сможете ли вы ответить на мой вопрос?».

В ряде статей, посвященных общественно-политическим вопросам, отражены идеи и позиции М.Нуайме. Большая же часть работ выражает литературно-критические взгляды и философское мировоззрение писателя.

Статья «О ливанской новелле» посвящена ливанской литературе, частности положению и развитию жанра новеллы. Героем литературных произведений должен быть, по мнению М.Нуайме, человек, поскольку «человек в мире – самое великое самое возвышенное творение. Самое большое из дел на свете – это человек». Автор сравнивает человека с морем, в глубинах которого затаены несметные богатства – жемчуга и другие драгоценности. «В глубинах моря, - пишет он, - имеются неисчислимые богатства, однако само оно намного величественнее, чем все богатства». Следует отметить, что высказанные автором замечания литературе и литераторе во многом переключаются с тем, что было написано в произведениях «Миррад» и «Свет и тьма».

Статья «Моя духовная жизнь и молва о моем бракосочетании» создает полное представление у читателя, хорошо осведомленного о писательской деятельности и литературном творчестве М.Нуайме, о личной жизни писателя и его внутреннем мире.

Статья «Мое жизненное кредо» раскрывает философские взгляды, мировоззрение писателя.

Статья «Я и единство» представляет собой сборник интервью писателя с журналистами Beirutской газеты «Аль-Джарида» на протяжении многих лет.

В интервью с журналистами раскрывается отношение М.Нуайме к русской литературе, рассматриваются вопросы взаимосвязи ливанской и русской литератур. На вопрос об отношении к русской литературе, М.Нуайме отвечал: «Я считаю, что классическая русская литература, с которой я близко познакомился еще в прошлом веке, стоит на вершине мировой литературы. С советской же литературой я не знаком близко, ввиду чего не смею оказать что-либо конкретное по данному вопросу». Относительно влияния русской литературы на творчество М.Нуайме писатель говорил: «Я всегда это признавал. Посмотрите, в частности, раздел о русской литературе в моем произведении «70 лет» («سبعون») Я учился у великих русских писателей, их творчество оказало на меня огромное влияние. В своих статьях я довольно часто с большим уважением упоминаю имена таких поэтов, как Пушкин, Лермонтов. Таких критиков, как Белинский, таких мастеров романа, как Тургенев, Достоевский, Толстой Горький, таких новеллистов, как Чехов и другие». В автобиографической трилогии «70 лет» имеются ценные замечания, высказанные М.Нуайме об арабской литературе в эмиграции, о жизни и творчестве его коллег, плечом к плечу трудившихся вместе с ним в годы эмиграции.

Корреспондент журнала «Аль-Алям» («Мир») задал несколько вопросов М.Нуайме о выдающемся арабском писателе и художнике Джубране Халиле Джубране, о влиянии его стиля на творчество М.Нуайме, о проблеме следования методу Дж.Джубрана. М.Нуайме отвечал: «Многие утверждают, что мои успехи – результат успехов Джубрана. Да, мы с Джубраном жили вместе 15 лет, были очень близкими друзьями. Однако за эти годы никому из нас даже не приходило в голову подумать о том, кто на кого больше влияет. Я многому научился у Джубрана, а он также немалому научился у

меня. Довольно часто мы сходились во мнениях. В этом ни для кого из нас нети ничего унижительного».

Относительно состояния арабской литературы в эмиграции сегодня М.Нуайме говорил: «Арабская литература в эмиграции достигла своих больших высот во время создания «Ассоциации пера» в Нью-Йорке и затем «Андалузского общества» в Бразилии. Однако многие из литераторов и поэтов уже умерли, и это, разумеется, ослабило силы «Ассоциации пера»; участь «Андалузского общества» была не лучше. Я не вижу настоящее время необходимости говорить об арабской литературе в эмиграции. Арабская эмигрантская литература уже давно выполнила свою миссию».

М.Нуайме является одним из объективных критиков, дающих правильную с точки зрения современных требований оценку арабской литературы. Он своевременно высказывает свои замечания и отношение различным литературным течениям, имеющим место в арабских странах, что особенно ценно и важно для молодых литераторов.

В статье «Три литературных поколения» («الجيل الأدبي الثلاثة») автор освещает вопросы литературы и касается нового поколения, пришедшего в литературу. По мнению М.Нуайме, в арабской литературе существовало три поколения писателей и поэтов.

К первому поколению он относит писателей и поэтов, творивших до первой мировой войны, ко второму – тех, кто проявил себя в период между первой и второй мировыми войнами, и, наконец, к третьему - молодежи, чья творческая деятельность началась после второй мировой войны. В статье автор определяет свое отношение именно к третьему поколению: «Люблю молодежь в литературе – люблю их энтузиазм, и в какой то степени распушенность – даже я люблю их самовосхваление.

Но не люблю в них цинизма и высокомерия. Как будто этим они говорят: Писатель только я и есть! Литература – только я!»

В статье «Пещера и башня из слоновой кости» («الكهف والبرج العلي») Нуайме рассказывает о том, когда и каким образом он стал писать. Статья была опубликована в 1963 г. в газете «Аш-Шааб» («Народ»). Моя литературная жизнь, - пишет он, - началась в эмиграции. Первые мои труды представляли собой критические статьи, собранные в сборнике «Сито» («الغريبال»). Однако я не только критик, я пишу и повести... Число повестей, написанных

мною как на арабском, так и на английском языках, сейчас равно примерно 62... Первая моя изданная книга – пьеса «Отцы и дети» (Нью-Йорк, 1918 г.).

Определенная часть статей посвящена произведениям, написанным М.Нуайме в последние годы, в которых, в частности, рассматриваются проблемы, интересующие читателей. С этой точки зрения следует назвать статьи «Иов из Библии и мой Иов» («أيوب التوراة و أويوبى انا»), «Последний день – чей день?» («اليوم الاخير يوم من»).

В статьях «Старейшины новой литературы», «Образ женщины у Джубрана и у меня», «Национальная литература», «Язык сценического произведения», «Арабский язык и латинский алфавит», «Студенческая революция» и других выражены взгляды М.Нуайме на формы и методы арабских литературных произведений, язык художественных произведений – литературный и разговорный, проблемы образования и просвещения в Ливане.

Основную часть книги составляют статьи-ответы на часто задаваемые М.Нуайме вопросы. Здесь представлены также интервью, проходившие в виде диалога. Разнообразные по содержанию, эти вопросы и ответы обычно конкретны, лаконичны, а порой и абстрактны. Так, на вопрос, является ли литератор зеркалом века, М.Нуайме отвечает: «Литератор, прежде всего, является зеркалом своего внутреннего мира».

Самвел Абд аш-Шахид

ФАУЗИ АЛЬ-МАЛУФ (1899-1930)

صمويل عبد الشهيد
" فوزى الملوّف " (1899 - 1930)
بيروت 1971

Бейрут, 1971, объем 217 стр.

Среди эмигрировавших в Южную Америку арабских поэтов и писателей Фаузи аль-Малуф занимает особое место. Его имя упоминается во многих арабских литературоведческих работах. В них дается высокая оценка, как его прозаических произведений, так и поэтического наследства.

Статья о творчестве Фаузи аль-Малуфа можно встретить как в газетах и журналах, издающихся в арабских странах («Аль-Джарида», «Аль-Муктафа», «Аль-Адаб»), так и в печати, издаваемой эмигрантами в Южной Америке («Аль-Маариф», «Аль-Шарг аль-Бразилию», «Ад-Дал»).

Монография Самвела Абд аш-Шахида – первая крупная работа, посвященная исследованию жизни и творчества Фаузи аль-Малуфа. Она состоит из предисловия, четырех глав, приложения и библиографии.

В предисловии автор отмечает роль поэта в истории арабской литературы.

I глава – «Биография Фаузи аль-Малуфа» - состоит из следующих частей: «Общий взгляд на семью Малуфов», «Учеба в Захле», «В Бейруте», «В Дамаске», «Эмиграция в Бразилию», «Смерть Фаузи», «Нравственные устои и культура Фаузи».

В этой главе автор приводит примеры из поэтического творчества Фаузи, стихотворения, навеянные тоской по родине.

II глава посвящена прозаическим произведениям Фаузи аль-Малуфа. Автор в основном, апеллирует к неопубликованным рукописям и письмам аль-Малуфа. По-видимому, автор имел доступ к личному архиву Фаузи.

III и IV главы работы построены в форме антологии. Здесь отмечаются даты написания известных поэтических произведений Фаузи и приводятся отрывки из них.

В IV главе сообщается о том, что диван поэта после его смерти был издан его братом Риядом аль-Малуфом. Самое крупное поэтическое произведение Фаузи – поэма «ла бисат ар-рик» («На ковре ветров») впервые было издано в Рио-де-Жанейро. Следует отметить, что в эмигрантских арабских газетах и журналах часто печатались касыды и лирические стихи поэта.

В приложении приводятся написанные в различные годы и опубликованные на страницах газет и журналов стихи поэта. Указывается дата их написаний, орган печати, где впервые было опубликовано каждое стихотворение. Здесь собраны стихи Фаузи, посвященные друзьям-поэтам, элегии, а также касыды.

Книга Самвела Абд аш-Шахида является ценным и полезным источником для исследователей творчества Фаузи аль-Малуфа, для тех, кто интересуется жизнью и творческим мастерством поэта, отличающимися своеобразием и оригинальностью.

Гасан Хадда и Халид ал-Ани

ИЗ ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЭМИГРАЦИИ АРАБОВ

حسن حده و خالد الماني
من تاريخ المغتربين العرب في العالم
بغداد 1972

Багдад, 1972 г.

Авторы книги, состоящей из трех самостоятельных частей, не являются литературоведами и историками. В прошлом они состояли на военной службе, а в настоящее время занимаются общественной деятельностью. Гасан Хадда, например, является секретарем Общества арабских эмигрантов.

Первая часть под названием «Иракская Республика» написана Халидом ал-Ани. Она состоит из нескольких глав и посвящена Иракской Республике.

В I главе данной части «Далекое прошлое, цветущее настоящее и блестящее будущее» прослеживается богатая и древняя история Ирака, революции 14 июля 1958 г. и 17 июля 1968 г. Автор считает более важным и целесообразным говорить о сегодняшнем Ираке.

Указав на географическое положение страны, характер ее деятельности, количество и состав населения, автор далее приводит текст «Национального устава» («ал-Мисак ал-ватани»), объявленный 15 ноября 1971 г. президентом Иракской Республики Ахмедом Хасаном ал-Баком. Здесь отмечается, что в истории Иракской Республики, основная цель и направление второй – национальный подъем и прогресс, ныне открыта новая страница.

Далее рассматриваются условия, породившие революцию 17 июля 1968 г. и, наконец, сама революция и ее успехи. Автор приходит к выводу, что эта революция отличается двумя положительными моментами. Во-первых, она, спустя 10 лет завершила победу революции 14 июля 1958 г., углубив ее направление и исправив допущенные в то время отклонения и ошибки. Во-вторых, она ознаменовала собой начало нового этапа в истории страны.

Далее Халид ал-Ани сообщает об общественно-политических организациях в стране, их роли; характеризует государственный строй, национальную экономику; знакомит с состоянием сельского хозяйства. Не обойдены вниманием и стоящие перед республикой важные политические, экономические и культурные вопросы.

В главе «Рост науки и культуры» указывается, что в Ираке после революции вновь стали издаваться многие газеты и журналы, книги прогрессивных поэтов и писателей, на сценах национальных театров появились спектакли, написанные в современном духе. В проведении этих мероприятий особо отмечается роль Министерства культуры страны. Автор останавливается и на работе IX съезда арабских писателей, состоявшегося в апреле 1969 г., и характеризует проведенные фестивали поэзии.

В этой же главе прослеживаются пути развития иракской музыки, улучшения качества радио и телепередач. Автор отмечает также, что художественные и документальные фильмы, поставленные Иракской кинотудией, имели успех на различных кинофестивалях.

Кроме того, говорится о договорах Ирака в области науки, культуры и искусства, заключенных с СССР, Венгрией, Болгарией и другими социалистическими странами.

Халид ал-Ани, рассматривая внутреннюю политику Ирака, отмечает, что ее коротко можно охарактеризовать следующей словами: «Национальное единство в демократический строй».

Читатель получит такие сведения обо всех 16 городах Ирака, имеющих в них культурных и учебных заведений, медицинских пунктах и местах отдыха, органах печати и издательствах.

Последующая глава, названная «Экономика Ирака», повествует о важнейших экономических задачах Ирака после революции 17 июля. В этой связи отмечаются достигнутые успехи, экономические связи Ирака с дружественными странами, а также характеризуются имеющиеся здесь крупные промышленные объекты.

Последующие главы («Обучение в Ираке, «Басрийский университет», «Сулейманский университет», «Общественный прогресс в Ираке» и др.) посвящены самым крупным центрам культуры и просвещения в стране. Здесь помещены сведения о факультетах, о количестве студентов, о по-

лучаемой ими стипендии, научных учреждений в республике, музеях, древних памятниках. Все это попутно иллюстрируется фотоснимками уникальных музейных экспонатов, прекрасных памятников архитектуры Ирака.

И, наконец, в заключение первой части книги автор сообщает о воздушных и водных трассах, соединяющих Ирак как с соседними арабскими, так и зарубежными странами. Здесь приводятся сведения об иностранных консульствах и посольствах в Ираке, гостиницах, национальных базарах, основных туристических объектах и местах отдыха.

Автор не только приводит сведения об истории страны, касаясь различных областей ее экономики, сельского хозяйства, науки и культуры, литературы и искусства, но и, затрагивая те или иные вопросы, связанные с какой-то определенной проблемой, соответственно высказывает и свою точку зрения, в связи с чем книга приобретает еще большее значение.

Вторая часть работы, написанная Гасаном Хадда, посвящена арабам, эмигрировавшим в разное время во многие страны мира.

Автор пишет, что среди арабских стран, население которых эмигрировало в другие страны, первое место занимает Ливан, затем Сирия, Палестина и Иордания.

Автор знакомит нас с жизнью арабских эмигрантов, проживающих в настоящее время в Нигерии, Канаде, Австралии, Венесуэле, США и других странах, с их основной деятельностью, исследует причины, вынудившие арабов покинуть родину и переселиться в дальние страны.

Гасан Хадда касается также палестинской проблемы и агрессии Израиля.

Об эмиграции арабов написано немало книг. Однако работа Гасана Хадда отличается тем, что она написана на основе статистических данных последних лет.

В последней, третьей части этой книги представлены рекламы торговых обществ, цветные фотографии, снимки некоторых промышленных предприятий, новых моделей одежды.

Примечательным является то, что все эти три части абсолютно не связаны между собой. Каждая из них может представить самостоятельную книгу.

К ВОПРОСУ РУССКО-АРАБСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ (НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛЛИСТИКИ М. НУАЙМЕ)

Творчество классика современной арабской литературы М. Нуайме многогранно. С равным успехом его талант проявил себя во всех литературных жанрах, но, тем не менее, особое место среди его произведений занимают новеллы. Их отличают краткость, простота изложения, достоверность в описании окружающей действительности, разнообразие характеров, динамичность и увлекательность сюжета, психологическая насыщенность и тонкий лиризм.

Изучение новелл Нуайме дает ценный материал для освещения основных аспектов развития современной арабской литературы.

Согласно общему признанию, Нуайме - один из основоположников современной арабской новеллы.

Первая новелла М. Нуайме была опубликована на чужбине – в США, тем не менее «она получила известность во всем арабском мире, потому что была создана на чисто арабском языке, и органична духовному миру арабов».¹ Ливанский критик На'им Хасом ал-Яфи утверждает: «Нет сомнения, что именно Нуайме, опубликовавшей свой первый рассказ в 1914 г., принадлежит приоритет в области короткого рассказа. Он первый новеллист, который столь глубоко знает особенности литературных форм и уже в течение полувека создает свои рассказы, обогащая ими, храм искусства».² Современный арабский литературовед Абд ал-Хури пишет: «Нуайме занимает первое место в жанре короткого рассказа, так как он смог воспроизвести в нем реальную жизнь. Неотъемлемой чертой его рассказов является логика и глубина мысли. В них чувствуется тонкое знание жизни, созданное умелой рукой мастера, они написаны ясно и просто. Читатель получает огромное удовольствие, читая рассказы Нуайме».³ Того же мнения другой известный критик Мухаммед Юсуф Наджм: «Можно сказать, что он (М. Нуайме - А. И.) самый, талантливый мастер рассказа в нашей литературе. Он великолепно постиг глубины человеческой души. Его герои проходят перед читателем как живые».⁴

Нуайме - новеллист испытывал на себе двойное влияние: русской литературной классики (в частности А. П. Чехова) и арабской эмигрантской литературы (особенно творчество Дж. Х.Джебрана). «Он (Нуайме – А.И.) имеет русское образование. Он знал творчество своих учителей: Гоголя, Тургенева, Достоевского, Чехова, Андреева. Они оказали очень большое влияние на Нуайме, он жил в среде, в которой жили они, и питался их мыслями. У них он научился искусству рассказа».⁵

Влияние русской литературы на Нуайме М. Ю. Наджм видит, прежде всего, в том, что он умеет раскрыть сложные противоречия и тончайшие извилины человеческой души.

Н. Х. ал-Яфи также подчеркивает, что годы, проведенные в России, серьезное изучение русской литературы не прошли бесследно для Нуайме. Влияние русской литературы ал-Яфи усматривает в стремлении писателя к глубокому анализу всех движений человеческой души. Аналогичного мнения придерживается и Адхам ал-Мансур, считающий, что знакомство с творчеством русских классиков «пригодилось Нуайме, когда он появился на арене арабской литературы».⁶

В своих новеллах Нуайме описывает жизнь ливанской деревни, затрагивает тему темных предрассудков, невежества, тяжелого положения низших слоев общества. Особенно выделяет тему рабского положения восточной женщины, жизнь арабских эмигрантов в Америке.

В судьбе героев Нуайме, как в зеркале, отражены противоречия эпохи. Перед читателем проходят и образы бедных крестьян, наввно верящих в доброту помещика, и ремесленники и высшие», т. е. богатые люди, с презрением относящиеся к обездоленным.

«Героев рассказов Нуайме читатель может найти повсюду среди завсегдатаев кафе и пастухов в поле; кумушек, любительниц посплетничать, и садовников, ухаживающих за деревьями: мальчишек, разоряющих птичьи гнезда, и любителей природы; бездельников и несчастных бродяг, которые скитаются по улицам под дождем и ветром и т. д.»

Новеллы Нуайме объединены в трех основных сборниках «Было ли, не было» («Кана ма кана». Бейрут, 1937). «Высшие» («Акабир»). Бейрут, 1953), и «Абу Ватта» (Бейрут, 1959). Правда некоторые новеллы были опубликованы им в сборниках «Голос мира» («Саут ал-Алям». Каир, 1948), «Свет и

мрак) («Ан-нур ва-д-дайджур». Бейрут. 1950), «Дороги» («Дуруб». Бейрут, 1954) и др.

Школа Чехова сказалась на новеллистике Нуайме прежде всего в общей остросоциальной направленности его произведений, в ярком гуманизме, любви и уважении к труженикам. В небольшом сжатом объеме Нуайме, как и Чехов, дает броские и типичные для своей эпохи сцены жизни из различных слоев общества, изображая жизнь народа, его нужды и беды, несправедливости социальной системы, стойкий, мужественный, терпеливый и кроткий тип арабского крестьянина.

В рамках небольшой статьи невозможно рассмотреть все новеллистическое творчество Нуайме и выявить общие черты сходства с Чеховым. Остановимся на примере одного рассказа «Высшие», где достаточно полно прослеживается общие и отличительные черты писательской манеры Чехова и Нуайме.

Анализ рассказа арабского писателя мы предварим его собственным высказыванием: «основы новеллы - писал он - это лаконичность описаний событий и людей, динамичность диалогов; новелла должна восприниматься быстрее и легче, оставляя в памяти читателя тот след, который намерен оставить автор»⁸.

По мнению Нуайме, лаконичность должна привлечь читателя возможностью быстрее постигнуть основу содержания произведения, уловить его эстетическую сущность. Возможно, поэтому он обратился к прозаическому жанру новеллы, после того, как испытал свои творческие возможности в лирических стихах.

«Чем короче, тем лучше»⁹ - говорил русский писатель и избегал многословия, навязывания своих мнений, субъективности. Растянutosть, разжиженность для него - признак бесталанности. Подробности излишни, утомляют читателя, затушевывают главное. Вспомним знаменитый афоризм Чехова: «Чтобы сделать лицо из куска мрамора, надо отрубить от него все лишнее». Начинающим писателям он советовал отбрасывать определения к большинству глаголов и существительных и очень точно и метко выбирать из богатейшей палитры русского языка соответствующие глаголы и существительные.

Это требование простоты и естественности распространилось писателем и на подбор сюжетов. Сложность и трагизм, красота и родство жизни не

во временном, внешнем, эффектным, бьющем в глаза, а в повседневном течении, жизни. И это должно быть отражено в сюжете.

Многие рассказы Нуайме, несмотря на глубокое и всегда остро социально направленное содержание, очень лаконичны, собранны, коротки - три-четыре страницы. Эффект достигается, как у Чехова, чисто композиционными приемами: короткая экспозиция, часто состоящая из одной фразы, мгновенная завязка, быстрое развитие действия и неожиданная быстрая развязка. У Чехова она обычно носит трагикомический характер («Смерть чиновника», «Хамелеон», «Толстый и тонкий» и др.), у Нуайме - просто трагический («Высшие», «Подарок», «Бесплатный мед» «Степень бакалавра» и др.).

В рассказе «Высшие»¹⁰, небольшом по объему, писатель сумел нарисовать широкую, правдивую картину жизни крестьянина-арендатора и его взаимоотношений с хозяином. Крестьяне Абу Рашид, Умм Рашид и их маленький сын - цель писателя нарисовать судьбу этой семьи. У них нет собственной земли - они арендуют маленькую полосу у крупного землевладельца. Вся деревня состоит из одних арендаторов, которые отдают владельцу большую часть урожая. А урожай скудные: засуха, несортное зерно, отсутствие современных орудий труда. Приезжают хозяева за своей долей урожая, а крестьянам даже негде их принять, нечем их угостить. Парадный обед в честь хозяина - печеные яйца и немного овощей. Хозяин и его жена из «образованных», они брезгают войти в убогую лачугу крестьянина, ест из жестяных тарелок деревянной ложкой. Это было самым тяжким оскорблением Абу Рашида, ведь по традиции хозяин обязательно должен угостить своего арендатора. Когда гости собираются уезжать, их дочь требует, чтобы ей отдали петуха и козленка: Петух и козленок, единственные животные крестьянского хозяйства, были любимцами маленького Рашида. И когда требование хозяйской дочки было незамедлительно, без ропота и протеста с чьей бы то ни было стороны, исполнено, особенно трагично звучит горький и безнадежный крик отчаяния обиженного ребенка, «со всей быстротой своих маленьких ножек, бежавшего за машиною хозяев: «Небо внимало этим крикам, а горы отвечали громким эхом»¹¹.

Как и многие другие произведения, рассказ «Высшие» написан с трогательной любовью и сочувствием к ливанским крестьянам. Многогрудаль-

ные и беспомощные люди, которые не в силах вступить в борьбу с несправедливостью, - такими предстают они и со стороны рассказа «Высшие».

Один из основных художественных принципов творческого метода писателя - выявлять за повседневностью, обыденностью, отсутствием внешних эффектных коллизий существенно важное, типическое, глубоко значимое.

Нуайме раскрывает картины быта, нравов, взаимоотношений, профессиональных занятий, психологических переживаний, людей деревни. Абу Рашид и Умм Рашид («Высшие») воплощают в себе чисто народный тип. Для них жить - значит трудиться. Они терпеливо сносят все невзгоды жизни, рабскую зависимость от богатых и власть имущих и при этом не теряют ни чувства человеческого достоинства, ни чести (как они ее традиционно понимают), ни любви к жизни.

Но в отличие от Чехова герои Нуайме несколько идеализированы. Как правило, это положительный типаж - трудолюбивый, прямодушный, честный, деликатный, тонко чувствующий и способный к глубоким и чистым эмоциям. («Коробка спичек», «Хвост осла», «Степень бакалавра» и др.). Схематичность этих образов сродни схематичности героев из противоположного лагеря. Писатель стремится подчеркнуть в них наиболее типичные для власти «имущих» социально-классовые черты - надменность, бессердечие, сознание своего права властвовать, наслаждаться, оскорблять.

Резкое контрастирующее противопоставление образов из народа образам из «новых» времен дано во многих новеллах ливанского писателя («Высшие», «Браслет», «Коробка спичек», «Правдивый» и др.). Отметим, что это противопоставление в художественном плане не всегда бывает убедительным.

В своих произведениях Чехов стремился с максимальной объективностью дать характеристику социальной сущности героя; ничего от автора, сам читатель из поступков и обстоятельств, в которых действует герой, должен вынести соответствующие мысли и чувства. Писателя в новелле «Смерть чиновника» не интересует добрый или злой чиновник Червяков, глупый или умный, жадный или щедрый и т. д. Все в новелле подчинено одному - выявить у Червякова безумную боязнь начальства. Другие задачи стоят перед ливанским художником слова: не сатирическое осмеяние одной социальной черты, а социальный образ в соответствующем окружении и

обстановке. Делает он это очень умело, точно, не позволяя ничего лишнего, отвлекающего. В рассказе «Высшие» все предельно кратко: дом - одно предложение («убогая хижина, выстроенная из сучьев и ветвей деревьев»), утварь - несколько слов («ничего у них нет, кроме нескольких жестяных тарелок, глиняного кувшина да пары деревянных ложек и табля»), об урожае два слова - «наполовину меньше, чем в прошлом году»). Автор не отвлекается ни на что - ни на описание природы, одежды, внешности. Зато два больших абзаца отведены игре Рашида петухом и козленком. И это не случайно: игры органически вплетаются в общую картину нищей, скудной, тяжелой жизни крестьянской семьи. Сведение о том, что мальчик единственный оставшийся в живых от четырех сыновей Абу Рашида, тоже брошено вскользь.

В новеллах Чехова действие часто развивается при помощи диалога. Не то у Нуайме. Действие начинается и развивается сам автор. Попутно он дает характеристику действующих лиц. «До позднего вечера Абу Рашид и Умм Рашид обсуждали чрезвычайно важный вопрос, и не могли прийти ни к какому решению».

Их хозяин сообщил им, что придет завтра делить урожай... Его покойный отец был так же неграмотен, как они сами, так же прост в одежде, в привычках и в разговоре. Приезжая делить урожаем, он садился только на землю... Новый хозяин, юрист, жил в столице, как живут все «высшие» люди...»¹². Думается, что такой прием в развитии действия применялся Нуайме не потому, что у него не хватало таланта Чехова, но по другим обстоятельствам. Ведь Чехов в своих рассказах обычно типизировал одну какую-либо резко социальную черту: чиновничество в «Толстом и тонком», насилие и хамство в «Унтере Пришибееве», боязнь начальства в «Смерти чиновника», начальственное приспособленчество в «Хамелеоне» и др. Поэтому самым действенным и экономным приемом в развитии действия Чехов считал диалог. В речи действующего лица и концентрировалась типизируемая черта. У Нуайме это происходит иначе. Он не ставит своей целью сатирически типизировать лишь одну черту социального поведения, а стремится дать типизируемый образ в целом, в многогранности. И делает он это с сочувствием, состраданием.

Рассказ «Высшие», как и многие другие рассказы Нуайме, реалистичный. Элементы быта, обстановки, взаимоотношений между людьми разных общественных слоев, сама речь персонажей - воссоздают реальные картины

трудоустройственной деревни. Безусловно, в реализме Нуайме, его критическом восприятии жизни, в новом подходе к изображению окружающей действительности чувствуется влияние великого русского новеллиста А. П. Чехова.

Тем не менее, Нуайме, испытав на себе благотворное влияние Чехова, остался творчески оригинальным и самобытным художником. Многие, творчески восприняв от Чехова, Нуайме, как настоящая творческая индивидуальность, не следовал слепо за старшим учителем, а внес в жанр новеллы новые черты и признаки, необходимые ему для более полного отражения действительности его страны.

Выделив общие и отличительные черты в творчестве А.П. Чехова и М.Нуайме в пределах одной статьи, мы считаем необходимым подчеркнуть, что каждый из этих писателей глубоко своеобразная и цельная личность, и все своеобразие их творчества равно пронстекает как из условий среды общества, эпохи, потребностей времени, так и из индивидуальных особенностей, как личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журнал «ал-Адиб», Бейрут. 1965, № 2, с. 29.
2. Там же.
3. Ал-Хури, Ибрахим. «Тахта ал-маджхар». Бейрут, 1960 с. 11.
4. Наджм, Мухаммед Юсуф. «Ал-кисса, фил-л-адаб ал-араби ал-хадис». Каир, 1961, с. 278.
5. Там же, с. 279.
6. Журнал «ал-Хадис». Каир. 1944, №3, с. 146.
7. Ал-Хури, Ибрахим. Указ. кн.: с. 12.
8. Журнал «ал-Адиб». Бейрут, 1965, №2, с. 30.
9. А. П. Чехов. Собрание сочинений, т. 12, М., 1956, с. 56.
10. М.Нуайме. «Акабир». Бейрут. 1963, с. 7-16 (Пер. с араб. В.Красновского. В кн. М. Нуайме. Ливанские новеллы. М. 1959, с. 53-58).
11. М. Нуайме. Ливанские новеллы, с. 58.
12. Там же, с. 53.